

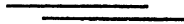
ИЗДАТЕЛЬСТВО

О СКРЫТОМЪ

СМЫСЛЪ ЖИЗНИ.

ПИСЬМА ТЕОСОФА

КЪ РУССКИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

ИЗДАНИЕ Е. ПИСАРЕВОЙ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
ИМЕНИ В. И. ГОЛОВА

986-83

КАЛУГА.
ТИПОГРАФИЯ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ.
1913 Г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
АННЫ ПАВЛОВНЫ ФИЛОСΟΦОВОЙ.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Стр.

Письмо I. О міровоззрѣніи Востока и Запада. . 1

Отношеніе западнаго сознанія къ судьбѣ чловѣка. Тяжелыя особенности психологіи европейской интеллигенціи.— Живая связь явленій въ міровоззрѣніи Востока. — Оторванность земной жизни отъ остальной Вселенной въ міровоззрѣніи Запада.— Трагизмъ чловѣческой жизни, не имѣющей прошлаго и будущаго.— Источникъ спокойнаго отношенія къ жизни и смерти на Востокѣ.— Западная юдожь скорби.— Восточная арена опыта.— Матерьялизмъ западной мысли, какъ вторая причина трагизма, съ которой ставятся психологическія проблемы на Западѣ.— Чловѣческая слѣпота временна.

Письмо II. О матеріализмѣ и идеализмѣ . . . 8

Кажущаяся бездна между воззрѣніями матеріалиста и идеалиста.— Воззрѣнія Толстого и воззрѣнія редакціи Русскихъ Вѣдомостей.— Два полюса сознанія: *форма и жизнь, средства и цѣль, мотивъ и процессъ дѣятельности.*— Нарушенное единство сознанія.— Теософическое объясненіе міроваго процесса основано на *одновременной эволюціи духа и матеріи.*— Соприкосновеніе Теософіи съ позитивнымъ мышленіемъ и съ задачами религіознаго идеализма.— Связующее звено, могущее соединить оба теченія современной мысли.

Письмо III. О единствѣ чловѣчества. . . . 21

Внутренній смыслъ историческаго процесса.— Виѣшнее разъединеніе и внутреннее единство.— Чловѣчество—единный живой организмъ съ единымъ сознаніемъ.— Работа клѣтокъ въ чловѣческомъ организмѣ.— Сознаніе клѣтокъ и сознаніе самого чловѣка.— Всѣ народы работаютъ для единой цѣли.— Геній Греціи и Рима растворился въ душѣ всего чловѣчества.— Грѣхъ разъединенія.— Что вызываетъ въ людяхъ энтузіазмъ?— Всечловѣкъ Достоевскаго.— Стремленіе къ вѣчному и абсолютному у лучшихъ русскихъ людей.

Письмо IV. Идеалы Востока и Запада. 33

Ростъ культурнаго творчества въ связи съ общечеловѣческими міровыми задачами.—Когда *общечеловѣчскія* задачи выполнены, ростъ останавливается, наступаетъ оскуденіе.—Необходимость новыхъ путей и новыхъ свѣточей.—Внѣшній блескъ европейской цивилизаціи и ея внутреннее варварство.—Красотѣ внѣшнихъ формъ должна соотвѣтствовать красота внутренняго содержанія.—Идеалы древней Индіи.—Ея сознание единства.—Высокія требованія отъ правителей народа.—Цари—посвященные.—Сѣтованія австралійскаго министра.—Идея долга у древнихъ народовъ Востока.

Письмо V. Путь Выступленія и Путь Возврата.. 48

Эволюція есть мостъ, соединяющій древне-восточное и современное европейское міропониманіе.—Что говорила древнему человѣку Дхарма.—Что говоритъ современному человѣку эгоизмъ.—Путь Выступленія.—Человѣкъ отождествляетъ себя съ формой.—Возникновеніе общественной этики.—Эволюціонный потокъ поварачиваетъ назадъ.—На пути Возврата кончается жажда брать.—Повелительная потребность отдавать.—Каждая отдѣльная жизнь *должна* участвовать въ общей жизни какъ ея отвѣтственная часть.

Письмо VI. Раджа-Йога. 53

Царственная Йога ведетъ къ сверхчеловѣчеству.—Тревожное исканіе нашего времени.—Въ отвѣтъ на это исканіе встаютъ забытыя сокровища древней Мудрости.—Возрожденіе древняго Востока послужитъ могучимъ толчкомъ для нашего духовнаго роста.—Задача древней Индіи.—Творчество внутреннее.—Могучая власть Йога надъ самимъ собой.—Встрѣча Йога съ героями Пшибышевскаго или Саллогуба и Арцыбашева.—Вниманіе Йога устремлено на дѣлое, а не на части, на вѣчное и прекрасное, а не на временное и несовершенное.—Йогъ борется и побѣждаетъ не для себя одного.—

Письмо VII. О необходимости внутр. культуры . 62

Для русской души особенно необходима внутренняя культура.—Опредѣленіе Гейне размѣра русской души.—Западный европеецъ сотворилъ себѣ «кумира» изъ своей культуры.—«Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ.»—Аналогія некультурной Россіи и некультурной русской души.—Необходимость провести богатства русской души черезъ самопознаніе и контроль воли и осуществить ихъ въ жизненномъ

творчествѣ.—Культура Запада была одновременно и школой народнаго воспитанія.—Необходимость религіознаго сознанія.—Религіозное сознаніе не есть церковность, а «ученость» не есть препятствіе къ религіозному сознанію.

Письмо VIII. Психологія русской души 70

Историческое прошлое русскаго народа.—Антитеза между духомъ и земными формами его жизни.—Отсутствіе органической культуры какъ у народовъ западной Европы.—Историческая школа само-отреченія русскаго народа.—Евангельскій богатый юноша.—Миссія русскаго народа.—Психологическія черты: глубокий демократизмъ, жажда царства Божія на землѣ, стремленіе къ общему и абсолютному.—Проторенные пути.—Новый путь требуетъ религіознаго сознанія.—Религіозное сознаніе вызываетъ настроеніе, враждебное эгоизму.—Человѣческое сознаніе описало полный кругъ и готово вернуться къ исходной точкѣ.

Письмо IX. О страданіи. 78

Глубокий разрывъ въ сознаніи современной интеллигенціи.—Страдальческая острота этого разрыва у Достоевскаго.—Неизбѣженъ ли такой разрывъ?—Спокойствіе и ясность *цельнаго* міросозерцанія.—Причины бунта и тоски у современной интеллигенціи.—Ужасъ «ненужнаго страданія.»—Источникъ страданія.—Незыблемость законовъ духа.—Опытъ, благодаря которому душа растетъ.—Мысль Ивана Карамазова воспринимаетъ обрывокъ явленія, безъ прошлаго и безъ будущаго.—Не отмщеніе ожидаетъ мучителя, а нерушимый законъ справедливости.—Всѣ поводы къ страданію упраздняются, когда побѣдившій человѣкъ достигнетъ высшей дѣли своей эволюціи—*преображенія въ образъ и подобіе Божіе*.

Письмо X. О вибраціяхъ мысли. 94

Ни одна мысль не пропадаетъ безслѣдно.—Чистыя мысли и чувства создаютъ свѣтлыя эпохи.—Вялыя, эгоистическія и нечистыя мысли и чувства создаютъ эпохи упадка.—Древняя Мудрость вводитъ насъ въ таинственную лабораторію духа.—Какъ создается общественное мнѣніе.—Отвѣтственность за невидимую работу мысли.—Средство вибрацій у посылающаго и воспринимающаго мысль.—Какъ защитить себя отъ несущихся на насъ со всѣхъ сторонъ вибрацій чужихъ мыслей.—Значеніе общенія съ благородными людьми и благородными книгами.—Воздѣйствіе дурной книги.

Письмо XI. О значеніи земной жизни для эволюціи
человѣка. 99

Можно ли назвать жизнь сномъ?—Какъ на это отвѣтитъ
человѣкъ практической жизни, философъ и мистикъ.—Какъ
отвѣчаетъ на этотъ вопросъ теософъ.—Загадка о человѣкѣ
разрѣшается ученіемъ о многочисленныхъ существованіяхъ
на землѣ.—Значеніе земныхъ переживаній для роста души.—
Въ каждой отдѣльной жизни проявляется лишь часть сознания
человѣческой Индивидуальности. — Дѣятельное выполнение
всѣхъ задачъ земной жизни, до конца *исполненный долгъ*, вы-
зываетъ внутренній ростъ человѣка.

Письмо XII. О вліяніи космическихъ вибрацій.. 109

Ходячіе предрассудки.—„Бездушная, жестокая природа.“ —
Разсужденія кровавого шарика о жестокости человѣка.—Лек-
ція проф. Докучаева о томъ, что жизнь почвы основана не
на „борьбѣ за существованіе“, а на *любви*. — Жизнь въ кучѣ
навоза.—Наука, изучающая магнитическіе токи, излучаемые
человѣческимъ организмомъ.—Невидимая работа праны въ
человѣческомъ тѣлѣ.—Аура здоровья.—Воздѣйствіе космичес-
кихъ излученій на ауру здоровья.—„Лечебница природой“ Рикли
въ южныхъ Альпахъ.—Воспитаніе дѣтей среди здоровыхъ ви-
брацій природы.—Психо-физическія эманации большихъ горо-
довъ.

Письмо XIII. Круговоротъ жизни. 120

„Идеализмъ какъ физиологическій факторъ“ профессора
Яроцкаго.—Связь физическаго здоровья человѣка съ его стрем-
леніемъ къ идеалу.—Человѣческая эволюція протекаетъ въ
трехъ мірахъ: физическомъ, эмоціоанальномъ (астральномъ) и
духовномъ.—Значеніе нравственности въ жизни народовъ.—
Скрытый источникъ народныхъ бѣдствій.—Народная карма.—
Разумная дѣятельность руководящихъ классовъ гаситъ злую
карму народа и создаетъ благоприятныя условія для его успѣ-
шнаго развитія.—Будущность за сильными, уравновѣшанными
и побѣдившими свою низшую природу.

Письмо XIV. Объ эволюціи человѣка. 131

Физическіе проводники человѣка создавались вслѣдствіе
его *усилія познать жизнь въ себя*.—Личность и Индивидуаль-
ность.—Индивидуальное начало выражается *самопознаніемъ и*
творчествомъ.—Опытъ животнаго обогащаетъ общую душу цѣ-
лаго вида, опытъ человѣка обогащаетъ индивидуальную душу.—

У животнаго высшее начало *личное*, у челоуѣка оно низшее.— Личное начало въ челоуѣкѣ стремится къ *самоутвержденію* и *обособленности*, высшее—къ *самопознанію* и *единенію*.—Современный челоуѣкъ существо не *законченное*, оно подлежить постоянной перемѣнѣ.—Прошлое челоуѣка необозримо и будущее его не имѣетъ предѣловъ.—

Письмо XV. Совершенствуется ли нравственность? 142

Процессъ жизни ведетъ къ постепенному раскрытію сознанія.—Ступени эволюціи. Переходная эпоха производитъ впечатлѣніе регресса.—Процессъ приспособленія беретъ много силъ.—Равновѣсіе расшатывается, психологія усложняется. Въ низшихъ царствахъ природы на переходныхъ ступеняхъ замѣчается такой же видимый регрессъ.—Русскій народъ приспособляется къ новымъ условіямъ жизни.—Тяга крестьянской молодежи въ города.—Явленіе декаденства.—Нервность современныхъ дѣтей.—

Письмо XVI. Внутренній смыслъ раздѣленія людей на сословія. 151

Вопросъ объ общественномъ неравенствѣ разрѣшается учеными древней Мудрости.—„Идеалистическій монизмъ“.—Вселенная—единство, въ которомъ каждая отдѣльная часть выполняетъ свою собственную задачу.—Для совершенства вселенной требуется не однообразіе, а разнородность составныхъ частей.—Касты древней Индіи были основаны на знаніи процессовъ внутренней эволюціи челоуѣка.—Дхарма.—Законъ причинности.—Три элемента внутри челоуѣка: животное—челоуѣкъ—Богъ.—Организмъ усложняется *постепенно*.—Опасность утонченныхъ условій культурной жизни для организма крестьянина.—Долгъ высшихъ сословій относительно низшихъ.—

Письмо XVII. Объ отношеніяхъ къ животнымъ. 169

Международный конгрессъ „друзей животныхъ“.—Животные не грѣшатъ, потому что не сознаютъ, что убивать дурно.—Люди сознаютъ это и потому грѣшатъ, убивая животныхъ.—Мясоѣденіе усиливаетъ животныя страсти и вызываетъ склонность къ алкоголизму.—Связь мясоѣденія съ болѣзнями.—Вивисекція.—Отношеніе убитыхъ къ убивающимъ въ потустороннихъ мірахъ.—Вибраціи страха и ненависти.—Связь этихъ вибрацій съ страхомъ смерти.—Убійство животныхъ для питанія будетъ современнымъ такъ же невозможно, какъ людоедство.—Сознаніе единства жизни принесетъ челоуѣку и физическое здоровье, и внутреннюю гармонію.—

Письмо XVIII. По поводу чумы. 184

Событія 1911 г. на Дальномъ Востокѣ—какъ бы страшная иллюстрація къ ученіямъ теософіи.—Ясновидѣніе у умирающихъ.—Поля сраженія отдѣляютъ отъ себя невидимыя тучи, заряженные ужасомъ и отчаяньемъ.—Куда дѣваются эти тучи?—На землѣ зараждаются причины всего совершающагося, въ потустороннемъ мірѣ созрѣваютъ послѣдствія этихъ причинъ.—Круговоротъ жизни.—Зараза физическая.—Зараза нравственная.—Борьба съ физической заразой.—Борьба съ заразой нравственной.—Возможность создать очагъ силы, вліяніе которой подниметь все человѣчество.—

Письмо XIX. О Львѣ Николаевичѣ Толстомъ... 193

Переходъ человѣческаго сознанія съ низшихъ ступеней на высшія составляетъ содержаніе всего историческаго процесса.—Различнымъ періодамъ общечеловѣческой эволюціи соотвѣтствуютъ различные возрасты человѣка.—Задача христіанства.—Разрывъ сознанія.—Кантъ оформливаетъ разрывъ духа и матеріи.—Задачи западной культуры приближаются къ своему завершенію.—Л. Н. воплощаетъ въ себѣ *новыя* стремленія современнаго человѣчества.—Свойство его генія.—Цѣльность его вѣры.—Почему онъ дорогъ для всѣхъ.—

Письмо XX. Объ аскетизмѣ. 206

Разные виды аскетизма.—Церковный взглядъ на аскетизмъ.—Матерьялистическій взглядъ.—«Непрестанная брань».—Безплодность усилія уничтожить низшую природу.—Безсиліе не въ человѣкѣ, а въ способѣ борьбы.—Наши страсти подлежатъ не уничтоженію, а *преображенію*.—Внизу—эгоистическія страсти, вверху—сверхличныя страсти.—Побѣдители все прощаютъ, человѣконенавистники не прощаютъ потому, что не смогли побѣдить своихъ страстей.—Половая страсть.—Страстная любовь къ идеалу.—

Письмо XXI. Аскетизмъ монаха и аскетизмъ оккультиста. 214

Борьба монаха отразится въ будущемъ воплощеніи *выросшей волей*.—Трудность отвыканія отъ установившихся привычекъ.—Строгая дисциплина жизни развиваетъ цѣнный ритмъ въ организмѣ.—*Внутренняя собранность*.—Необходимость аскетизма для оккультиста.—Очищеніе тѣла, мыслей и чувствъ.—Тѣло должно стать послушнымъ орудіемъ духа.—Одинаково неправильно *недѣланье ради усмиренія* своей плоти и *чрезмѣрное*

дѣланье ради удовлетворенія ея.—Гоненіе на плоть и ея обожествленіе должны быть одинаково чужды духовно развитому человѣку.—Необходимость уединенія для подвижниковъ.—

Письмо XXII. О богостроительствѣ. 221

Тревога исканія.—«Сказки земли» Гусева—Оренбургскаго.—«Исповѣдь» Горькаго.—Нравственная отвѣтственность любимаго писателя.—Тревога человѣка не успокоится, пока въ его жизни не водворится правда.—Основная мысль религіи Горькаго.—Личность исчезаетъ, она растворяется въ *миръ народа*.—Расчлененіе «народа» у Горькаго на чуждые другъ другу части.—Опредѣленіе человѣка по сословнымъ признакамъ не ведетъ къ вѣрной оцѣнкѣ.—Вѣрная оцѣнка въ *полезности* человѣка *для всего народа*.—Величіе народа въ его способности поклоняться передъ высшимъ началомъ.—Эгоистическіе дѣйствія не могутъ имѣть силы надъ русской душой.—

Письмо XXIII. Объ идеи св. Троицы. 234

Современное сознаніе направлено къ утвержденію личности.—Религіозныя идеи зовутъ человѣка переступить границы личности и войти въ единство вселенской Жизни.—Единый Богъ раскрывается въ трехъ аспектахъ.—Функции этихъ трехъ аспектовъ:—Воля, Мудрость, Дѣятельность. Единая Матерія также тройственна; ея три вида: *Инерція* (сопротивленіе), *Движеніе* (энергія), *Ритмъ* (гармонія). Когда эти три свойства матеріи въ равновѣсіи, тогда она *безплодна*; когда же они выходятъ изъ равновѣсія, матерія дѣлается *Матерью міровъ*.—Творчество третьяго лица св. Троицы.—Жертва Второго лица св. Троицы, облакающагося въ ограниченія матеріи.—Двойственность Второго Лица.—Троичность человѣческаго Духа.—Постепенное раскрытіе его трехъ аспектовъ внутри человѣка.—

Письмо XXIV. О радости. 247

Радость есть отраженіе Жизни Бога.—Радость маленькаго дитяти и святаго.—Три признака, отмѣчающіе дитя и святаго.—Сложность жизни гаситъ радость.—Сложность жизни нужна, пока человѣкъ растетъ.—Временные гасители радости: *темнота*, *озлобленіе*, *предразсудки*.—Вся жизнь есть неустанное достиженіе въ восходящемъ порядкѣ.—Совершенная красота даетъ совершенную радость.—Радость духовна.—Радость сверхлична.—Опытное переживаніе радости и религіозное сознаніе—въ непосредственной связи.—

Письмо XXV. О красотѣ. 257

Таинственные слова Евангелія.—Представленіе о человѣкѣ, какъ о сосудѣ грѣха.—Патетическое настроеніе христіанскаго міра.—Исполнится ли обѣщанное Христомъ?—Новая мировая задача: *раскрытіе тайны человѣка*.—Воздѣйствіе искусства на *высшую природу* человѣка.—Лекція-концертъ Шора.—Ритмическая гимнастика Далькроза.—Цвѣтозвукѣ А. В. Унковской.—Новая эра выразится вѣрсь въ *красоту* человѣка, въ *безпредѣльныя возможности* его эволюціи, въ *божественныя свойства* его духа.—

Письмо XXVI. О трудѣ. 267

Докладъ А. Л. Погосской о ручномъ трудѣ.—Созданный ею въ Лондонѣ *Международный союз ручного Труда*.—Трудъ носить въ себѣ всѣ элементы красоты, когда производится съ любовью.—Красота труда нарушилась тогда, когда человѣкъ взвалилъ впервые свой трудъ на чужія плечи.—Современный идеалъ труда: *какъ можно меньше трудиться и какъ можно больше получать за свой трудъ*.—Ненормальность таксго положенія вещей для здоровья и нравственности человѣка.—*Свободнымъ* можно назвать лишь тотъ трудъ, который дѣлается съ *любовью* и совершенно *независимо отъ прибыли*, которую онъ принесетъ своему творцу.—

Письмо XXVII. О характерѣ труда въ будущемъ.. 277

Слабыя стороны развивающагося человѣка возведены въ *законъ его природы*, а несовершенство его учреждений въ *железный законъ необходимости*.—Учрежденія созданы людьми, люди же и замѣняютъ ихъ новыми.—Трудъ раба, продажный трудъ, трудъ будущаго.—Смѣшеніе богатства съ эксплуатацией.—Значеніе труда для *настроенія* человѣка.—Человѣческія отношенія могутъ *измѣниться* кореннымъ образомъ только когда *измѣнится мотивъ* человѣческаго труда.—Отвѣтственность интеллигенціи.—Эгонизмъ подрывается *сознаніемъ единства*.—Современныя кооперации.—Гамбургское товарищество „Продукціонъ“.—Мотивы труда должны быть *безкорыстны*.—

Письмо XXVIII. О любви между мужчиной и женщиной 289

Причины обезцѣненія жизни.—Плоскость сознанія.—Отношеніе матерьялиста къ любви.—Сверхфизическая сторона любви.—Причина отвращенія къ жизни.—Есть ли продолженіе человѣка рода единственная дѣль половой любви?—Книга Успенскаго Tertium Organum.—Анализъ *полового чувства и любви*.—Куда

уходить тотъ огромный избытокъ силы, влекущей мужчину и женщину другъ къ другу, который вложенъ въ челоѡчество въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ это нужно для продолженія рода?—Эпохи расцвѣта искусства и эпохи упадка.— Почему влюбленный хорошеетъ?—Клевета на челоѡвѣка.— Челоѡвѣкъ не можетъ грѣшить противъ закона своей души безъ стыда и безъ недовольства собой.—

Письмо XXIX. По поводу самоубійства. . . . 302

Двѣ стороны Теософическихъ ученій.—Высшія измѣренія вселенной.—Нашему сознанию становится тѣсно на одномъ физическомъ планѣ.—Умственный гипнозъ.—Жизнь есть неустанное *достиженіе въ восходящемъ порядкѣ*.—Необходимость обосновать нашу вѣру въ Бога на разумныхъ началахъ.—Мораль религіознаго сознания требуетъ нравственной культуры *всего* челоѡвѣка: его мыслей, эмоцій, желаній и поступковъ.—Чувство единства со всѣмъ живымъ разрушаетъ ложное представленіе объ одиночествѣ челоѡвѣка.—Чѣмъ мы обязаны своему народу и своей семьѣ.—Виноватъ ли челоѡвѣкъ въ томъ, что родился на свѣтъ?—Чѣмъ труднѣе условія жизни, тѣмъ необходимѣе оставаться на своемъ посту.—За какими людьми будущность?—

Письмо XXX. О парижанинѣ, разъясняющемъ Индусамъ смыслъ ихъ св. Писанія 314

Бруксъ.—Его проповѣдь Индусамъ.—Его книга *Евангеліе Жизни*.—Смыслъ жизни *въ сверхличномъ служеніи*.—Примѣненіе древней мудрости къ современному историческому процессу.—Расчлененное челоѡчество въ прошломъ.—Новыя условія.—Недостатокъ *освѣдомленности* ведетъ къ разьединенію.—Механическая нервная система, покрывшая земной шаръ, есть внѣшній показатель внутренняго факта.—Двойственность европейскаго сознания должна притти къ концу.—Бруксъ предвидитъ появленіе великаго Учителя, который дастъ міру единую объединяющую религію.—Религія будущаго дастъ новое откровеніе о томъ единомъ духѣ, который живетъ во всѣхъ людяхъ.—Два сознания, живущія въ насъ.—Религія будущаго усилитъ наше сознаніе единства и ослабитъ сознаніе нашей отдѣльности.

Введеніе.

Собранныя въ этой книгѣ «Письма къ Читателямъ» печатались за подписью «Другъ читателя» въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ «Вѣстникѣ Теософіи». Мы рѣшились выпустить ихъ отдѣльной книгой въ виду того, что въ нихъ вылилось цѣльное міросозерцаніе, могущее помочь тѣмъ ищущимъ, для которыхъ раскрытіе смысла жизни является насущной потребностью.

Древняя Мудрость говоритъ, что человѣкъ—«созданіе своей мысли», и это глубоко вѣрно. Пессимистъ и оптимистъ, идеалистъ и матерьялистъ—совершенно различныя существа: одинъ относится къ жизни отрицательно, а другой любитъ и цѣнитъ ее, одинъ видитъ въ ней высшій смыслъ, другой не признаетъ такого смысла, а въ результатѣ—двѣ совершенно разныя психологіи и совершенно различная цѣнность жизни.

Это—внутри нашего европейскаго общества; если же взять вопросъ еще шире и сравнить міросозерцаніе обоихъ полушарій—Востока и Запада, то разница выйдетъ еще поразительнѣе. А между тѣмъ, истина должна быть одна для всего человѣчества. И то, что люди подходятъ къ ней съ такихъ противополож-

ныхъ сторонъ и видятъ ее въ такихъ различныхъ аспектахъ, ясно говоритъ, что различно думающіе видятъ только одну ея грань.

Понять это и, не закрывая своего сознанія отъ остальныхъ граней истины, извлечь изъ всей сокровищницы человѣческой мысли наиболѣе цѣнное и построить изъ этого наиболѣе цѣннаго такое міросозерцаніе, которое удовлетворило бы всѣмъ сторонамъ сложнаго человѣка—эта задача стоитъ на первой очереди въ наше время.

Раздробившееся на множество противорѣчивыхъ понятій, запутавшееся въ научныхъ и партійныхъ предразсудкахъ, потерявшее самый смыслъ жизни, наше сознаніе требуетъ водворенія единства и гармоніи между мыслью, чувствомъ и дѣятельностью человѣка.

Чтобы отвѣтить на эту потребность и появилось ученіе *Теософіи* въ ея современномъ видѣ. Одинаково признавая необходимость науки, вѣдущей формами жизни, религии, отвѣчающей на духовные запросы человѣка, и искусства, объединяющаго обѣ стороны его жизни, Теософія подходитъ къ раскрытію смысла жизни со всѣхъ сторонъ; она пользуется опытомъ всего человѣчества на протяженіи всей его эволюціи и стремится объединить его религіозное, научное и художественное сознаніе въ *единое внутренне спаянное міропониманіе*. «Письма къ русскимъ читателямъ» есть попытка познакомить ихъ съ тѣмъ, какъ теософія отвѣчаетъ на различныя проблемы жизни. Но

письма эти не имѣютъ въ виду излагать ученія теософіи; предполагается, что читатель знакомъ съ ея основными положеніями.

Для тѣхъ, кто не знакомъ съ ними, упомянемъ, что ученія теософіи опираются на законъ эволюціи, но не въ западно-европейскомъ одностороннемъ смыслѣ, а примѣняя этотъ законъ къ обоимъ полюсамъ міровой жизни—какъ къ видимымъ матерьяльнымъ формамъ, такъ и къ невидимому внутреннему содержанію ихъ.

Началомъ эволюціи теософія признаетъ Высшій Разумъ, а ея цѣлью—развитіе всѣхъ заложенныхъ въ человѣкѣ скрытыхъ возможностей до божественнаго совершенства.

По отношенію къ текущей жизни теософическое міропониманіе ведетъ къ дѣятельному идеализму, и вызываетъ въ человѣкѣ настроеніе бодрое, свѣтлое и полное активности.

Появляясь въ отдѣльной книгѣ, «Письма къ Читателямъ» подверглись неизбежной перестановкѣ, мѣстами сокращенію, а мѣстами дополненію, такъ какъ они возникали безъ предварительнаго плана въ отвѣтъ на то или другое явленіе, которое останавливало на себѣ вниманіе автора писемъ.

Е. Писарева.

ПИСЬМО I.

(*О міровоззрѣніи Востока и Запада*).

У Эмерсона есть интересная страница, которая можетъ служить яркой иллюстраціей для религіознаго міровоззрѣнія Запада. Въ ненастную осеннюю ночь, въ древнемъ замкѣ, собралось нѣсколько рыцарей во-кругъ пылающаго камина. Они тихо бесѣдуютъ о без-смертіи души. Вдругъ въ залу влетаетъ птичка и, сдѣлавъ нѣсколько круговъ въ освѣщенномъ прост-ранствѣ, снова улетаетъ въ темноту ночи. Для при-сутствующихъ птичка эта явилась живымъ символомъ таинственной загадки жизни. Откуда появилась она? Куда улетѣла?

Религіозная мысль Запада не отвѣчаетъ на эти вопросы. Ей извѣстны условія человѣческаго существо-ванія лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ земного міра. Все остальное для нея—неразгаданная тайна. Оттого у насъ на Западѣ столько духовнаго смятенья, такое мучитель-ное недоумѣнье передъ посмертной судьбой человѣка.

Совершенно иное отношеніе къ жизни и смерти у религіозной мысли Востока: для нея судьба птички *внѣ* освѣщеннаго зала не тайна. Она знаетъ ея прош-лое, знаетъ и то, что покинувъ освѣщенное прост-

ранство, она не погибнетъ во мракѣ, а дождется зари и съ новыми силами и съ ликующей пѣснью полетитъ навстрѣчу восходящему свѣтилу.

Если вникнуть въ этотъ символъ, мы увидимъ въ немъ одну изъ причинъ тяжелыхъ особенностей современной европейской психологіи. Для восточнаго сознанія земля и ея жизнь представляетъ лишь одну изъ переходныхъ ступеней въ цѣпи міровъ, видимыхъ и невидимыхъ; точно также и каждое отдѣльное земное воплощеніе человѣка—лишь одинъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ его жизни, *имѣющей корни въ вѣчности и перспективу безграничнаго развитія въ будущемъ.*

Въ сознаніи древняго Востока сохранялась живая связь, соединяющая всю міровую жизнь въ одно великое цѣлое, въ одну живую цѣпь явленій, гдѣ каждое звено соединено съ другимъ звеномъ и весь смыслъ жизни держится только на этомъ единствѣ.

Не то на Западѣ. Тамъ всякая связь земли съ остальной вселенной оборвана для сознанія. Вся вселенная тонетъ во мракѣ неизвѣданности, и только одна земля ярко освѣщена и на нее одну устремлено все вниманіе, весь интересъ и всѣ чаянья души. Вслѣдствіе этого нарушены всѣ пропорціи, утеряны всѣ соотношенія, въ родѣ того, какъ если бы мы вздумали смотрѣть на одну точку большого живого организма, ярко освѣщенную электрическимъ свѣтомъ въ то время, когда все остальное остается въ полной темнотѣ.

Европейское міросозерцаніе, рассматривающее каждую человѣческую жизнь какъ нѣчто отдѣльное и

завершенное, не связанное съ прошлымъ, имѣющее проблематическое будущее во мракѣ неизвѣстности, или совсѣмъ не имѣющее будущаго, вращается въ замкнутомъ кругѣ, гдѣ мысль разбивается въ бесплодныхъ усиліяхъ уловить цѣль такого существованія. Отсюда трагическое недовольство наблюдателя. Передъ нимъ только обрывокъ великой мірской драмы, только одинъ эпизодъ изъ вѣчной жизни души; не признавая ничего, кромѣ этого обрывка, онъ его кристаллизуетъ въ нѣчто неподвижное и законченное, носящее на себѣ всѣ тяжелые признаки *ненужности и произвола*. Чтобы понять смыслъ этого обрывка, необходимо связать его съ предыдущимъ и послѣдующимъ, а это невозможно, когда временное явленіе развивающагося процесса жизни превращается въ постоянную величину.

Благодаря полной оторванности земной жизни отъ остального міра и благодаря незнанію, *какого рода* взаимодействіе существуетъ между *видимымъ* полемъ наблюденія и его *невидимыми* продолженіями во всѣ стороны, и происходитъ трагическая острота, съ которой европейскіе мыслители и художники, особенно русскіе, ставятъ свои вопросы, относящіеся до земной жизни человѣка.

Подобной остроты не можетъ быть тамъ, гдѣ всѣ личныя переживанія отдѣльнаго человѣка признаются не случайностью, а естественными послѣдствіями причинъ, которыя тотъ же самый человѣкъ посѣялъ въ своихъ прошлыхъ существованіяхъ. Твердая вѣра древняго Востока въ многочисленныя существованія

человѣка на землѣ, увѣренность, что въ одномъ воплощеніи человѣкъ своими мыслями, чувствами и поступками порождаетъ рядъ причинъ, которыя въ послѣдующемъ воплощеніи того же человѣка проявляются въ видѣ естественныхъ послѣдствій (законъ причинности или карма),—такая вѣра создавала совершенно иное настроеніе и заставляла смотрѣть на земную жизнь не какъ на юдоль скорби, а какъ на *арену опыта*, необходимую для того, чтобы сложная человѣческая душа развивалась по всѣмъ направленіямъ, чтобы, извлекая посредствомъ всевозможныхъ соприкосновеній съ объективнымъ міромъ все его содержаніе, она претворяла его въ *вѣчныя цѣнности своей бессмертной сути*.

Только ради этого и существуетъ объективный міръ: какъ не могла бы осуществиться идея растенія, заключенная въ сѣмени, если бы послѣднее было лишено воздѣйствія почвы, влаги и свѣта, такъ же не могли бы проявиться заложенные въ душѣ способности и свойства, если бы на нее не воздѣйствовалъ земной опытъ съ его чередующимися страданіями и радостями, нуждой и пресыщеніемъ, униженіемъ и величіемъ... И проходитъ человѣкъ черезъ всѣ эти ступени опыта не случайно и не произвольно, а благодаря незыблемымъ законамъ духа, столь же неуклоннымъ, какъ и законы матеріи, и результаты для души получаютъ не случайные и произвольные, а соотвѣтствующіе тѣмъ интимнымъ, никому невѣдомымъ *внутреннимъ* движеніямъ души, которыя и являются творческимъ началомъ,

претворяющимъ все переживаемое человѣкомъ въ растущую *совѣсть* и развивающееся *самосознаніе*.

По сокровеннымъ ученіямъ Древней Мудрости, человѣческая душа проходитъ поочередно черезъ всѣ эпохи, расы, культуры и черезъ всѣ общественныя положенія ради того, чтобы своими *собственными усиліями, своимъ собственнымъ творчествомъ* развить до полноты всѣ божественныя свойства, которыя заложены въ ней только какъ возможности.

При такомъ возрѣннiи, судьба единичной личности должна неминуемо потерять всю ту трагическую остроту, которая такъ рѣзко выступаетъ въ устремленномъ на одну земную жизнь сознаніи европейца.

Восточная мудрость смотритъ на земную жизнь какъ на школу, въ которой человѣческая душа переходитъ изъ класса въ классъ, обучаясь до тѣхъ поръ, пока не усвоитъ всего, чему земной міръ можетъ научить ее.

Совершенно иначе смотритъ на жизнь религіозная мысль Запада; она видитъ въ ней не школу, а скорѣе исправительную тюрьму, въ которой страдаетъ грѣховное тѣло человѣка и задыхается его безсмертный духъ.

Вторая причина трагизма западной психологіи коренится въ матеріализмѣ западной мысли, которая не въ силахъ дать разумнаго объясненія полному несоотвѣтствію между душой человѣка, вѣчной по самой своей *сущи*, по *задачамъ* и *цѣлямъ* своимъ, и той хрупкой формой, подверженный безчисленнымъ случайностямъ, въ которую душа облекается на землѣ.

Кирпичъ, падающій на голову мечтателя и разбивающій ее; шальная пуля, убивающая въ расцвѣтѣ юности гениальнаго Лермонтова; покачнувшаяся лодка, отнимающая у міра Шелли,—все это вызываетъ мучительное недоумѣніе, какъ полная несообразность между цѣнностью содержанія и непрочною формою. Если такую смерть, какъ смерть Лермонтова и Шелли, понимать какъ результатъ бездушнаго сцѣпленія причинъ и послѣдствій механическаго міроваго процесса («жизнь для жизни намъ дана»), нельзя не испытать глубокой скорби передъ жестокой безсмыслицей подобнаго сочетанія... Нельзя помириться съ тѣмъ, чтобы эти сверкающія огнемъ вдохновенія пѣсни, эти титаническія стремленія къ Вѣчному были неразрывно связаны съ мозгомъ убитаго поэта...

А массовыя истребленія? Цѣлыя семьи, даже цѣлые города, среди которыхъ столько рѣзвизшихся дѣтей, погибаютъ отъ пожаровъ, потоповъ, землетрясеній... Вездѣ форма разбивается съ такой поражающей легкостью, что человѣкомъ, отождествляющимъ ее съ внутреннимъ содержаніемъ, овладѣваетъ отвращеніе къ жизни, недоумѣніе и страхъ.

Совершенно иное настроеніе раскрывается въ религіозномъ міровоззрѣніи древняго Востока. Оно совсѣмъ не признаетъ смерти. Послѣ тѣлесной смерти *самъ* человѣкъ остается даже болѣе живымъ, чѣмъ былъ въ земной своей оболочкѣ; съ него только спадаетъ тяжеловѣсная одежда изъ плоти, которая ограничивала его свободу. Съ послѣднимъ біеніемъ сердца, человѣкъ

сбрасываетъ эту одежду, временно соединявшую его безсмертную суть съ физическимъ міромъ, и—только. Жизнь его продолжается во всѣхъ остальныхъ мірахъ, кромѣ земного. Для безсмертной души Лермонтова перевернулась только новая страница въ вѣчной книгѣ жизни. И замолкъ онъ для 19-го вѣка и для Россіи конечно не вслѣдствіе жестокой случайности, которой въ мірѣ, управляемомъ Божественнымъ Разумомъ, быть не можетъ. И всѣ разбитыя формы жизни, уничтожаемыя по одиночкѣ или цѣлыми массами, какъ при землетрясеніяхъ и другихъ катаклизмахъ природы, разбиваются не случайно, а вслѣдствіе разумныхъ и важныхъ цѣлей, которыя ускользаютъ отъ нашего ограниченнаго сознанія.

Но ограниченность эта только временная: настанетъ часъ для каждаго изъ насъ, когда передъ нами развернется какъ единый свитокъ весь земной періодъ человѣческаго бытія, и мы узнаемъ, *почему* былъ убитъ Лермонтовъ, *почему* утонулъ Шелли, *почему* цѣлыя населенія истреблялись землетрясеніями и пожарами.

ПИСЬМО II.

(О матерьялизмъ и идеализмъ).

Жизнь една и непреходяща. Виѣшнія формы, въ которыя жизнь облается, разнообразны и подлежатъ уничтоженію, когда цѣль ихъ проявленія достигнута. Цѣль эта—служить развитію *сознанія*, высшее выраженіе котораго есть *человѣческая совѣсть*.

Теософическое пониманіе Жизни и Формы.

Почти такая же бездна, какая существуетъ между древнимъ Востокомъ и современнымъ Западомъ, раскрывается и между двумя главными теченіями европейской мысли. Матерьялистъ не понимаетъ идеалиста. Они говорятъ на разныхъ языкахъ, потому что подходятъ къ явленіямъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. И пока это будетъ длиться, до тѣхъ поръ всѣ ихъ споры не приведутъ ни къ чему.

Такой бесплодный споръ попался мнѣ въ 284 номеръ Русскихъ Вѣдомостей*, гдѣ помѣщена статья Л. Н. Толстого и замѣтка редакціи по поводу этой статьи.

Суть статьи Л. Н. въ томъ, что всѣ тяжелыя переживанія европейскихъ народовъ происходятъ вслѣдствіе

---

*) 7 декабря 1908 г.

неимѣнія у нихъ религіознаго сознанія. Признавъ религію совсѣмъ ненужной для человѣка, большинство европейцевъ осталось безъ «всякаго религіознаго объясненія своей жизни и вытекающаго изъ него руководства поведенія». Но въ тоже время и старый законъ насилія однихъ надъ другими отжилъ и отвергается сознаніемъ большинства.

Отсюда вся трудность современнаго положенія, и устранить бѣдствія, отъ которыхъ стонуть современные народы, можно только однимъ: «самымъ естественнымъ, самымъ свойственнымъ человѣку и легкимъ дѣломъ, даже не дѣломъ, только *недѣланьемъ* поступковъ, противныхъ сознанію».

Какъ этого достигнуть? «Жить по закону Божескому, а не по закону человѣческому... подчиняться одному закону любви, который даетъ высшее благо... Только сознаніе людьми въ себѣ высшаго духовнаго начала и вытекающее изъ него сознаніе своего истиннаго человѣческаго достоинства могутъ освободить людей отъ порабощенія однихъ другими. И сознаніе это уже живетъ въ человѣчествѣ и всякую минуту готово проявиться». Такъ кончаетъ Л. Н. свою статью.

Замѣтка Редакціи составлена въ очень хорошемъ тонѣ и несмотря на ея краткость и случайность, она—рядомъ съ статьей Л. Н.—представляетъ большой интересъ, ярко выражая ту пропасть, которая раздѣляетъ представителей двухъ противоположныхъ полюсовъ современнаго сознанія, *матеріалистическаго позитивизма и религіознаго идеализма*.

Когда я прочелъ статью Л. Н. и замѣтку редакціи «Р. Вѣдомостей», передъ моимъ воображеніемъ выступила такая символическая картинка: въ домѣ съ двумя большими окнами, которыя выходятъ на двѣ противоположныя стороны, живутъ два человѣка, оба умные, наблюдательные и искренніе, но каждый изъ нихъ смотритъ круглый годъ въ *свое* окно и только изрѣдка заходитъ на короткое время къ сосѣду и въ эти минуты бросаетъ взглядъ и въ его окно. Глядя въ противоположныя стороны, они и видятъ разное. Изъ одного окна видны дали океана и небесъ и на переднемъ планѣ одинокая гора, обвѣянная свѣжимъ воздухомъ вершинъ; на горѣ—храмъ, и къ нему по крутой тропинкѣ поднимаются люди въ тихомъ и серьезномъ настроеніи. Глядящій въ *это* окно смотритъ на нихъ и на небесныя зори или звѣздное небо, и до него доносятся голоса изъ Вѣчности.

Другой жилецъ видитъ изъ *своего* окна совершенно иную картину; огромную, кипучую шумную жизнью площадь большого промышленнаго города, на которую выходятъ всевозможные фасады фабрикъ и музеевъ, казармъ и тюремъ, а на самой площади идетъ сложная и пестрая суета: люди спѣшатъ, толкаются, маршируютъ, занимаются торговлей, ссорятся, перегоняютъ другъ друга. Отъ этой пестрой картины въ открытое окно доносятся оглушительные шумы экипажей, свистки автомобилей, рѣзкіе звуки военной музыки, выкрикиванье торгующихъ, говоръ толпы, а иногда крики и стоны задавленныхъ...

Объ картины вызываютъ совершенно иное настроеніе въ душѣ того и другого человѣка, и когда оба заглядываютъ изрѣдка въ чужое окно, они видятъ совершенно различно. Одинъ, заглянувъ въ окно со-сѣда на оглушительно-пеструю площадь, удивляется—*зачѣмъ все это*, и находитъ, что совсѣмъ не *это* важно и нужно для счастья человѣка. Другой съ полнымъ основаніемъ указываетъ на поразительный «прогрессъ во всѣхъ областяхъ частнаго быта и политическаго стоя, на развитіе наукъ и искусствъ, на широкое распространеніе просвѣщенія, на стремленіе къ поднятію народнаго благосостоянія» и т. д. и т. д. Но то, что для него—суть всего жизненнаго творчества, то для другого лишь временныя явленія, не имѣющія вѣчной цѣнности, а что для этого другого—главное, то для перваго—неосуществимая мечта. Одинъ видитъ *разнообразіе явленій*, другой—*единство цѣли*; одинъ смотритъ въ настоящее и прошедшее, другой въ будущее и вѣчное; одинъ анализируетъ, другой обобщаетъ, у одного работаетъ земной разумъ, у другого—высшее сознаніе.

А когда оба заговорятъ, даже на протяженіи небольшой бесѣды, укладываемой въ газетной статьѣ, сколько противоположныхъ выводовъ!

«Человѣкъ», по мнѣнію того, который смотритъ на шумную площадь, «есть обобщеніе, идея, а не реальность; въ дѣйствительности, мы не знаемъ человѣка внѣ известной расы, народности, эпохи, культуры, не знаемъ духа, который былъ бы внѣ плоти, внѣ условій наслѣдственности и темперамента»....

«Только одно реально: человекъ, жизнь человека»—говоритъ смотрящій на далекіе горизонты; «государство есть фикція... Ученіе Христа открываетъ человеку такое его назначеніе и благо, которыя не могутъ измѣняться соотвѣтственно какимъ-либо внѣшнимъ учрежденіямъ»...

«Общественное служеніе невозможно безъ борьбы»—говоритъ одинъ.

«Не противься насилію насиліемъ»—говоритъ другой.

«Стремленья человека должны быть многообразны и сложны, какъ сложна сама жизнь» говоритъ первый.

«Всѣмъ нужно только одно: жить по закону божескому, а не по закону человеческому» говоритъ второй.

«Отсутствіе религіознаго сознанія за послѣднее столѣтіе привело людей христіанскаго міра къ тому—несомнѣнно временному—дикому состоянію, въ которомъ они находятся теперь», говоритъ первый, заглянувъ въ чужое окно, выходящее на шумную площадь.

«Наоборотъ, именно съ конца XVIII-го вѣка европейское человечество выступило активно на путь осуществленія религіозныхъ идеаловъ и признанія человеческого достоинства, что и выразилось въ признаніи правъ человека и гражданина, въ измѣненіи политическаго строя» и т. д. и т. д.—говоритъ другой не отрываясь отъ *своего* окна.

И такъ бесѣда могла бы продолжаться безконечно, и характеръ ея оставался бы неизмѣннымъ: собесѣдники продолжали бы не понимать одинъ другого, по-

тому что ихъ вниманіе направлено на два противоположные полюса жизни, у одного—на *духъ*, у другого—на *форму*, у одного—на *средства*, у другого—на *цѣль*, у одного—на *мотивъ дѣятельности*, у другого—на *самую дѣятельность*.

Глушеди такое непониманіе неизбѣжно? Неужели нельзя сосланиуть оба полюса въ единомъ сознаніи? Что это возможно, о томъ свидѣтельствуесть вся духовная жизнь древне-арійскихъ народовъ; они не знали нашего раскола сознанія, ихъ міропониманіе охватывало весь кругъ жизни: и духъ и форму, и религію и науку. Но то было—дѣтство и ранняя юность чело-вѣчества, когда подчиненіе духовному авторитету было неизбѣжно; когда же юность чело-вѣчества миновала и пришла пора для самостоятельнаго проявленія, тогда явилась необходимость пройти черезъ трудную школу независимаго умственнаго и духовнаго творчества.

Подчиненіе авторитету смѣнилось развитіемъ индивидуальности, яркое личное начало выступило на первый планъ, освободившееся сознаніе не могло болѣе удовлетворяться готовыми моральными аксіомами, и прежнее *единство сознанія* нарушилось.

Произошелъ временный расколъ, который и придалъ европейской мысли ея настоящій характеръ страстно тревожнаго исканія истины и внесъ грубо эгоистическое направленіе въ ея культуру, не сдерживаемую высшимъ авторитетомъ религіознаго сознанія.

Но это—явленіе временное. Когда чело-вѣчество достигнетъ совершенной зрѣлости, сознаніе его опи-

шетъ полный кругъ и неизбежно вернется къ той же цѣльности и единству, которыми оно владѣло на зарѣ своего развитія.

Но тогда это будетъ уже плодъ *свободнаго творчества, добровольнаго подчиненія свободно сознаннымъ духовной истинѣ*. И есть уже знаменья, что время такого возврата наступаетъ. Одно изъ такихъ знаменій—появленіе въ міръ теософіи, ученія которой обнимаютъ оба полюса сознанія, примиряя ихъ и выясняя ихъ взаимное отношеніе.

Въ основѣ теософическаго объясненія мірового процесса лежитъ ученіе объ эволюціи *духа и матеріи*, или жизни и формы, совершающейся по спирали, которая при каждомъ оборотѣ поднимается на высшую ступень жизни, съ болѣе широкимъ обхватомъ сознанія. Владѣя одновременно и религіозной точкой зрѣнія, и научной, теософія соприкасается и съ позитивнымъ мышленіемъ и съ задачами идеализма. Въ пониманіи цѣлей мірового процесса теософія подходитъ близко къ міровоззрѣнію Льва Николаевича, который видитъ эту цѣль во внутреннемъ совершенствованіи, въ раскрытіи божественныхъ свойствъ человѣческой души. Но въ путяхъ этого процесса она подходитъ и къ воззрѣніямъ позитивиста, ибо для проявленія растущаго духа должны возникать и новыя, все болѣе совершенныя формы, а это требуетъ земнаго творчества. И поэтому *вся человѣческая культура, во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, есть необходимое условіе для внутренняго роста человека*.

И если нельзя не согласиться съ праведнымъ гнѣвомъ Льва Николаевича на темныя стороны современной культуры, не нужно забывать и того, что зло вовсе не въ культурѣ, а въ томъ *душевномъ настроеніи людей*, которое дѣлаетъ изъ человѣческаго творчества не служеніе благу и красотѣ, а служеніе своему личному эгоизму и жадности, которые превращаютъ человѣческое творчество изъ *средства* въ цѣль жизни, изъ подчиненнаго орудія духа въ полновластнаго властелина жизни.

Возьмемъ желѣзныя дороги и телеграфы. Они могутъ служить развращенной праздности и нарастанію ненужной роскоши, но вѣдь они же могутъ служить и единенію людей, т. е. тому, что съ точки зрѣнія самого Л. Н. есть наиболѣе цѣнное явленіе человѣческой жизни.

То же самое относится и ко всѣмъ областямъ современной культуры: пока она служитъ *общему развитію и единенію*, она—благо, когда же она начинаетъ служить *эгоизму и разъединенію*, она—зло. И борьба съ этимъ зломъ должна быть направлена не противъ самой культуры, а противъ *настроенія людей*, противъ *направленія*, которое они даютъ ей. Самое же творчество должно неизбѣжно становиться все интенсивнѣе и разностороннѣе, иначе оно не будетъ въ состояніи служить выразителемъ растущаго духа и расширяющагося сознанія.

Сложныя и разнообразныя линіи человѣческаго творчества можно сравнить съ извилинами мозга: чѣмъ

обширнѣе становится поверхность нервнаго вещества, соприкасающагося съ вибраціями мысли, тѣмъ совершеннѣе становится орудіе сознанія. Но будетъ ли это совершенное орудіе создавать чистыя и прекрасныя мысли, или строить злыя козни—это зависитъ не отъ орудія мысли, а отъ *настроенія самого мыслителя*. И изъ того, что мыслитель можетъ быть дурно настроенъ, вовсе не слѣдуетъ, что орудіе мысли должно оставаться на несовершенной ступени.

То же и съ культурой. Когда человѣкъ пойметъ то, чего такъ сильно желаетъ Левъ Николаевичъ, что «въ немъ и во всѣхъ людяхъ живетъ одинъ и тотъ же вѣчный духъ Божій, и что проявленіе этого духа одно: *любовь*», тогда и культура перестанетъ давать поводъ для проявленія духа распри и зависти, борьбы и насилія и сдѣлается прекраснымъ проводникомъ духа единства и любви.

Но осуществленіе этого потребуеть еще долгаго процесса и не можетъ появиться *сразу*, какъ того желаетъ Л. Н.: «только сознай каждый человѣкъ свое человѣческое достоинство, только поступай такъ, какъ требуютъ этого и сердце и разумъ каждаго человѣка-христіанина, и сразу разрѣшатся всѣ затрудненія и бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ измученные люди всего свѣта».

Не можетъ это случиться сразу потому, что внезапное измѣненіе различныхъ людей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ опыта, сознанія и совѣсти, противорѣчитъ самой сути закона эволюціи, которая

есть постепенный переходъ отъ простаго къ сложному, отъ несовершеннаго къ совершенному. Ясное сознание меньшинства можетъ сильно ускорить поднятіе всѣхъ,—это несомнѣнно, но подняться со всѣхъ различныхъ ступеней *всѣмъ сразу* на одну и ту же высоту,—это невозможно.

Возвращаясь къ двумъ противоположнымъ полюсамъ мышленія, которые такъ ярко выразились въ приведенной бесѣдѣ, попробуемъ найти связующее звено, которое соединило бы съ виду исключаящія одно другое положенія.

«Человѣкъ есть обобщеніе, идея, а не реальность».

Если принять, что весь человѣкъ *только* продуктъ среды и наслѣдственности, этотъ выводъ будетъ вѣренъ: отнимая отъ человѣка, одно за другимъ всѣ отличительные признаки расы, культуры, народности и семьи, мы получимъ пустое мѣсто, фикцію.

Но если мы усомнимся въ этомъ *«только»* и предположимъ въ основѣ человѣка безсмертную душу, развитіе которой до божественнаго совершенства и составляетъ цѣль всей земной жизни, слѣдовательно и культуры, и государства, и всего, что возникаетъ и погибаетъ на землѣ, тогда мы подойдемъ очень близко къ выводу Льва Николаевича: «только одно реально—человѣкъ... государство есть фикція». Если же принять оба вывода, какъ выраженіе двухъ сторонъ одного и того же явленія, т. е. *проявленной жизни*, третій выводъ, заключающій въ себѣ оба первые, будетъ приблизительно такой: «человѣкъ, *реаль-*

ность съ *непреходящимъ содержаніемъ*, становится таковымъ *только* потому, что всѣ преходящія явленія земной жизни, какъ: семья, народность, родина, государство, доставляютъ ему, рядомъ съ природой, весь тотъ матеріаль, которымъ питается и насчетъ котораго растеть его бессмертная душа; переходя въ вѣчное содержаніе человѣческой души, всѣ временныя явленія становятся, въ свою очередь, бессмертными *не какъ явленія, а какъ идеи*. Одно безъ другого невозможно, и поэтому, если человѣческая душа реальна, то и всѣ явленія, поскольку они вошли въ содержаніе ея сознанія, тоже реальны».

Возьмемъ два другія положенія:

«Общественное служеніе невозможно безъ борьбы»,—говоритъ одинъ.

«Не противься насилію»,—говоритъ другой.

Если мы начнемъ разсматривать различныя ступени человѣческаго развитія, отъ дикаря до мудреца, мы несомнѣнно подойдемъ и къ той ступени, на которой всякая борьба, всякая тѣнь насилія надъ другимъ становится *зломъ*. На *этой* ступени жизнь человѣка преобразается: онъ начинаетъ отвѣчать на зло добромъ, на насиліе прощеніемъ, и если признаетъ борьбу, то только *съ собою, съ своимъ собственнымъ несовершенствомъ*; для человѣка, стоящаго на этой ступени, наша общественная жизнь, основанная на борьбѣ, должна несомнѣнно казаться «состояніемъ дикости», какою она и будетъ казаться всѣмъ, когда всѣ перейдутъ на ту же ступень нравственнаго сознанія.

Но рядомъ съ этой ступеню продолжаютъ существовать и низшія ступени, на которыхъ люди еще не въ состояніи *не* бороться съ несовершенствомъ другихъ; есть и еще болѣе низкія ступени, на которыхъ борьба является почти единственнымъ стимуломъ для дѣятельности. И пока всѣ эти ступени еще существуютъ, борьба будетъ продолжаться, но не слѣдуетъ смотрѣть на нее какъ на норму человѣческой жизни: борьба—временное явленіе, которое съ полнымъ возрастомъ человѣческой совѣсти упразднится сама собой, ибо законъ жизни—любовь, а не ненависть, единеніе, а не борьба, и для вполнѣ развитой совѣсти допустима только одна борьба: *съ своимъ собственнымъ несовершенствомъ*. Это—святая борьба, и она будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока не исполнится завѣтъ Христа, сказавшаго людямъ: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный».

Тотъ же анализъ приложимъ и ко всѣмъ кажущимся противорѣчіямъ приведенной бесѣды.

Оба собесѣдника видятъ разное только потому, что вниманіе одного устремлено на видимыя явленія, а другого—на душу этихъ явленій, и поэтому совершенно естественно, что первый говоритъ съ чувствомъ удовлетворенія о «великомъ прогрессѣ нашего времени», а второй—съ болью и скорбью о нашемъ «временномъ состояніи дикости».

И когда они заговариваютъ о религіи, продолжается то же недоразумѣніе: одинъ говоритъ о видимой церкви, другой—о невидимой, создаваемой въ

душѣ человѣка; одинъ говоритъ о развитіи юридическаго сознанія въ блистательномъ съ виду XIX-мъ вѣкѣ, другой говоритъ объ отсутствіи въ немъ религіознаго сознанія,—и въ этомъ Левъ Николаевичъ глубоко правъ, потому что «религіозное сознаніе» есть прежде всего сознаніе единства съ Богомъ, людьми и природой, а культура нашего вѣка вся построена *на разъединеніи*.

ПИСЬМО III.

(О единствѣ человечества).

Невидимое становится понятнымъ, благодаря его аналогіи съ видимымъ, и это оттого, что видимое бытіе—не что иное, какъ отраженіе бытія невидимаго.

А. Безантъ.

Человѣкъ совершенствуется благодаря учрежденіямъ и привычкамъ, которыя направлены къ тому, чтобы сдѣлать благо всѣхъ благомъ каждаго

Проф. Гримъ.

Если къ историческому процессу подойти съ внѣшней стороны и разсматривать его видимости, то мы не увидимъ ничего, кромѣ непрестанныхъ столкновеній и напряженной борьбы. Народы борются между собой изъ-за первенства, различные классы борются изъ-за власти и привилегій, за временной побѣдой слѣдуетъ временное затишье; а затѣмъ—снова неудовлетвореніе, и въ новыхъ условіяхъ возникаютъ новыя исканія и новый опытъ. И мы видимъ, какъ этотъ дѣятельный опытъ захватываетъ все болѣе широкіе слои: сперва на міровой сценѣ дѣйствующими лицами были короли и первосвященники, затѣмъ—сильное дворянство, позднѣе буржуазія, а теперь на очереди уже толпа, народъ, самое основаніе человѣческой пирамиды.

Глядя съ внѣшней стороны на историческій процессъ, мы не только не видимъ единства, наоборотъ, вся эта борьба стремится какъ бы къ разъединенію людей и къ противопоставленію ихъ интересовъ. Но это—только видимости.

Человѣчество въ сущности—едино; несмотря на все видимое разъединеніе, оно представляетъ изъ себя *единый живой организмъ* съ единой душой и единымъ сознаниемъ; и вся работа, совершающаяся внутри этого организма, всѣ его творческіе процессы, нужны не только для той отдѣльной части, въ которой эти процессы творятся въ данное время, но и для жизни *цѣлаго*, которое совокупной дѣятельностью *всего* человѣчества стремится къ одной цѣли и направляется единой волей.

Изучая историческій процессъ съ его *внѣшней стороны*, можно догадываться о значеніи отдѣльныхъ эпохъ, можно даже опредѣлить ближайшія причины тѣхъ или другихъ историческихъ событій, но понять общій смыслъ и истинное значеніе *всей* человѣческой судьбы по однѣмъ только видимостямъ—также невозможно, какъ для отдѣльнаго человѣка, не подозревающаго о законѣ причинности (кармы), невозможно объяснить—*почему* онъ родился въ той или иной семьѣ, *почему* онъ бѣденъ или богатъ, уменъ или глупъ, *почему* совершаются именно *эти*, а не иныя событія въ его жизни.

Не видя внутреннихъ пружинъ человѣческой эволюціи, естественно, что каждый наблюдатель даетъ ей различныя объясненія, смотря по тому, на которую

изъ ея сложныхъ сторонъ направлено его знаніе и вниманіе: для историка, занятаго болѣе всего политической государствъ, наиболѣе важными моментами будутъ совсѣмъ не тѣ, которые имѣютъ рѣшающее значеніе для политика-эконома, инья объясненія будетъ давать имъ философъ-позитивистъ, и иначе будетъ понимать тѣ же событія человѣкъ религіознаго сознанія.

И всѣ они будутъ правы съ своей частной точки зрѣнія, но схватить всю связь явленій, какъ нѣчто цѣлое, можетъ только тотъ, кто *создаетъ человечество какъ единство*, кто видитъ во всемъ историческомъ процессѣ *единый смыслъ*, направляющій потокъ земной жизни къ *единой цѣли*.

Оккультистъ, признающій разлитую во всей вселенной *единую Жизнь*, утверждаетъ, что человѣческой организмъ состоитъ изъ «безконечно малыхъ жизней», строящихъ его подъ воздѣйствіемъ созидающей энергіи жизне-силы (праны). Группа такихъ «безконечно малыхъ жизней» образуетъ ту единицу, которая въ наукѣ извѣстна подъ названіемъ органической клѣтки; каждая такая клѣтка является живой сущностью, одушевленной лучемъ праны; тѣло ея состоитъ изъ молекулъ, которыя ассимилируются и затѣмъ выбрасываются, вдыхаются и изгоняются, тогда какъ центральная суть клѣтки, ея душа, остается неизмѣнной въ этой постоянной смѣнѣ матеріи.

Работа клѣтокъ въ нашемъ организмѣ, извлеченіе изъ крови именно того, что имъ нужно, и отбрасываніе ненужнаго, представляетъ собой *чисто физиче-*

ское сознание. Оно совершается безъ всякаго участія со стороны нашего *человѣческаго* *сознанія*. То, что биологи называютъ «безсознательной памятью», есть память именно этой чисто физической сознательности.

Мы чувствуемъ не то же самое, что чувствуютъ клѣтки. Боль отъ раны ощущается мозговымъ сознаниемъ, но сознание клѣтки ощущаетъ не боль, а потребность какъ можно скорѣе возстановить поврежденныя ткани, при чемъ это ея дѣйствіе остается внѣ сознанія нашего мозга; точно также и клѣтка не подозреваетъ связи своего творчества съ жизнеспособностью *всей* сложной природы человѣка.

Смерть физического тѣла наступаетъ тогда, когда удаленіе изъ него жизненной энергіи (праны), направлявшей «безконечно малыя жизни», даетъ этимъ послѣднимъ свободу итти каждой своимъ собственнымъ путемъ. Тогда «безконечно малыя жизни», не связанныя болѣе между собой *единствомъ* цѣли, разсыпаются, и наступаетъ то, что мы называемъ разложениемъ. Тѣло дѣлается круговоротомъ *анархіи*—никѣмъ не управляемыхъ «безконечно малыхъ жизней», и его форма, бывшая результатомъ ихъ планомѣрнаго соотношенія, разрушается.

Если мы сравнимъ отдѣльнаго человѣка, не сознающаго своей связи съ остальнымъ *человѣчествомъ*, съ такой клѣткой внутри *человѣческаго* организма, мы будетъ имѣть приблизительно вѣрное отношеніе дѣятельной роли каждой воплощенной личности къ общечеловѣческому творчеству. Своими личными дѣя-

тельностьми люди буквально строятъ общечеловѣческой организмъ, являясь то мускульными, то жировыми клѣтками, то нервными и мозговыми, сообразно съ характеромъ своей дѣятельности.

Продолжая аналогію, можно найти внутри нашего организма примѣры всевозможныхъ явленій, творящихся и на міровой исторической сценѣ. Напримѣръ, внутри нашего тѣла совершаются такія же братоубійственныя войны, какъ и среди различныхъ народовъ: армія однѣхъ бактерій, имѣющихъ тенденцію разрушать человѣческой организмъ, набрасывается на другихъ, которыя защищаютъ его неприкосновенность, и между ними разыгрываются ожесточенныя битвы, напоминающія франко-прусскую кампанію. Обѣ микроскопическія рати имѣютъ свое собственное сознаніе, не поднимающееся до сознанія самого человѣка, въ нѣдрахъ котораго происходитъ эта борьба, и все же онѣ работаютъ въ немъ и для него *), хотя и не подозреваютъ о томъ.

И не трудно представить себѣ, до чего поднялось бы сознаніе этихъ микробовъ, какъ безпредѣльно расширились бы ихъ горизонты, если бы они въ одинъ прекрасный день узнали, что они—живыя звенья въ

*) Для нашей арійской расы „созидатели“ берутъ верхъ въ теченіе первыхъ 35 лѣтъ жизни, затѣмъ наступаетъ равновѣсіе, а позднѣе—начинаютъ преобладать „разрушители“, которые приводятъ наше тѣло къ постепенному разрушенію тогда, когда *весь необходимый для этого воплощенія опытъ* уже собранъ и дальнѣйшее проживаніе на землѣ было бы излишней тратой энергіи.

цѣпи глубоко важныхъ явленій, участники въ созиданіи жилища безсмертнаго человѣческаго духа.

Такой же подъемъ и расширеніе сознанія совершится неизбѣжно въ умахъ тѣхъ личностей, которыя увѣрены, что дѣйствуютъ за свой счетъ,—когда ихъ озаритъ сознаніе, что ихъ работа и ихъ опытъ *необходимы для всего человечества*.

Посмотрите съ этой новой точки зрѣнія на задачи, осуществляемыя ризличными народами, одними—неудачно, другими—посредственно, а иными—въ совершенствѣ. Въ послѣднемъ случаѣ становится уже совершенно яснымъ, что народъ работалъ не для себя одного, а для всего человечества.

Возьмемъ хотя бы задачу древней Греціи—провести черезъ сознаніе гармоническую красоту формъ, ея миссію: заставить «обликъ безсмертія провидѣть въ смертныхъ чертахъ».

Кто былъ въ современной Греціи, тотъ видѣлъ какъ далеко улетѣлъ отъ нея свѣтлый геній древней Эллады, какая глубоко прозаическая жизнь ежечасной борьбы изъ-за куска хлѣба и всевозможныхъ ухищреній торгашества водворилась на развалинахъ древнихъ святилищъ, гдѣ юное человечество въ дерзко-свѣтлой отвагѣ бросало вызовъ богамъ, и упивалось титанической борьбой съ Олимпомъ... Та же рама, тѣ же блѣдно-лиловые холмы какъ бы таятъ въ яркой синевѣ Эгейскаго моря, также пламенно дышитъ южное небо въ прорѣзяхъ одухотворенныхъ колоннъ Акрополя, такъ же нѣжно «разливается на мраморѣ юнымъ румянцемъ заря»...

Но гдѣ свѣтлый духъ героической Эллады? Гдѣ ея Орфическіе гимны, которымъ сама природа внимала, затаивъ дыханіе, гдѣ властительная тайна ея мистерій? Гдѣ ея геній?

Его нѣтъ въ Греціи, онъ *растворился въ душу всего человѣчества*, онъ вызвалъ къ жизни чудный вѣкъ Возрожденія, онъ воплотился въ живописи и скульптурѣ, онъ вдохновлялъ благороднѣйшіе умы, онъ не переставалъ свѣтитъ въ міровой поэзи.

То же и съ древнимъ Римомъ. Гдѣ его душа? Гораздо менѣе на его семи холмахъ, чѣмъ въ нашихъ парламентахъ, думахъ, скупщинахъ, меджелисахъ. Каждое творчество, удачно доведенное до конца тѣмъ или другимъ народомъ, принадлежитъ всему человѣчеству, растворяется въ сознаниі *общемъ* для всей великой человѣческой семьи, и воскресаетъ снова при новыхъ условіяхъ и на новыхъ ступеняхъ сознанія.

Кто же не знаетъ, что народное творчество оставляетъ слѣды на общечеловѣческомъ сознаниі, могутъ сказать нѣкоторые изъ моихъ читателей.

Если это и знаютъ, отвѣчу я, то какимъ-то мертвымъ знаніемъ, отвлеченнымъ отъ жизни, неспособнымъ—какъ должно бы истинное знаніе—одухотворять самую жизнь.

Мы вообще очень безцеремонно обращаемся съ словомъ *знаніе*. Знаніе должно пройти черезъ весь сложный внутренній міръ человѣка, отчеканиться въ *сознаниі*, проникнуться *живой силой чувства*, пройти черезъ *творчество воли*, и только тогда это будетъ

истинное, живое знаніе. А мы сплошь и рядомъ называемъ знаніемъ чужія мысли, пронесшіяся черезъ нашъ мозгъ, не задѣвшія наше сердце, и нисколько не повліявшія на нашу волю; и такъ какъ мысли эти не связаны органически съ нашимъ внутреннимъ содержаніемъ, то въ нашемъ сознаніи и появляется хаосъ, рѣзкія противорѣчія, постоянныя компромиссы.

Развѣ не глубокое противорѣчіе—говорить о Вселенской Церкви, о Царствіи Божіемъ на землѣ, и въ то же время разъединять человѣчество величайшимъ внутреннимъ разъединеніемъ на двѣ части: на усыновленныхъ Богомъ христіанъ и на милліоны отверженныхъ, лишенныхъ Его благодати?

Если бы истинное знаніе человѣческаго единства дѣйствительно проникло въ сознаніе руководителей народовъ, развѣ былъ бы возможенъ узкій, національный эгоизмъ, самодовольно надписывающій на своемъ знамени: «Германія только для нѣмцевъ», «Англія только для англичанъ», что въ переводѣ на человѣчскія понятія означаетъ: нѣмцамъ или англичанамъ позволяется убивать, обижать, отнимать земли, заставлять силою дѣлать другихъ то, чего эти другіе вовсе не хотятъ дѣлать, если всѣ эти преступленія совершаются для «блага отечества». Не говоря уже о томъ челоѣконенавистничествѣ, которое способно призывать къ насилію надъ своими ближними только потому, что у этихъ ближнихъ иное прошлое и иная вѣра въ Бога...

Можетъ ли быть знаніе *единства челоѣчества, преемственности его генія, непрерывности его сознания*

у людей, которые, забывая или совсѣмъ не зная великую культурную работу древняго Востока, презрительно третируютъ какъ низшихъ существъ потомковъ древнѣйшихъ просвѣтителей нашей арійской расы, какъ это дѣлается агличанами въ Индіи?

Или, когда люди считающіе себя просвѣщенными, допускаютъ возмутительную травлю беззащитныхъ евреевъ, забывая, что древніе евреи выполнили величайшую изъ миссій, когда либо выпадавшихъ на долю отдѣльнаго народа—удержать и сохранить идею единого Бога для всѣхъ арійскихъ народовъ въ труднѣйшую переходную эпоху человѣческой эволюціи, и что тѣ же евреи дали земное тѣло для нашего Спасителя Иисуса Христа.

И это допускаютъ тѣ самые люди, которые чтутъ, какъ величайшую святыню и сохраняютъ на священныхъ алтаряхъ своихъ храмовъ св. Писаніе тѣхъ же преслѣдуемыхъ евреевъ, и которые должны бы знать, если они дѣйствительно люди просвѣщенные, что въ распятіи Христа были повинны сильная въ тѣ времена религіозно-политическая партія фари́сеевъ и саддукеи (представители еврейскаго священства), которые хотѣли удержать свое вліяніе, подрывавшееся Христовой проповѣдью духовной свободы и безкорыстной любви.

Если мы захотимъ дать себѣ отчетъ, *какія* черты дѣлаютъ для насъ обликъ человѣка свѣтлымъ и вдохновляющимъ, то совѣсть безошибочно подскажетъ намъ, что только тѣ черты, которыя говорятъ объ *отсутствіи эгоизма, о самопожертвованіи, о вопло-*

ценіи високаго идеала. То же относится и къ цѣлымъ народомъ. Какія страницы въ человѣческой исторіи вызывали истинный энтузіазмъ? Ужъ конечно не Марсово поле, не Wacht am Rhein, не торжествующее великолѣпіе имперіализма. Все это мишура и можетъ очаровать лишь физическое воображеніе.

Вызываетъ энтузіазмъ то, что ведетъ къ общечеловѣческому благу, къ водворенію не условной, а вѣчной Правды на землѣ, къ совершенству и красотѣ божественной природы человѣка, а не къ торжеству его звѣриной природы.

Вотъ почему французская революція пронеслась такимъ свѣтлымъ благовѣстомъ по всему міру. Какъ не была она искажена и грѣховна въ своемъ выполненіи, она выставила на своемъ знамени не «права французъ XVIII вѣка», а *права человѣка*, она выбрала своимъ лозунгомъ не эгоистическіе интересы одного французскаго народа, а *общечеловѣческое братство, равенство и свободу*. И въ этомъ была вся тайна ея обаянія.

Только *всеобщее, міровое*, имѣющее цѣну для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ, зажигаетъ истинный энтузіазмъ въ нашихъ сердцахъ, и только сердце, способное загорѣться любовью ко всему Божьему міру, и близкому, и дальнему, обладаетъ ясновидѣньемъ; оно одно чувствуетъ, что все человѣчество едино, и что только *въ сознательномъ единствѣ можетъ оно осуществить Царство Божіе на землѣ*.

Помнить ли кто-либо изъ моихъ читателей удивительный моментъ въ русскомъ самосознаніи, который по глубинѣ своего мистическаго значенія имѣетъ мало

себѣ равныхъ? Я говорю о томъ единомушномъ энтузіазмѣ, который удалось вызвать Достоевскому своей рѣчью на Пушкинскомъ московскомъ торжествѣ, когда онъ заговорилъ о русскомъ человѣкѣ, какъ о «всецеловѣкѣ», который принялъ въ свою душу творчество всѣхъ западныхъ народовъ, и такъ возлюбилъ красоту этого творчества, что она стала для него ближе и дороже, чѣмъ для самихъ творцовъ... И что если онъ возжаждетъ осуществить правду Божию на землѣ, то непременно *для всѣхъ*, никого не выключая, всѣхъ соединивъ въ своемъ пониманіи и въ своей любви.

И для другого выразителя русской народной души Л. Н. Толстого, патріотизмъ совершенно непонятенъ въ смыслѣ національнаго эгоизма и національной узости, и не вслѣдствіе ли этой великодушной ширины его души, способной отзываться на все человѣческое, онъ сталъ такъ дорогъ для всего міра?

И для Достоевскаго и для Толстого, а также и для Владиміра Соловьева, патріотизмъ не въ томъ, чтобы во имя русскихъ интересовъ давить другихъ, а въ томъ, чтобы *служить* этимъ другимъ, стараясь приблизить для всѣхъ торжество правды на землѣ.

Вспоминается мнѣ и еще одинъ изъ нашихъ наиболѣе чуткихъ писателей; у Щедрина, въ его страдальческомъ сарказмѣ, полномъ невыплаканныхъ слезъ, встрѣчаются такія же вспышки нашей русской особенности: *стремиться къ вѣчному и абсолютному, не придавая цѣны доступному и условному*. Его незабываемый діалогъ между благовоспитаннымъ и причесан-

нымъ мальчикомъ «въ штанахъ» и русскимъ мальчикомъ «безъ штановъ», растрепаннымъ и несуразнымъ, имѣеть тотъ же смыслъ: что не можетъ условная земная культура удовлетворить душу, жаждущую абсолютной правды и что за такую культуру не слѣдуетъ отдавать свободы своей души.

И русскіе социалисты—я подразумѣваю не переводчиковъ Маркса—а творцовъ оригинальныхъ русскихъ социальныхъ идей, направляютъ все свое вниманіе не на производство и накопленіе, которыя вызываютъ жадность и эгоизмъ, а на справедливое распредѣленіе, не на борьбу и конкуренцію, а на согласованіе интересовъ и взаимопомощь. Князь Кропоткинъ въ своей книгѣ «Взаимопомощь у животныхъ и людей» опровергаетъ вкоренившееся въ Европѣ представленіе о переживаніи наиболѣе сильнаго, хищнаго и жестокаго. Книга эта доказываетъ, что въ мірѣ животныхъ наибольшими шансами на сохраненіе жизни обладаютъ не тѣ, которые снабжены самыми страшными зубами и когтями, а тѣ, которые живутъ въ тѣсномъ содружествѣ, заботясь объ общей безопасности и поддерживая другъ друга. Тотъ же выводъ онъ дѣлаетъ и для людского общежитія. Общественный строй, наиболѣе согласующійся съ требованіями просвѣщенной этики, является въ то же время и наиболѣе мудрой изъ всѣхъ земныхъ политикъ: находясь въ гармоніи съ законами Духа или съ Волей Бога, такая политика служитъ жизни, прогрессу, поднятію сознанія и очеловѣченью народовъ.

ПИСЬМО IV.

(Идеалы Востока и Запада).

Современная мысль стоит на рубежѣ: она нагнанулѣ перехода на новую ступень сознанія, на которой радикально измѣнятся наши взгляды на самые коренные вопросы человѣческаго бытія.

Въ прошломъ письмѣ мы говорили объ историческомъ процессѣ. Разсмаривая его со стороны культурнаго творчества, можно подмѣтить одно и то же повторяющееся явленіе: направленіе, въ которомъ идетъ творчество данной эпохи у родственныхъ народовъ, совершается по опредѣленной линіи до извѣстнаго момента, а затѣмъ наступаетъ перерывъ, требуется притокъ новой энергіи, воздѣйствіе извнѣ иныхъ оживотворяющихъ силъ. Иначе историческій расцвѣтъ смѣняется перезрѣлостью и начинается медленное увяданіе.

Повидимому, внутренній ростъ культурнаго творчества идетъ по одному и тому же направленію безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока не завершится скрытая подъ его внѣшнимъ покровомъ міровая задача, нужная для *всего* человѣчества; послѣ чего дальнѣйшій ростъ по тѣмъ же линіямъ становится уже невозможнымъ; чтобы жить далѣе, созрѣвшая культура должна пере-

мѣнить направленіе и затѣмъ, оплодотворенная новыми силами, возобновить свое движеніе уже по новымъ линіямъ.

Такъ было при переходѣ римской культуры, которая подготовляла формы для европейской гражданской общественности,—въ культуру христіанскую. То же явленіе повторилось въ концѣ XIV столѣтія, когда, въ такъ называемую эпоху Возрожденія, влияніе античныхъ идей и образцовъ древне-греческаго искусства дало новое направленіе средне-вѣковому творчеству, которому безъ этого оживотворяющаго притока грозило омертвѣніе въ области науки и искусства и опасное одичаніе нравовъ.

По всѣмъ признакамъ, наше современное европейское творчество подходитъ къ такому же кризису, когда дальнѣйшее его развитіе по прежнимъ линіямъ можетъ повести уже не къ прогрессу, а къ увяданію. Какъ во всѣ эпохи подобныхъ кризисовъ, когда прежнее уже заканчивается, а новое еще не выяснилось, и наша эпоха отмѣчена всеобщимъ неудовлетвореніемъ, жаднымъ исканіемъ новыхъ путей и новыхъ свѣточей.

Повидимому, народное творчество полно свѣжей энергіи и внутренняго значенія лишь до тѣхъ поръ, пока осуществляются историческія задачи, нужныя для *всѣхъ*; но когда творчество уже вылилось въ опредѣленныя формы, и недавно еще заживавшія задачи перестаютъ вдохновлять, это—ясный признакъ того, что идти далѣе по прежнимъ линіямъ—безполезно; необходимо искать новыхъ путей и переходить на

нихъ, ибо жизнь не можетъ остановиться, а если ее искусственно задерживаютъ изъ эгоистическихъ цѣлей, она—или опрокидываетъ поставленныя препятствія, или—начинаетъ пробивать новое русло, оставляя упорствующихъ внѣ своего живого теченія.

Но, могутъ мнѣ возразить, въ европейскомъ творествѣ еще такъ много энергіи, такъ много еще не законченнаго, и передъ нимъ еще столько задачъ.

Относительно энергіи можно согласиться; но куда уходитъ вся эта энергія? На непрестанную борьбу общественныхъ классовъ и народовъ, на удержаніе за собой привилегированныхъ мѣстъ, на стремленіе поработить болѣе слабыхъ и на счетъ поработенныхъ развивать свои безудержно растущія эгоистическія потребности.

Не будемъ обманывать себя: несмотря на весь блескъ нашей цивилизаціи, несмотря на высокое развитіе матерьялистической науки, народы Востока имѣютъ полное право считать насъ варварами* за нашъ личный и національный эгоизмъ, за наше неуваженіе къ чужой жизни, за наше попираніе чужихъ правъ, за полное несоотвѣтствіе нашихъ идеаловъ и нашей дѣйствительности, за внутреннее противорѣчіе между завѣтами нашей религіи и нашими проявленіями, за наши хищныя вожелѣнія, которыя такъ ярко сказываются въ картинѣ съ ногъ до головы вооруженныхъ европейскихъ народовъ, вожди которыхъ зорко

---

*) Индусы такъ и называютъ насъ *Mlechchas*, что означаетъ дикіе, варвары.

подстерегаютъ минуту, чтобы броситься на сосѣда и, подобно хищнымъ звѣрямъ, начать терзать другъ друга.

Вѣрно и то, что многія изъ соціальныхъ задачъ западной Европы еще не получили своего завершенія. Но линіи, по которымъ должно пойти ихъ завершеніе, обозначились уже достаточно ясно, чтобы безошибочно предсказать, *куда* мы придемъ, если наша общественная жизнь будетъ развиваться въ прежнемъ направленіи.

Если вся жизненная энергія европейскаго Запада по прежнему будетъ направлена на одну *внѣшнюю* культуру, а культура *внутренняя* будетъ оставаться въ пренебреженіи, всѣ его инстинкты, склоняющіе людей къ борьбѣ, къ конкуренціи, къ эксплуатаціи сильнаго слабымъ, перенесутся съ личностей на общественные классы, личный эгоизмъ претворится въ эгоизмъ общественный, и, получивъ санкцію закона и опираясь на большинство, онъ неминуемо поведетъ жизненное творчество сперва къ оскудѣнію, а затѣмъ и къ полному вырожденію.

Венгерскій поэтъ Мадачъ написалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія интересную пьесу, подъ названіемъ *Трагедія Человѣка*, которую мнѣ удалось видѣть на одной изъ европейскихъ сценъ. Въ рядѣ картинъ авторъ проводитъ передъ зрителями отдѣльные эпизоды изъ человѣческой эволюціи. Изгнанный изъ рая Адамъ, выведенный изъ райскаго блаженства и невѣденія Люциферомъ, засыпаетъ и видитъ себя воплощеннымъ въ различныхъ эпохахъ: то онъ египетскій фараонъ, строящій пирамиды; то древ-

не-греческій герой Мильтіадъ, предаваемый смерти тѣмъ самымъ народомъ, которому онъ только-что вернулъ свободу; то римскій патрицій времянь упадка, принимающій участіе въ оргіи, страшной по своему внутреннему мраку и по внѣшнему цинизму; то средне-вѣковый Танкредъ, возвращающійся изъ крестовыхъ походовъ для того, чтобы перенести одно изъ самыхъ тяжелыхъ разочарованій: разлуку съ любимой женщиной, которая, несмотря на любовь къ нему, все же уходитъ въ монастырь; далѣе онъ—то Кеплеръ, то Дантонъ, погибающій на эшафотѣ, а затѣмъ—онъ же появляется въ видѣ лондонскаго горожанина въ темныя времена трущобъ и наконецъ—въ видѣ вымирающаго эскимоса. Но изъ всѣхъ проходящихъ передъ зрителемъ картинъ, рисующихъ ошибки, паденія и безумія человѣка на различныхъ ступеняхъ его многотруднаго пути, самое жуткое впечатлѣніе производитъ восьмая картина, которая изображаетъ торжество европейскаго социализма, проведеннаго по строгимъ линіямъ научнаго матеріализма и внѣшняго формальнаго равенства.

На сценѣ фаланстеръ, и въ немъ разныя хитрыя машины и обезличенныя человѣческія фігуры въ одинаковыхъ, напоминающихъ каторгу костюмахъ, безъ личнаго имени, подъ номерами, руководимые во всѣхъ подробностяхъ своей жизни *послѣднимъ словомъ науки*.

Главное дѣйствующее лицо, не то администраторъ, не то врачъ, измѣряетъ черепныя кости мальчика, находитъ, что онѣ не подходятъ подъ установленный образецъ, и приговариваетъ непожелавшаго подчиниться общимъ правиламъ къ смерти.

Картина эта служить яркой иллюстраціей той мысли, что жизнь не терпитъ односторонняго развитія и принимаетъ уродливыя формы, когда средство превращается въ цѣль и начинаетъ служить препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія.

Внѣшняя культура должна быть лишь средствомъ для выраженія культуры внутренней; *красоты и утонченности формъ должны соответствовать красота и утонченность внутренняго содержанія.*

Это—неоспоримая истина, а между тѣмъ европейцы сдѣлали изъ внѣшней культуры цѣль всѣхъ своихъ стремленій и, подгоняя всѣ свои понятія къ возвеличенію своего идола, пришли къ совершенно невѣрному выводу, что усовершенствуя формы, они въ то же время усовершенствуютъ и содержаніе.

Но это не вѣрно; самая совершенная форма можетъ служить не добру, а злу, если она не одухотворена внутренней красотой и не приведена въ согласіе съ требованіями высшей правды.

Могучимъ противодѣйствіемъ для нашей европейской односторонности, опасныя послѣдствія которой будутъ все болѣе увеличиваться, могло бы служить внимательное изученіе иныхъ вѣрованій и иныхъ идеаловъ, освѣщающихъ жизненныя задачи съ совершенно другихъ сторонъ, чѣмъ освѣщаемъ ихъ мы.

Если мы возьмемъ два типа творчества, наиболѣе различные по своему характеру: творчество древняго Востока, когда оно былъ въ своемъ апогеѣ, и европейскаго Запада въ своемъ современномъ состояніи,

мы безъ труда можемъ уловить то, что можно бы назвать «раздѣленіемъ труда» въ огромномъ масштабѣ.

Созерцательный Востокъ устремлялъ всю свою творческую силу на *внутреннее дѣланіе*; отсюда его совершенные психологическіе методы, его высокоразвитая этика, его утонченная духовная культура и отсюда же его сравнительное равнодушіе къ земнымъ задачамъ.

Дѣятельный Западъ выполнялъ совершенно иную задачу; онъ проводилъ свое творчество черезъ земныя формы, создавалъ высокую матеріальную культуру, которая и отвлекала всѣ его силы и вниманіе на *внѣшнее дѣланіе*; отсюда совершенство его научнаго анализа, богатство его техническихъ завоеваній, детальная разработанность его правовыхъ и экономическихъ отношеній и отсюда же его оторванности отъ невидимаго духовнаго міра.

Я не могу взять на себя смѣлость дать моимъ читателямъ основательный анализъ духовнаго творчества древняго Востока; мнѣ хотѣлось лишь указать на то, какое богатство духовныхъ сокровищъ, какой обильный родникъ новыхъ идей и высокихъ вдохновеній могло бы почерпнуть европейское сознаніе изъ глубинъ этого духовнаго творчества, если бы оно сдѣлалось для насъ предметомъ внимательнаго и любовнаго изученія.

Обратимся къ древней Индіи, которая можетъ служить наиболѣе яркимъ образцомъ міросозерцанія древняго Востока. Чѣмъ отличаются ея вѣрованія отъ западнаго міросозерцанія?

Во 1-хъ, сознание *единства Вселенной*. Религиозное сознание древней Индіи было до того проникнуто единствомъ, что, глядя на окружающій міръ, древній Индусъ выражалъ свое отношеніе къ нему въ словахъ: *Tat twam asi, это—ты*, т. е. ты связанъ съ вселенной такими безчисленными нитями, твое я такъ переплетено съ вселенскимъ Я, что нѣтъ границъ между тобой и міромъ. Въ сознаниі древней Индіи вся міровая жизнь представляетъ собой цѣпь явленій, въ которой каждое звено соединено съ другимъ звеномъ неразрывной внутренней связью.

Благодаря этому яркому сознанию единства, міросозерцаніе древней Индіи являлось живымъ осуществленіемъ того научно-религиознаго синтеза, котораго такъ страстно ищетъ западно-европейское расколовшееся сознание. Индусское сознание обнимало въ стройномъ единствѣ весь круговоротъ человѣческой жизни, какъ личной, семейной, общественной и государственной, такъ и посмертную эволюцію человѣка въ невидимыхъ мірахъ. Для Индуса явленія видимаго міра были лишь результаты, лишь проявленія жизни въ невидимыхъ мірахъ, *ихъ отраженіе въ міръ матеріи*.

Но несмотря на всю разницу древне-восточнаго и современнаго западно-европейскаго міропониманія, въ томъ и другомъ есть одно общее понятіе, которое является какъ бы мостомъ, переброшеннымъ черезъ тысячелѣтія, отдѣляющія истоки арійской мысли отъ ея современнаго теченія: это—*ученіе объ эволюціи*. Разница только въ томъ, что въ европейскомъ созна-

ниі ученіе это возникло лишь въ серединѣ прошлаго столѣтія и охватываетъ одинъ лишь кругъ внѣшнихъ явленій, тогда какъ древній Востокъ исповѣдывалъ его въ глубочайшей древности и съ—большей послѣдовательностью — подчинялъ законамъ эволюціи не только явленія фѣзической жизни, но и невидимыя явленія жизни духа.

2) Изъ этого сознанія единства вытекало совершенно иное отношеніе ко всей судьбѣ земного міра. Древніе Индусы считали ее въ неразрывной связи съ дѣятельностью высшихъ божественныхъ Сущностей, которыя служатъ посредствующей іерархіей между ограниченнымъ человѣкомъ и Логосомъ нашей планетной системы. Въ представленіи Индуса судьба народа слагается подъ воздѣйствіемъ этихъ высшихъ Сущностей, которыя даютъ человѣческимъ дѣятельностямъ то или иное направленіе ради отдаленныхъ благихъ цѣлей, ускользящихъ отъ ограниченаго сознанія человѣка.

Изъ того же источника исходятъ и всѣ представленія древняго Востока о земной власти. Убѣжденіе въ томъ, что высшій носитель власти имѣетъ связь съ невидимымъ міромъ, вызывало представленіе о чрезвычайно высокомъ нравственномъ уровнѣ земного властителя, который долженъ былъ отвѣчать всецѣло за благоденствіе своихъ подданныхъ. Такъ, Конфуцій, спрошенный однимъ царемъ, почему развелось такъ много воровъ въ его землѣ, отвѣтилъ: «еслибы ты, о царь, жилъ честно и справедливо, не было бы воровъ

въ твоёмъ царствѣ». Черезъ всѣ древніе законы Индіи красной нитью проходитъ отвѣтственность всѣхъ представителей власти за счастье, здоровье и благосостояніе народа, которымъ они управляли. Отсюда—много указаній въ древней индусской литературѣ на то, какъ нелегко было доставать начальниковъ, настолько ихъ дѣятельность была отвѣтственна и трудна.

За властителемъ въ древней Индіи стояло нѣчто, носившее въ законодательствѣ Ману названіе *Данда*, что вѣрнѣе всего перевести словомъ *Правосудіе*, которое зорко слѣдило за его дѣйствіями и требовало отъ него полного безкорыстія и безусловной справедливости.

Чтобы осуществленіе такого высокаго нравственнаго уровня царей и правителей древняго Востока стало понятнымъ, необходимо прибавить, что по эзотерическимъ указаніямъ всѣ они были *посвященными въ религіозныя мистеріи*. Но, чтобы быть допущеннымъ къ посвященію, необходимо было пройти черезъ строгую школу нравственной дисциплины, которая развивала *духъ терпимости и самообладанія, строгое чувство отвѣтственности и отреченіе отъ всѣхъ личныхъ интересовъ*. Правитель былъ въ то же время и мудрецъ, понимающій внутренній смыслъ явленій и связь этихъ явленій съ прошлымъ и будущимъ управляемаго народа.

Любопытно сравнить эту идею сосредоточенья власти въ рукахъ наиболѣе мудраго съ западно-европейскимъ идеаломъ народовластія. Каковы будутъ послѣдствія полнаго проведенія въ жизни этого идеала, можно

отчасти судить по тѣмъ результатамъ, которые уже начинаютъ обнаруживаться въ странѣ, гдѣ народовластіе осуществлено въ наибольшей полнотѣ. Я говорю объ Австраліи и вспоминаю рѣчь австралійскаго министра земледѣлія Суинбурна, который выразилъ сѣтованія наиболѣе образованныхъ людей своей стороны въ такихъ словахъ:

«Австралія—одна изъ богатѣйшихъ странъ міра; она осуществила вполнѣ принципъ демократіи, ея жители обладаютъ самыми широкими правами, а между тѣмъ мы отстаемъ отъ другихъ странъ и въ дѣлѣ воспитанія, и въ постановкѣ образованія, и въ другихъ важныхъ отдѣлахъ общественной жизни. Возьмемъ школы; всѣ онѣ въ рукахъ самаго народа, но онѣ ведутся отвратительно; народъ гораздо меньше думаетъ о здоровомъ воспитаніи молодого поколѣнія, чѣмъ объ аристократическомъ правительствѣ. Точно также мы скверно относимся и къ нашимъ преступникамъ, къ сумасшедшимъ, которые переполняютъ сумасшедшіе дома, и къ нашимъ бѣднымъ. Никогда люди не нуждались такъ сильно въ мудрости, какъ нуждаемся мы теперь. Да, мудрости. Въ этомъ вся трудность. Какъ найти ее и какимъ образомъ водворить ее на мѣсто власти?» Въ признаніи этомъ ярко сказалась та истина, что самыя высокія общественныя формы безъ *внутренней культуры* и до конца проведенное равноправіе—если при этомъ власть отдается не самымъ мудрымъ и нравственнымъ, а наиболѣе покладистымъ—вовсе не обезпечиваютъ истиннаго прогресса.

3) Слѣдующей особенностью древняго Востока является высокое развитіе идеи *Дома*. Но для древняго Индуса эта идея—по санскритски *Дхарма*—выражала гораздо болѣе, чѣмъ наше понятіе о долгѣ. Для него она означала необходимость *познать свое мѣсто въ міровой эволюціи и выполнять всѣ обязанности, налагаемыя домомъ, какъ можно совершеннѣе*. Онъ зналъ, что весь его будущій прогрессъ въ полной зависимости отъ того, будутъ ли имъ выполнены всѣ его обязательства, и зналъ, что если онъ ихъ не выполнитъ, никакое движеніе впередъ для него невозможно. Долгъ по отношенію съ старшимъ, долгъ къ равнымъ, долгъ къ низшимъ, долгъ относительно животныхъ, вся жизнь древняго Индуса была насквозь проникнута сознаниемъ долга и ему и въ голову не приходило оправдываться тѣмъ, что другой нарушилъ свой долгъ. Отсюда кроткое и терпѣливое настроеніе индусскаго народа, рѣзко отличающееся отъ боевого настроенія западно-европейскихъ народовъ, у которыхъ *такъ ярко сознание своихъ правъ и такъ призрачна идея дома*.

4) Отсюда же вытекаетъ и другое чрезвычайно важное различіе восточныхъ и западныхъ идеаловъ. Восточный кодексъ нравственности никогда не поставитъ одного и того же требованія младенцу и зрѣлому мужу, человѣку неразвитому и человѣку ученому.

На Востокѣ классъ воиновъ имѣетъ свой нравственный идеаль, отличный отъ идеала брамановъ, точно такъ же нравственный идеаль купца будетъ отличать-

ся отъ идеала крестьянина и т. д. Отъ слуги требуется лишь послушаніе, честность и усердное служеніе, и другихъ требованій ему уже не поставятъ; но *эти* требованія онъ долженъ выполнять въ совершенствѣ. Такимъ образомъ, каждой ступени эволюціи соотвѣтствуютъ свои требованія нравственности, и по мѣрѣ того, какъ человѣкъ (воплощаясь снова и снова), поднимается на высшія ступени, растутъ и предъявляемыя къ нему требованія.

На Востокѣ не было разногласія между религіей и знаніемъ; тамъ мудрость законодателей не противорѣчитъ религіознымъ началамъ, а наоборотъ, насквозь проникнута ими. На Западѣ высокій нравственный идеалъ Христа не только не входитъ въ соображеніе государственныхъ людей и законодателей, а наоборотъ, откровенно признается непримѣнимымъ къ жизни. И это до такой степени, что лондонскій епископъ нашель возможнымъ произнести слѣдующія знаменательныя слова: *) «Если бы одинъ изъ современныхъ народовъ взялъ за основу своего поведенія Нагорную Проповѣдь, онъ былъ бы обреченъ на неизбежную гибель».

б) *Идеалъ простоты въ жизни, идеалъ добровольной бѣдности.* На Востокѣ богатство никогда не пользовалось особымъ почетомъ; наоборотъ, скопленіе богатства предоставлялось третьей кастѣ, у двухъ высшихъ кастъ были иныя задачи. Правда, у владѣтельныхъ

---

*) Слова эти упоминаются въ одной изъ недавнихъ лекцій А. Безантъ, произнесенныхъ въ Лондонѣ.

князей Индіи можно увидать много драгоцѣнностей и общественное служеніе ихъ обставлено пышнымъ великолѣпіемъ, но это относится лишь къ торжественнымъ выходамъ. Домашняя жизнь раджей и правителей чрезвычайно проста и мало чѣмъ отличается отъ жизни простого народа. Что же касается касты брамановъ, т. е. учителей народа, то для нихъ богатство было бы не только не почетно, а, наоборотъ, послужило бы большимъ укоромъ. Величайшимъ почитаніемъ пользуются въ Индіи бѣдные, но ученые браманы, передъ которыми и раджа и богачъ склоняются почитательно до земли. Этотъ простой строй жизни вырабатываетъ благородную простоту нравовъ въ высшихъ классахъ, доступную и для простого народа. Всѣ путешественники и всѣ жившіе въ Индіи единодушно утверждаютъ, что Индусы отличаются изящной выдержанностью и благороднымъ самообладаніемъ, и самый бѣдный крестьянинъ производитъ впечатлѣніе чловѣка воспитаннаго и сознающаго свое чловѣческое достоинство.

Наша европейская жизнь, наоборотъ, все болѣе осложняется, а загромождающіе ее безчисленные предметы показной и безвкусной роскоши грозятъ совсѣмъ изгнать изъ нашего быта истинную красоту съ ея благородной простотой.

Мое письмо пришло къ концу. Въ немъ лишь слегка намѣчены главныя черты восточныхъ идеаловъ, но уже и эти черты говорятъ о томъ, какимъ неисчерпаемымъ источникомъ новыхъ идей и вдохновеній

могъ бы послужить для современнаго европейскаго сознанія научно-религіозный синтезъ древняго Востока.

Но изъ этого не слѣдуетъ выводить, что мы должны насаждать восточныя вѣрованія на нашу европейскую почву. Какъ въ средніе вѣка возрожденіе античныхъ идей и античной красоты послужило лишь къ освобожденію христіанской культуры отъ мрачнаго фанатизма и узкой нетерпимости, такъ и возрожденіе древней Индіи можетъ лишь возвеличить европейскую культуру, вливъ въ нее элементъ духовности, освободивъ понятія современныхъ христіанъ отъ мертвящаго матеріализма и освѣтивъ новымъ свѣтомъ еще неразрѣшенныя проблемы личной и общественной жизни.

Когда знаешь, что человѣчество едино и что его творчество во всѣ вѣка и во всѣхъ частяхъ земнаго шара есть лишь проявленіе различныхъ сторонъ его сознанія,— всякое соперничество и желаніе возвеличить *свои* вѣрованія на счетъ чужихъ исчезаетъ. И мечта о единомъ стадѣ и единомъ Пастырѣ перестаетъ быть мечтой, а становится твердой увѣренностью. ✓

П И С Ъ М О V.

(Путь Выступленія и Путь Возврата).

Признать⁷ низшей природы челоѣка есть
стремленіе брать, признавъ высшей приро-
ды—*стремленіе отдавать*.

Въ прошломъ письмѣ мы упоминали, что одна изъ точекъ соприкосновенія, какъ бы мостъ, переброшенный черезъ пропасть вѣковъ и соединяющій древнее восточное міросозерцаніе съ современнымъ западно-европейскимъ, это—ученіе объ эволюціи. Но, тогда какъ на Западѣ ученіе это остается научной абстракціей, совершенно чуждой общественной этикѣ, и приходитъ на умъ образованному европейцу развѣ когда онъ вспоминаетъ о своемъ проблематическомъ родствѣ съ обезьяной, въ древнемъ Востокѣ ученіе это проникало всю жизнь сверху до низу и служило руководящей нитью къ устроенію общественнаго и государственнаго быта. На идеѣ эволюціи основано и все ученіе о перевоплощеніи, и вся этика древняго Востока, проникнутая духомъ кротости и терпѣнія, духомъ самоотреченія и состраданія.

Воспитывая сознаніе на увѣренности, что каждый челоѣкъ проходитъ *всю ступени развитія* одну за другой, что тамъ, гдѣ сейчасъ стоитъ мой темный и

падшій братъ, стоялъ и я въ прошломъ, что туда, гдѣ сія праведностью стоитъ Святой, могу подняться и я въ будущемъ,—этой увѣренностью древнее міросозерцаніе подрывало въ самомъ корнѣ человѣческой эгоизмъ, оно вело человѣка всею силой логики и всѣми инстинктами его высшей природы къ единству, къ солидарности, къ чувству отвѣтственности каждаго за всѣхъ и всѣхъ за каждаго. Указывая каждому на его мѣсто въ мірозданіи, оно выдвигало передъ человѣкомъ его *Дхарму*, долгъ его жизни: «Ты стоишь здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ—говорила ему Дхарма—потому, что имѣешь выполнить именно *эту* задачу. Ты не долженъ уклоняться отъ выполненія ея, чтобы не нарушилась гармонія цѣлаго, и если ты, часть этого цѣлаго, будешь дѣйствовать дурно, то и цѣлое придетъ въ разстройство».

Какъ не похоже это глубокое сознаніе единства жизни и нравственной отвѣтственности человѣка на наше европейское поверхностное сознаніе, ведущее къ эгоизму, къ обособленію и одиночеству.. «*Argès moi le déluge*» *) могло сложиться только тамъ, гдѣ всякая связь съ остальнымъ міромъ утеряна, гдѣ всѣ жизненные счета человѣка заканчиваются на его могилѣ.

Идеаль древняго Востока *очень* высокъ. Какъ же рисуютъ восточныя ученія достиженіе этого идеала?

На зарѣ своего земного существованія человѣкъ жадно захватываетъ для себя все, что можетъ захва-

*) Послѣ меня хоть потопъ.

тять, все, чего требуетъ его пробужденная жажда жизни. Жизненные уроки его начались. Онъ вступилъ на *Pravritti Marga*, на «Путь Выступленія», какъ называли древніе Индусы начало эволюціоннаго пути человѣчества. На этомъ начальномъ пути, человѣкъ отождествляетъ себя съ *формой*, съ своимъ временнымъ тѣлеснымъ бытіемъ, и это нужно потому, что грубыя, страстныя, рѣзкія прикосновенія изенѣ одни только и въ состояніи разбудить дремлющее сознаніе первобытнаго человѣка, разжечь въ яркое пламя глубоко скрытый огонь жизни.

Чтобы почувствовать отчетливо свое обособленнее бытіе, свое я, свою самость, нужно чтобы ярко ощущались тѣ тѣсныя границы, куда заключена та часть общей Жизни, которую мы ощущаемъ какъ *свою личность*.

Эгоизмъ и есть ограниченіе Жизни, ея втѣсненіе въ узкія грани. Въ началѣ пути эгоизмъ человѣка— чисто личный. Но настаетъ моментъ на «Пути Выступленія», когда душа какъ бы останавливается въ своемъ жадномъ стремленіи къ захвату; внутри ея возникаетъ вопросъ: «Почему же все только для меня? Другіе нуждаются не менѣе, чѣмъ я». Это важный моментъ, моментъ зарожденія общественной этики.

Первая часть «Пути Выступленія» пройдена. Человѣкъ начинаетъ жить болѣе расширенной жизнью своего племени, своего народа, онъ начинаетъ признавать свою отвѣтственность передъ обществомъ; раздвинувшіяся границы его жизни включаютъ въ себя новые опыты,

новья переживанія, новые уроки совѣсти. Сознаніе человѣка выросло; совѣсть его развилась и утончилась.

Но и на этомъ расширившемся эволюціонномъ пути, человѣкъ все еще стремится *брать* для себя и для своего народа какъ можно больше даровъ отъ природы и отъ людей, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока душа его не возьметъ всего, что можно взять извнѣ, пока она не насытится и больше брать уже *не захочетъ*.

Pravritti Marga кончилась. Эволюціонный путь поворачиваетъ назадъ, человѣкъ вступаетъ на *Nivritti Marga*, на «Путь Возврата». На этомъ пути кончается желаніе брать, возникаетъ столь же повелительная потребность отдать все, «до послѣдняго кодранта», *все*, что человѣкъ взялъ у міра, у природы и у людей. Безъ такого возврата не можетъ быть восстановлено нарушенное равновѣсіе, не можетъ осуществиться справедливость, на которой держатся всѣ міры.

Если мы поднимемся на вершину горы и окинемъ взоромъ весь эволюціонный путь человѣка, мы увидимъ какъ его *жизнь-сознаніе* постепенно расширялось, какъ оно вмѣщало въ себя все большій и большій кругъ переживаній, пока наконецъ, разбивъ границы своего личнаго я, сознаніе его не слилось съ *единой Жизнью, съ единымъ Я...* Тогда только начинается для него истинная *духовная жизнь*, жизнь неистощимой полноты и неугасимаго свѣта. Ибо высшая радость доступна только для разбившаго свой эгоизмъ, для перенесшаго центръ сознанія съ личной своей жизни

на жизнь сверхличную. Когда это совершится, безграничныя радости сдѣлаются доступными для той же самой души, которая, при началѣ своего выступленія на *Pravritti Marga*, испытывала одни лишь плотскія наслажденія.

Свѣтлость праведника, ясность его взора, тишина его настроенія, происходятъ оттого, что между его я и остальнымъ міромъ пали всѣ преграды, кончилась его ограниченность, которая и есть несовершенство, вызывающее страданіе, и волна великой общей жизни свободно влилась въ его душу.

Въ тяжелое время, которое выпало на нашу долю, когда вмѣстѣ съ обветшалыми формами жизни расшатывается и нервная система людей, когда тоска невѣрія и утеряннаго смысла жизни начинаетъ уже вызывать самую страшную изъ всѣхъ эпидемій—заразу самоубійства, какимъ сильнымъ противоядіемъ могла бы служить полная духовной красоты этика древняго Востока съ ея стремленьемъ къ единству, съ ея яркимъ чувствомъ долга, съ ея глубокимъ сознаниемъ, что каждая отдѣльная жизнь *должна участвовать въ общей жизни какъ ея отвѣтственная часть.*

Если бы мы прониклись такимъ настроеніемъ, какимъ благимъ смысломъ освѣтились бы для насъ глубокія и таинственныя слова Божественнаго Учителя: «Сберегшій душу свою потеряетъ ее, а потерявшій душу свою ради Меня, сбережетъ ее» (Матѣ. X, 39).

П И С Ъ М О VI.

(*Раджа - Йога*).

Тьмы тысяч побѣдилъ въ битвѣ доблестный воинъ; но превыше его мудрый, побѣдившій самого себя.

Дхаммапада VIII, 103.

Одинъ изъ моихъ читателей, подписавшійся буквами В. А., проситъ сообщить открыто «тѣ сокровенные методы и практическіе приемы къ освобожденію человѣка, которыми обладаетъ наука *Йога*» *) и желаетъ, чтобы свѣдѣнія эти были даны «въ свѣтѣ современнаго научнаго знанія». Знаетъ ли мой корреспондентъ, какую трудную задачу задаетъ онъ «другу читателей»? «Царственная Йога», какъ называютъ этотъ методъ Индусы, ведетъ человѣка на самый верхъ горы, и достигается эта вершина лишь тѣмъ, кто побѣдо-

---

*) Наука *Раджа-Йога* есть психологическій методъ ускоренія духовнаго развитія, который сообщается ученикамъ восточныхъ оккультныхъ школъ. Рядомъ съ Раджа-Йогой есть другой методъ ускоренія развитія психическихъ силъ, называемый *Хата-Йога*, который дѣйствуетъ путемъ физическихъ процессовъ *снизу* вверхъ, въ противоположность Раджа-Йогѣ, раскрывающей ихъ *сверху*, черезъ пробужденіе и развитіе *духовности*. Хата-Йога практикуется на Востокаѣ не иначе, какъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ опытнаго настав-

носно прошелъ *весь* путь борьбы и земныхъ испытаній, кто повергъ къ ногамъ своимъ самаго страшнаго и самаго сильнаго изъ всѣхъ враговъ, свое собственное жадное, страстное, жестокое, себялюбивое, тревожное *я*.

Но прежде чѣмъ дойти до этой вершины, гдѣ стоять побѣдители, нужно совершить огромный путь борьбы и труда. Правда, «Царственная Йога» указываетъ *какъ* ускорить этотъ путь, но сдѣлать чудо, незрѣлаго человѣка превратить сразу въ сверхчеловѣка, это—не только невозможно, но и не желательно. Методы Раджа-Йоги, такъ же какъ и всѣ ученія древней Мудрости, безукоризненно *научны*, они не признаютъ ничего сверхъестественнаго и во всемъ, отъ простѣйшихъ явленій жизни до высокой интуиціи мудреца и святого, признаютъ послѣдовательное развитіе, естественные переходы отъ несовершеннаго и простаго и къ совершенному и сложному. «Но, если ученія эти дѣйствительно научны, почему же они были «окультурны» до сихъ пор?»

ника. Неправильное примѣненіе этого метода, въ томъ числѣ и глядѣніе въ кристаллы и особый способъ дыханія, рекомендуемый неразборчивыми книгами, можетъ привести къ полному разстройству нервной системы и даже къ сумасшествію. Кроме того, этотъ методъ совершенно не вліяетъ на умственное и нравственное развитіе человѣка; можно, благодаря ему, выполнять такъ-называемыя «сверхъестественныя» вещи и оставаться совершенно неразвитымъ и даже злымъ. Желающіе познакомиться съ идеями Раджа-Йоги, найдутъ указанія въ послѣдней главѣ книги *брамана Чаттерджи* «Сокровенная рел. фил. Индіи» и въ книгахъ: «Въ преддверіи Храма», «Путь ученичества» и «Законы высшей жизни» А. Безантъ.

Да потому же, почему дифференціалы остаются оккультными для учениковъ младшихъ классовъ, почему такъ долго оккультнымъ оставалось дѣйствіе пара, электричества, магнетизма и т. д. и т. д.

Каждый опытный педагогъ знаетъ, что все, что дается преждевременно, только подрываетъ здоровую энергію души.

Въ страстномъ исканіи, въ напряженіи труда, въ завоевательномъ движеніи человѣческой мысли, шагъ за шагомъ вырывавшей у природы ея сокровенныя тайны, закалялась гибкая и устойчивая сила человѣческаго ума и раскрывались его сложныя и многообразныя способности.

Только путемъ этихъ послѣдовательныхъ и настоячивыхъ усилій разгадать *скрытое*, развилось то великолѣпное физическое орудіе сознанія, которымъ мы владѣемъ въ настоящее время, нашъ тонко развитой мозгъ.

Но какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ духа, наступаютъ свои кризисы, свои переломы, свои взрывы долго накопывшейся энергіи.

Мы живемъ въ такую эпоху. Человѣчество выросло и переходитъ въ старшій классъ. Это чувствуется въ томъ углубленіи, въ тѣхъ серьезныхъ запросахъ, которые раздаются со всѣхъ сторонъ, въ обострившейся потребности достойнаго смысла жизни, и болѣе всего— въ ярко выраженномъ чувствѣ неудовлетворенія.

И чѣмъ сильнѣе звучитъ эта нота неудовлетворенія, тѣмъ непреложнѣе становится, что эта наша

земная жизнь—не *вся* жизнь. Если бы съ нею кончалась *вся* наша жизнь, невозможна была бы эта божественная тревога, вѣчно устремляющаяся вдаль отъ испытанныхъ радостей къ неизвѣданному, вѣчно подстрекающая духъ человѣка къ высшимъ и высшимъ достиженіямъ... бессмысленна была бы эта неутомимая жажда *неземной* полноты.

Въ отвѣтъ на эту жажду возстають изъ пепла вѣковъ давно забытыя сокровища древней Мудрости; и, какъ бы новое благое откровеніе, доносится до нашихъ отчаявшихся и усталыхъ сердець вѣра молодого человѣчества въ божественность своей природы, въ реальность потустороннихъ міровъ, въ безсмертіе души и въ возможность познать Бога.

Кто разъ прикоснулся къ этимъ сокровищамъ духа, кто проникъ хотя бы минутнымъ прозрѣніемъ въ глубины древнихъ мистерій, тотъ уже не въ состояніи будетъ забыть ихъ.

И можно навѣрно сказать, что придетъ день, когда европейцы будутъ изучать духовную культуру древняго Востока съ такой же страстью, съ какой въ XIV и XV вѣкѣ Европа изучала античный міръ. И это будетъ великимъ толчкомъ для нашего духовнаго развитія, потому что нигдѣ культура духовности не достигала такой идеальной высоты, какъ въ древней Индіи.

Но это не будетъ возвратъ къ древности. Это будетъ движеніе впередъ, къ новому жизненному творчеству, къ расширенію сознанія, къ включенію въ него

всего цѣннаго, что выработало человѣчество. Это вызоветъ сознаніе, что весь человѣческій родъ—*одна семья*, что всѣ народы работаютъ для одной и той же цѣли; что Индусы и Китайцы, Англичане и Русскіе—лишь различные проводники одной *Жизни*, единаго *Сознанія*, которое въ различныя эпохи и различными средствами развивало все новыя стороны своихъ безчисленныхъ граней.

Въ эпоху древней Индіи задачи были совсѣмъ другія, чѣмъ наши: то было время духовной автократіи и древніе индусы были чистыми созерцателями, они поднимались въ своей духовности высоко надъ грѣшной землей и считали единственно достойной задачей для сознанія—искать единства, гармоніи, синтеза всей міровой жизни въ божественномъ Единствѣ. Наша задача совсѣмъ иная: задача христіанскихъ народовъ—развитіе общественности, самодѣятельность, созданіе *совершенныхъ формъ* жизни.

Но наше творчество пока только *извнѣ* совершенствуется, оно только по имени христіанское, по существу же оно не только не проникнуто высокими завѣтами Христа, а наоборотъ, оно грубо и жестоко; и это неизбѣжно, когда мотивомъ творчества продолжаетъ быть эгоизмъ, лишь расширившійся изъ эгоизма личнаго въ болѣе беспощадный эгоизмъ классовъ и народовъ. Чтобы внести въ наше творчество внутреннюю красоту, необходимо измѣнить самый *мотивъ* дѣятельности, а что иной мотивъ возможенъ, этому учитъ высоко-духовная психологія древняго Востока, вѣнцомъ которой является «Царственная Іога».

Одинъ изъ самыхъ красивыхъ символовъ душевной силы созданъ древними индусами: побѣдитель своихъ страстей, съ гордо поднятой головой, стоитъ на колесницѣ; спокойно и увѣренно держитъ онъ поводья, и покорно несутъ его укрощенные кони, съ быстротою вѣтра—если онъ захочетъ того, или же останавливаются какъ вкопанные по легкому мановенію его руки. «Даже Боги завидуютъ тому, чьи обузданы страсти какъ кони, укрощенные возницей»... говорится въ одной изъ св. книгъ Востока *).

Въ длинномъ рядѣ поколѣній развивали Индусы власть надъ своими страстями и мыслями, и до какой сказочной для насъ степени достигаетъ эта власть, можетъ дать понятіе разсказъ А. Безантъ о знакомомъ ей индусѣ—и даже не браманѣ—который не соглашался принять хлороформъ во время очень мучительной операціи; когда же докторъ началъ убѣждать его, что лучше не подвергаться бесполезнымъ мученіямъ, индусъ спокойно отвѣчалъ, что никакихъ мученій онъ испытывать *не* будетъ. Операція была сдѣлана, индусъ вынесъ ее не поморщившись, а когда г-жа Безантъ стала его спрашивать о перенесенной боли, онъ отвѣтилъ, *что совсѣмъ не чувствовалъ боли, потому что вниманіе его во время операціи было устремлено на определенную идею.*

Для насъ это—невѣроятно, а для индуса это—нормальное явленіе. Такая могучая власть надъ самимъ собой несетъ на себѣ печать высокаго аристократизма,

---

*) Дхаммапада, 94.

и когда представишь себѣ такого изящнаго индуса съ его тонкимъ чувствомъ уваженія ко всякой чужой жизни, въ совершенствѣ владѣющаго собой, спокойно сдержаннаго и душевно вѣжливаго со всѣми, и пробуешь вообразить его среди представителей модныхъ западныхъ теченій, хотя бы лицомъ къ лицу съ героями Пшибышевскаго, или нашего Соллогуба и Арцыбашева,—какое глубокое изумленіе должно отразиться на спокойномъ лицѣ индуса!

Какими вульгарными показались бы ему идеи этихъ героевъ, какимъ дурнымъ тономъ повѣяло бы на поклонника богоподобной красоты отъ ихъ нехорошаго бреда... Не могу себѣ даже представить, *что* отразилось бы въ его душѣ, воспитавшейся на тысячеклѣтныхъ усиліяхъ укротить внутри себя животное для того, чтобы побѣда осталась за богомъ, если бы онъ, не предупрежденный, встрѣтилъ въ ХХ вѣкѣ въ культурной христіанской странѣ людей, открыто проповѣдующихъ униженіе бога и возведеніе животнаго на тронъ...

Это была бы знаменательная встрѣча: древнихъ идеаловъ съ современными вѣяньями, самаго античнаго изъ всѣхъ кодексовъ нравственности съ самымъ послѣднимъ культомъ разнузданности.

Итакъ, устремлять фокусъ вниманія на Цѣлое, а не на части, на Вѣчное и Прекрасное, а не на временное и несовершенное—вотъ одна изъ тайнъ «Царственной Йоги».

Могу открыть моему читателю В. А. и еще одну тайну. Югъ борется и побѣждаетъ не для себя одного,

а для всею міра. Онъ проникнуть чувствомъ глубочайшаго единства своего *я* со всей вселенной. Онъ говоритъ, глядя вокругъ себя: *Tat twam asi*, т. е. *это—ты*. Онъ видитъ себя въ мірѣ и міръ видитъ отраженнымъ въ себѣ. И это—вовсе не абстракція. Онъ знаетъ, что всѣ его мысли, чувства, каждое усиліе воли, есть живая сила въ общей экономіи духовнаго міра.

Мудрая мысль, праведное чувство, безкорыстное усиліе каждаго отдѣльнаго человѣка увеличиваютъ силу того невидимаго рычага, который поднимаетъ *все* человѣчество къ совершенству; и наоборотъ, всѣ злыя, эгоистическія и корыстныя мысли, чувства и стремленія ослабляютъ силу этого рычага.

Онъ знаетъ, что побѣдившіе свой эгоизмъ ради блага *всѣхъ*, протягиваютъ свои сильныя руки, чтобы помочь болѣ слабымъ братьямъ своимъ, а чѣмъ болѣ сильныхъ рукъ протягивается къ отставшимъ, къ задержавшимся въ темнотѣ, тѣмъ быстрѣ *все* чело-вѣчество пойдетъ впередъ.

Этотъ могучій мотивъ и даетъ Іогу его огромную силу: онъ знаетъ, что *его* побѣда и *его* праведность приближаютъ побѣду и увеличиваютъ праведность *всею* міра.

И не думайте, что для этого нужно уйти въ пустыню или запереться въ монастырь. Истинный Іогъ долженъ работать въ мірѣ и для міра, зная, что каждая безкорыстная дѣятельность, совершаемая не для себя, а для блага другихъ,—такая же духовная сила, какъ самая пламенная молитва праведника.

«Раджа-йога» стремится къ тому, чтобы человекъ сталъ *прекраснымъ и богоподобнымъ*. И это не ересь. То же самое заповѣдалъ и нашъ Учитель, Христосъ, сказавъ намъ: «Будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ Небесный». Для *этого* существуетъ вселенная. Для этого Господь зажегъ всѣ эти жизни... Пускай искра Его огня еле теплится въ иной изъ нихъ, но всѣ онѣ зажглись отъ божественнаго огня и должны разгорѣться въ божественную красоту.

ПИСЬМО VII.

(О необходимости внутренней культуры).

Истинное просвѣщеніе достигается *внутренней культурой*, развитіемъ совѣсти, которая одна даетъ *вѣрное направленіе* приобрѣтеннымъ знаніямъ. Безъ такой культуры знанія не только не улучшаютъ, а могутъ даже ухудшить человѣка, ибо *не измѣняя его внутренно*, они даютъ ему могучее орудіе для достиженія эгоистическихъ цѣлей и для удовлетворенія личныхъ страстей.

Когда у насъ на Западѣ говорятъ о Мудрости, чаще всего является представленіе о, безстрастномъ философѣ или даже объ отжившей старости. А между тѣмъ, Мудрость—ступень сознанія, черезъ которую современемъ пройдетъ все выросшее человѣчество.

Ступень эта достигается тогда, когда ярко освѣщенный, остро переживаемый кругъ личнаго опыта, личныхъ чувствъ и ощущеній все болѣе расширяется, и развивающееся внутреннее зрѣніе человѣка дѣлаетъ его способнымъ различать тѣ мириады невидимыхъ нитей, которыя соединяютъ освѣщенное поле его личныхъ переживаній съ жизнью остального міра.

Представимъ себѣ могучій дубъ; вначалѣ онъ былъ той идеальной точкой внутри желудка, невидимой и

невѣсомой, которую вѣрнѣе всего назвать *идеей*; но въ этой идеѣ заключался весь дубъ со всей своей сложной красотой. Чтобы осуществилась эта идея, потребовались мириады веществъ, множество силъ, взятыхъ изъ почвы, воды, воздуха и отъ солнца.

Попробуемъ погасить въ своемъ воображеніи солнце, уничтожить почву и влагу, и—дубъ исчезнетъ, онъ станетъ невозможенъ, какъ и вся природа, которая можетъ существовать только въ совершенномъ единствѣ всего мірозданія, въ глубочайшей взаимной зависимости каждой отдѣльной формы жизни и всего Цѣлаго.

То же можно сказать и о разумной человѣческой душѣ: она стоитъ лицомъ къ лицу съ объективнымъ міромъ и вбираетъ въ себя все, что въ состояніи взять отъ земли и отъ неба, и отъ великой человѣческой семьи со всѣми многообразными культурами различныхъ вѣковъ и народовъ. Все эта душа вбираетъ въ себя, какъ дубъ вбираетъ элементы земли и солнца, и нѣтъ въ человѣкѣ ничего, ни единаго атома, физическаго или духовнаго, котораго онъ не получилъ бы отъ міра. Онъ *все* взялъ отъ міра и долженъ *все* отдать міру. Въ этомъ—вся тайна вселенской этики, и на справедливомъ равновѣсіи между «брать» и «давать» держится вся гармонія мірозданія.

Мудрость владѣетъ ключемъ къ пониманію единства Жизни. Но, чтобы достигнуть Мудрости, необходимо пройти черезъ *самопознаніе*. Самопознаніе же вызываетъ неминуемую потребность водворить порядокъ въ своей душѣ, въ ея внутреннемъ обиходѣ, приводитъ къ *необходимости душевной культуры*.

Появленіе этой потребности—чрезвычайно важный моментъ въ развитіи человѣчества; и можетъ быть во всемъ мірѣ нѣтъ народа, для котораго пробужденіе этой потребности такъ важно, какъ для народа русскаго.

Восхищеніе вызываетъ у европейца ширина, талантливость, быстрота, съ которыми все схватывается русскимъ умомъ, и тотъ же европеецъ смотритъ съ глубокимъ недоумѣніемъ на преступную безпечность, съ которой русскій человѣкъ относится къ своей собственной и къ чужой жизни, къ своему земному устроению, къ тѣмъ подробностямъ существованія, изъ которыхъ вырастаетъ красота жизни.

Когда-то меня сильно поразили слова Гейне, если не ошибаюсь въ его *Reisebilder*: «wenn ich einen Liffländer von *unserem* Dibitsch und von *unserem* Russland sprechen höre, ist es mir, als ob ein Hering den Wallfisch für seinen Landsmann und das Weltmeer für seine Heimath hielte» *).

Интуиція поэта могла подсказать Гейне о ширинѣ русской души, сложившейся на необъятномъ просторѣ открытыхъ равнинъ, гдѣ такъ привольно разгуливать бурямъ и непогодамъ, объ ея выкованной въ страданіяхъ терпѣливой силѣ, объ ея устремленіи вверхъ къ Вѣчному. Но все это пока—непроявленные свойства народной души; истинная ихъ цѣнность обнаружит-

---

*) „Когда я слышу лифляндца, говорящаго про *нашего* Дибича и про *нашу* Россію, мнѣ кажется, что селедка называетъ своимъ соотечественникомъ кита и своей родиной открытый океанъ„. (Цитату привожу на память).

ся въ народномъ творествѣ, которое далеко еще не закончилось.

Весь смыслъ человѣческаго существованія на землѣ въ творествѣ; все, начиная съ нѣдръ матери-земли съ ея камнями и металлами и кончая собственной душой, *должно* пройти черезъ сознательное творчество человѣка.

Вся земная жизнь, всѣ прошлыя, настоящія и будущія цивилизаціи, всѣ эти громады городовъ, величественные храмы, чудные сады, вся человѣческая культура отъ мельчайшихъ ея подробностей до величайшихъ произведеній вдохновеннаго генія—не болѣе какъ средство для того, чтобы проявилось человѣческое творчество, и цѣль вовсе не въ этихъ внѣшнихъ формахъ, а въ развитіи творческой силы души.

Западный европеецъ и тотъ лифляндецъ, о которомъ упоминаетъ поэтъ, несравненно культурнѣе русскаго, но онъ сотворилъ изъ своей культуры «кумира», онъ превратилъ ее изъ средства въ цѣль, онъ готовъ отдать за нее все, вплоть до божественнаго дара—свободы своей собственной души...

Преклоняясь передъ ея внѣшними формами, онъ забылъ, что признакъ истинной, праведной культуры въ томъ, чтобы жизнь *всѣхъ* становилась легче, благороднѣе и красивѣе; онъ не хочетъ видѣть, что культура, которая вызываетъ жестокость и грубость, какъ мы это видимъ въ современномъ мірѣ, которая вырабатываетъ индивидуальный и народный эгоизмъ, явно нарушая законы Духа, что такая культура пре-

вращается изъ источника блага въ источникъ зла и становится не благословеніемъ, а поводомъ для зависти, вражды и разъединенія.

Но и безъ культуры великій народъ не можетъ существовать. Чтобы выполнить свою міровую миссію, онъ долженъ внести *свое* въ общечеловѣческое творчество.

Первая половина исторической жизни русскаго народа, которая такъ ярко запечатлѣлась въ выраженіи: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ», заканчивается на нашихъ глазахъ. Чтобы продолжать жить исторически и жить хорошо, русскій народъ долженъ водворить праведный порядокъ въ своей великой и обильной землѣ. Иначе, несмотря на свои колоссальные размѣры, Россія сведется къ ничтожеству.

То же самое примѣнимо и къ психологіи русской души. Какъ необъятныя поля Россіи и неисчислимыя богатства ея природы требуютъ ухода, просвѣщеннаго труда и водворенія хорошаго порядка, такъ же необходимо это и для русской души.

Мы гордимся нашей широтой. Мы презираемъ «мѣщанство», намъ нравится наша яркость, смѣлость порывовъ, острота переживаній, неожиданные взрывы, жуткая неуравновѣшенность—то «къ звѣздамъ подняты, то въ бездну паденье».

Но пока все это богатство не подчинится *контролю воли*, не пройдетъ *черезъ самопознаніе* и не осуществится въ *жизненнои творчествѣ*, до тѣхъ

поръ оно не столько служить жизни, сколько мѣшать жить. Какъ въ роскошномъ, но неустроенномъ домѣ, гдѣ все свалено въ хаотическомъ безпорядкѣ, электрическіе провода перепутаны, водопроводные краны не дѣйствуютъ, рояль не настроенъ и т. д.

Не окажется ли гораздо пригоднѣе для жизни скромное жилище, въ которомъ все приведено въ стройный порядокъ?

Это сравненіе безусловно вѣрно въ томъ отношеніи, что чѣмъ богаче и сложнѣе душевная жизнь человѣка, тѣмъ настоятельнѣе нужны самопознаніе, внутренняя культура, и приведеніе всѣхъ свойствъ въ гармоническое сочетаніе.

Психологія западныхъ народовъ создавалась подъ влияніемъ *внѣшней* культуры; творя ее, они добровольно налагали узду на свою низшую природу. Ихъ культура была одновременно и школой народнаго воспитанія.

Не то у насъ. Нашему добровольному участію въ культурномъ творествѣ ставились всевозможныя преграды, оттого оно и не воспитывало насъ.

На западѣ самовоспитаніе шло *извнѣ*, отъ внѣшней культуры; намъ нужно начать самовоспитаніе *извнутри*, создать высокую внутреннюю этику, которая бы направляла линіи нашего внѣшняго творчества.

Это возможно потому, что наша очередь творить пришла тогда, когда западные народы успѣли уже выработать огромный историческій опытъ, изъ котораго намъ остается лишь разумно выбирать самое лучшее. Благодаря этому условію и благодаря особен-

ностямъ нашей народной психологіи, наша историческая задача могла бы быть совершенно особой, объединяющей все лучшее, что создали развивавшіеся ранѣ насъ народы.

Но безъ душевной культуры подобная миссія не выполнима. Наука, разрабатывающая «культуру души», на Западѣ даже и не возникала. Но она всегда существовала на Востокѣ; средоточія ея были въ тѣхъ оккультныхъ школахъ, которыя во всѣ вѣка помогали сильнымъ духомъ подняться на высшую ступень развитія, выражавшуюся въ душевной чистотѣ, въ благородствѣ настроенія и въ самоотверженной дѣятельности на пользу міра.

Одна изъ задачъ современной теософіи—повѣдать міру методы этихъ школъ высшей духовной культуры и доказать, что послѣдняя не можетъ существовать безъ *религіознаго сознанія*. Только религіозное сознаніе въ состояніи преобразить человѣка и погасить эгоистическіе инстинкты его низшей природы.

Раскрытіе религіознаго сознанія приводитъ неизбежно къ:

а) признанію *единачаго духовнаго Начала, скрытаго во вселенной и ясно раскрывающагося въ развитой совѣсти человѣка;*

б) къ сознанію *единства міровой жизни, а следовательно и братства, взаимопомощи и взаимной ответственности, какъ категорическаго требованія морали и*

в) къ *необходимости нравственнаго совершенствованія.*

И если наша передовая интеллигенція стремилась обойтись безъ религіознаго сознанія, то это происходило по недоразумѣнію: она или смѣшивала религіозное сознаніе съ церковностью, или же считала его несомвѣстимымъ съ научнымъ мышленіемъ. На самомъ же дѣлѣ, можно обладать въ высокой степени религіознымъ сознаніемъ и совершенно не сходиться съ церковными взглядами, быть глубоко ученымъ и въ то же время глубоко религіознымъ человѣкомъ. Всегда, когда человѣкъ поднимается до героизма, до самопожертвованія, онъ *приближается къ религіозному сознанію*, хотя бы интеллектуально онъ и отрицалъ Бога.

ПИСЬМО VIII.

(По поводу психологиче русской народной души).

Въ одной изъ своихъ лекцій, касавшейся будущей шестой расы, которая должна появиться на смѣну пятой арийской расы, д-ръ Штейнеръ *) упоминалъ о русскомъ народѣ. Онъ указывалъ на возможность для него великаго духовнаго будущаго, основываясь на нѣкоторыхъ чертахъ народной психологиче, которая отличаетъ его отъ остальныхъ европейскихъ народовъ; онъ указывалъ на признаки въ немъ большей духовности и большей пластичности, чѣмъ у западныхъ народностей, которыя успѣли какъ бы закристаллизоваться въ своихъ національныхъ особенностяхъ.

Провѣрить — съ этой точки зрѣнія — психологиче русскаго народа въ такое время какъ наше, когда идетъ полная передѣлка общественнаго строя, а будущій строй еще не намѣтился, едва ли возможно; но можно — при свѣтѣ эзотерической идеи — попробовать взглянуть на прошлую судьбу русскаго народа. Если его взять какъ цѣльный организмъ, а его тысячелѣтнее существованіе какъ выраженіе его внутренняго содержанія, тогда мы увидимъ нѣчто поразительное.

---

*) Современный нѣмецкій теософъ-оккультистъ.

Со стороны духовной жизни—ясно выраженное стремление къ идеалу и тоска по высшей правдѣ; но лишь только мы перейдемъ къ земной дѣйствительности, къ повседневной интимной жизни народа, мы наталкиваемся на такую трагическую антитезу, какой міръ не видывалъ. Вверху—рѣянье незримыхъ крыль духовности, призывающихъ душу народа къ Вѣчному, а внизу—бѣдность, грубость, невѣжество, апатичное равнодушіе каждаго къ своей личной судьбѣ и къ судьбѣ своего ближняго, тысячелѣтнее добровольно взятое на себя рабство въ пользу государства... Словно за всю свою историческую жизнь, положенную на то, чтобы создать огромное государство, народу некогда было подумать о себѣ, о своемъ воспитаніи и объ устройствѣ себѣ жилища, потому что нельзя же считать настоящимъ жилищемъ безпрестанно выгорающія, покрытыя соломой полутемныя избенки стомилліоннаго русскаго крестьянства... Смотришь, и видишь предъ собой незаполненную бездну между святыней души народной и земной жизнью того же народа, два полюса безъ срединнаго содержанія...

Исторія не даетъ другого такого явленія. Всѣ народы вырабатывали постепенно тѣ промежуточныя ступени, ведущія отъ жизни стихійной, младенческой, къ жизни сознательной, основанной на большемъ или меньшемъ равновѣсіи между обязанностями и правами гражданъ.

Русское крестьянство и до сихъ поръ остается въ тѣхъ же младенческихъ условіяхъ жизни, словно и не

желая для себя никакихъ правъ взаимнъ тяжелой обязанности, которую оно несетъ, поддерживая и защищая огромное государство; и въ то же время, выразители его духовнаго склада создаютъ ученія, которыя по прогрессивности и высотѣ задачъ опережаютъ самыя культурныя народы... Отсутствіе промежуточныхъ ступеней, отсутствіе своей органической культуры, вырабатываемой—какъ соты изъ пчелинаго организма—изъ свойствъ и способностей самого народа, образуетъ какую то жуткую пустоту въ нашей исторіи. И если взглянуть въ эту пустоту, вся она заполнена страданьями народными, неустаннымъ жертвоприношеніемъ, внизу—во имя идеи государства, у интеллигенціи—во имя защиты угнетенныхъ... Но никогда не—во имя *свое*.

Едва-ли какой-либо народъ прошелъ такую тяжкую школу самоотреченья, какъ народъ русскій. И если, несмотря на всѣ перенесенныя страданія, историческая его жизнь сложилась такъ, что послѣ тысячелѣтняго существованія ему нечего терять, до того скудны дары его цивилизаціи, нѣтъ ли въ этомъ глубокаго смысла, который ускользаетъ отъ насъ?

Всѣ культурныя народы съ историческими традиціями, съ органически выработанной культурой, склонны беречь ея дары, охранять установившіяся формы жизни, хотя бы онѣ, устарѣвъ, и препятствовали свободному развитію растущей жизни. Психологія такихъ народовъ, уже завершившихъ свои задачи, начинаетъ итти по нисходящей линіи: они консервативны, осто-

рожны, энергично держатся за свои права и привилегіи. У благоденствующаго народа, гордаго своимъ творчествомъ, душевное настроеніе совпадаетъ съ духовно-немоощнымъ настроеніемъ евангельскаго богатаго юноши, который желалъ не грѣшить, но послѣ словъ Учителя: «раздай имущество твое и иди за мной» опечалился и—отошелъ отъ Христа. Дары культуры, назначеніе которыхъ *служить* людямъ, начинаютъ приобрѣтать такую силу надъ человѣческой душой, что изъ средства превращаются въ цѣль и подъ конецъ поработаютъ внутреннюю свободу души.

Если христіанскіе народы Запада въ состояніи довести свою историческую задачу до конца, они должны прійти къ христіанской общественности, основы которой начертаны на страницахъ Евангелія. Но какъ евангельскій богатый юноша не въ силахъ былъ дойти до конца и печально отошелъ отъ Учителя, такъ же трудно будетъ и народамъ Запада, поработаннымъ дарами своей собственной утонченной культуры, довести—по собственному почину—Христіанскій идеаль до конца.

Не найдемъ ли мы здѣсь ключа къ пониманію исторической судьбы Россіи, въ теченіе тысячи лѣтъ передвигавшейся по необъятнымъ равнинамъ своимъ въ поискахъ за естественными границами для своего государства, въ жертву которому уходили всѣ силы и все достояніе народа, жившаго въ постоянномъ напряженіи, чтобы напитать и охранить разроставагося колосса, и не имѣвшаго вслѣдствіе этого досуга, чтобы

создать свою собственную культуру? Не въ томъ ли призваніе Россіи, чтобы, взявъ все наиболѣе цѣнное и совершенное у западныхъ народовъ и объединивъ все европейское творчество въ одно цѣлое, осуществить на землѣ истинное христіанство? Если это такъ, то въ психологіи русскаго народа должны быть черты, необходимыя для выполненія такой миссіи. И дѣйствительно, едва ли не самая яркая черта этой психологіи—глубокій демократизмъ русскаго народа, начіная съ низшихъ его слоевъ и кончая лучшими представителями верхняго слоя. Положеніе истиннаго аристократа въ Россіи было только у одного царя, всѣ остальные, одни болѣе, другіе менѣе, были въ сущности только безправными слугами государства. И если всмотрѣться въ проявленія не казенной, а подлинной Россіи, той, которая страдала и боролась, то мы увидимъ, что боролась она не за *свои* классовые интересы, а всегда за интересы *всѣхъ*, за интересы общечеловѣческіе. Тогда какъ западный европеецъ цѣнитъ чрезвычайно аристократическое происхожденіе, наши лучшіе родовитые люди не дорожили своими привилегіями и предпочитали аристократизмъ мученичества земному величію.

Въ этой чертѣ демократизма, полного отсутствія классовой обособленности у лучшихъ людей Россіи, сказывается одно изъ свойствъ народной души, которое въ переводѣ на языкъ вѣчныхъ цѣнностей есть *глубокая потребность справедливости*.

Другая, столь же ясная черта русской психологіи—*жажда царства Божія на землѣ*. Всѣ лучшіе рус-

скіе люди искали и призывали царство Божіе, а не царство земное. Мечта о власти, о преобладаніи, національная гордость, идея имперіализма въ европейскомъ смыслѣ, никогда не имѣла власти надъ русской душой; для нея несравненно понятнѣе и дороже святое величіе жертвы, чѣмъ торжество удовлетвореннаго властолюбія. Стоитъ только возстановить въ своей памяти вереницы нашихъ странниковъ и сектантовъ изъ народа, лучшихъ нашихъ художниковъ и поэтовъ, сряды мучениковъ за общечеловѣческіе идеалы,—всѣмъ имъ, какъ яркій свѣточъ, свѣтила мечта о водвореніи не сильнаго царства земного, а праведнаго царства Божія, и не для себя однихъ, а непременно *для всѣхъ*, чтобы для всѣхъ исполнилась та высшая Правда, по которой тоскуетъ человѣчество.

Всѣ, глубоко изслѣдовавшіе духовное русское творчество, всегда отмѣчали стремленіе русскаго человѣка не къ частному и близкому, а къ общему и *абсолютному*. И стремленіе это не метафизическое: духовная работа нашей интеллигенціи стремилась постоянно къ выработкѣ общественной морали, а социалисты наши останавливались преимущественно надъ справедливымъ *распределеніемъ*, надъ принципами взаимопомощи, гениальные же русскіе люди, всѣ безъ исключенія, проявляли глубокий интересъ къ проблемамъ религіи, понимая религію въ широкомъ смыслѣ, какъ носительницу духовнаго начала Вселенной.

Россія стоитъ на перепутьи: она можетъ пойти по проторенной дорогѣ и снова повторить весь пере-

житый европейскими народами опытъ, результаты котораго на нашихъ глазахъ потрясаютъ міръ все болѣе ожесточающейся борьбой на поляхъ битвы и на міровыхъ рынкахъ. Но она можетъ пойти и по новому пути, на который уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ указалъ Христосъ.

Для успѣшнаго движенія по второму пути недостаточно одной умственной дѣятельности, опирающейся на науку; недостаточно и одного чувства, пребывающаго въ молитвенномъ настроеніи. Для осуществленія такого общественнаго строя, въ которомъ вмѣсто эгоизма обособленнаго *я*, побужденіемъ къ дѣятельности будетъ *общее благо*, необходимо религіозное сознание, понимая религію не какъ церковные догматы, а какъ сознание *единства* всякой жизни, исходящей изъ единаго разумнаго Начала, и истекающее отсюда *чувство* отвѣтственности каждаго за всѣхъ и всѣхъ за каждаго. Безъ такого міросозерцанія недостижимо общее благо, о которомъ мечтаютъ благороднѣйшіе представители европейскаго міра. Оно одно можетъ создать *настроение, враждебное эгоизму*.

Европейское сознание такъ сроднилось съ своимъ строемъ, что сознание большинства находится подъ гипнозомъ, будто существующій экономическій строй неизбѣженъ; и сознание не освободится отъ этого гипноза, пока дальнѣйшее развитіе будетъ совершаться по тѣмъ же линіямъ, пока эгоизмъ одного будетъ переходить въ эгоизмъ многихъ, а порабощеніе всѣхъ— въ порабощеніе меньшинства. Выходъ для свободы че-

ловѣческой души будетъ попрежнему закрытъ, а между тѣмъ вся суть христіанства (не буквы, а духа его) основана на свободѣ человѣческой души.

Въ младенческой періодъ своего существованія народы Арійской расы не знали раздвоенія сознанія, они жили цѣльной жизнью подъ руководствомъ религіознаго міровоззрѣнія; въ зрѣломъ возрастѣ они прошли черезъ всѣ ступени сомнѣнія, отрицанія и безвѣрія; человѣческое сознаніе описало огромный кругъ, и—наступаютъ времена, когда оно снова вернется къ исходной точкѣ, но уже *свободно и сознательно*.

П И С Ъ М О IX.

(О страданіи.)

«Не для того же я страдалъ, чтобы собой, злодѣйствами и страданіями моими унавозить кому-то будущую гармонию. Я хочу видѣть своими глазами, какъ лань ляжетъ подлѣ льва и зарѣзанный встанетъ и обнимется съ убившимъ его . . . . .

Понимаю же я каково должно быть сотрясеніе вселенной, когда все на небѣ и подъ землею сольется въ одинъ хвалебный гласъ и все живое и жившее воскликнетъ: «правъ Ты Господи, ибо открылся путь Твой!... Но вотъ тутъ-то и запятая, этого то я и не могу принять».

Братья Карамазовы, гл. IV Бунтъ.

Такими стопами души выражаетъ представитель русской интеллигенціи, Иванъ Карамазовъ, глубокой разрывъ современнаго сознанія, непримиримую рознь между запросами сердца и представленьями нашего «эвклидова ума», между жаждой повѣрить въ Бога и Его правду и матеріалистическимъ пониманіемъ процесса жизни.

Нигдѣ, ни въ одномъ литературномъ произведеніи, душевное смятеніе отъ этого разрыва не изображено

съ такой страдальческой остротой, какъ у Достоевскаго. Въ его душѣ этотъ разрывъ былъ особенно страшень: его горячее сердце тянулось къ Богу, съ мучительной тоской жаждало повѣрить въ высшій смыслъ жизни, а привычныя линіи мысли сводили все содержаніе жизни къ слѣпой механической силѣ, которая давить и разбиваетъ направо и налево, безъ выбора и смысла, часто самое прекрасное и цѣнное.

Страданія невинныхъ дѣтей, хрупкость человѣческой жизни, *единственной*, которая не повторится уже *никогда*, гибель и страданія наиболѣе благородныхъ, неравенство и кажущаяся несправедливость всего, что творится на землѣ, и—болѣе всего—грѣховность и темнота человѣческой природы, вотъ рядъ мучительныхъ вопросовъ, которые европейское сознаніе не сумѣло разрѣшить, которое заставляетъ его разбиваться въ бесплодныхъ попыткахъ найти на нихъ разумный отвѣтъ.

Но дѣйствительно ли нельзя найти на нихъ отвѣтъ? Еслибы это было такъ, и человѣкъ навсегда былъ обреченъ стоять передъ неразгаданной тайной своей судьбы, та же тоска и то же неудовлетвореніе должны бы царить вездѣ, гдѣ существуетъ человѣкъ... А между тѣмъ, это не такъ.

На Востокѣ, несмотря на наличность тѣхъ же страданій и того же несовершенства, нѣтъ ничего похожаго на болѣзненную остроту нашихъ запросовъ, тамъ нѣтъ нашего беспочвеннаго висѣнія между небомъ и землей. И происходитъ это вслѣдствіе корен-

ной разницы міросозерцанія современнаго Запада и древняго Востока.

На сторонѣ Востока такое явное преимущество спокойнаго достоинства и яснаго самообладанія, что потерявшему равновѣсіе европейцу слѣдовало бы гораздо внимательнѣе и гораздо серьезнѣе отнестись къ тому, *что* даетъ такую цѣльность и равновѣсіе восточной мысли. Легкомысленно повторяемая фразы о «фатализмѣ» Востока, о его влеченіи къ небытію, къ непонятной «Нирванѣ», не даютъ серьезнаго объясненія. Мы знаемъ, что и величайшіе мудрецы обладали ясностью и душевнымъ равновѣсіемъ.

Восточная мудрость не допускаетъ бунта потому, что совѣмъ не признаетъ *произвола* и *случайности*; для нея самое бытіе немислимо внѣ условія неизблемаго порядка, безъ котораго космосъ превратился бы немедленно въ хаосъ.

Для нея невозможны такія рѣчи: «Не хочу я гармоніи... Не стоитъ она слезинки хотя бы одного замученнаго ребенка... Не стоитъ потому, что слезки его остались неискупленными... И чѣмъ ты искупишь ихъ?... Неужто тѣмъ, что онѣ будутъ отомщены?... Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ адъ для мучителей, что тутъ адъ можетъ поправить когда *ты уже замучены?* И какая же гармонія, если адъ? Я простить хочу, я обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше»... И дальше выводъ: «Лучше ужъ я останусь при неотмщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, *хотя бы я былъ и не*

правъ. Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему... столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно... Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю».

Если бы эти, какъ ядъ прожигающія слова, были особенностью одного Достоевскаго, не слѣдовало бы и ссылаться на нихъ. Но въ нихъ вылилась вся неудовлетворенность современнаго агностическаго міропониманія, вся зіяющая бездна, раздѣлившая нашу вѣру и наши идеалы отъ явленій дѣйствительности.

Болѣе двадцати лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ, какъ произносился этотъ мучительный вызовъ Богу, не улучшили нашего положенія; учащающіяся самоубійства указываютъ слишкомъ ясно на то, что мы духовно не вооружены для борьбы съ тяжелыми условіями нашего времени и для разрѣшенія назрѣвшихъ задачъ жизни. Отсюда и уклоненіе отъ этихъ задачъ всевозможными способами, вплоть до прекращенія самой жизни.

Вникая въ источникъ, откуда исходитъ глубокая разница въ пониманіи самыхъ коренныхъ вопросовъ міровой жизни на Западѣ и на Востокѣ, приходится на первое мѣсто поставить религіозныя представленія восточныхъ и западныхъ народовъ.

Едва ли не самой главной причиной раскола въ современномъ европейскомъ сознаніи слѣдуетъ считать потерю эзотеризма у христіанъ. Во всѣхъ остальныхъ религіяхъ мы находимъ—рядомъ съ откры-

тыми учениями,—предназначенными для руководства *всего* народа, и сокровенныя (эзотерическія) ученія, которыя приносятъ удовлетвореніе тому опередившему остальныхъ меньшинству, которое, подобно Достоевскому, стремится дойти въ своихъ исканіяхъ до самого источника явленій. Что такое же ученіе для наиболѣе подняшагося меньшинства существовало и въ христіанствѣ, на это есть намеки и въ Евангеліи, и особенно у апостола Павла, который сравнивалъ открытое ученіе съ «молокомъ, пригоднымъ для младенцевъ», а сокровенное—съ «твердой пищей», и говорилъ (1-е посл. къ Коринѣ. гл. II-я, 6—8) о мудрости, «которая проповѣдуется между *совершенными*»*) и о «премудрости Божьей, тайной, сокровенной, которую никто изъ властей вѣка сего не позналъ»...

Я не могу останавливаться на причинахъ исчезновенія эзотеризма изъ христіанской церкви; это требуетъ большихъ спеціальныхъ знаній **), но мнѣ хотѣлось лишь указать на это исчезновеніе какъ на одинъ изъ источниковъ совершившагося на Западѣ раскола между вѣрой и разумомъ. Одно изъ двухъ: или наука опередила религіозное откровеніе, что является явной бессмыслицей для вѣрующаго, либо ключъ къ истинному пониманію св. Писанія и его символизма утерянъ для западныхъ богослововъ.

*) «Совершенными» назывались посвященные въ эзотерическое ученіе.

***) Среди теософическихъ писателей многіе работаютъ надъ этимъ вопросомъ: Дж. Мидъ, д-ръ Штейнеръ, А. Безантъ, Кингсфордъ и др.

Допустить послѣднее необходимо: иначе мы никогда не поймемъ огромной разницы, которая существуетъ между нашимъ европейскимъ отношеніемъ къ загадкамъ человѣка и космическаго бытія и отношеніемъ къ тѣмъ же загадкамъ восточнаго сознанія.

Происхожденіе человѣка, его мѣсто въ мірозданіи, его отношеніе къ Богу, самый процессъ его эволюціи въ трехъ мірахъ, его потустороннее существованіе и цѣль міровой жизни—на все это можно найти отвѣты въ эзотерическихъ ученіяхъ восточныхъ религій.

Другой причиной тяжелаго состоянія европейскаго міропониманія является его оторванность отъ мірового единства. Оно сосредоточило все свое вниманіе на одномъ земномъ мірѣ, не видя его связи съ остальными мірами и не сознавая, что этотъ міръ лишь *часть великаго цѣлаго*, лишь переходъ къ болѣе совершеннымъ ступенямъ непрестанно развивающейся вселенской жизни; отсюда—невѣрное представленіе, что земля есть *нѣчто въ себѣ законченное*. Если бы это было такъ, и вся наша жизнь протекала на этомъ брошенномъ въ необъятное пространство Вселенной клочкѣ сгустившейся матеріи, который сегодня есть, а завтра можетъ застыть или разсыпаться въ прахъ отъ слѣпотаго напора проносающейся кометы, было бы *что* чего притти въ отчаянье.

Но попробуйте на тотъ же земной шаръ посмотрѣть какъ на *временное* мѣсто дѣйствія, гдѣ разыгрывается лишь одинъ изъ актовъ великой міровой драмы, свяжите его съ остальной вселенной такъ, какъ

въ жизни человѣка *сегодня*, связано съ *завтра* и *вчера*, попробуйте принять его какъ одну изъ страницъ великой Книги Жизни, дивный смыслъ которой закрыть отъ насъ только потому, что сознание наше ограничено, какъ сознание дикаря, отъ котораго закрыть весь земной міръ, кромѣ его родной страны,—попробуйте вмѣсто «въ себѣ законченной» величины мыслить земную эволюцію какъ временное явленіе развивающагося процесса жизни, и вы увидите какъ измѣнится все ваше настроеніе.

Совершенно то же и относительно отдѣльной человѣческой судьбы. Если считать одну земную жизнь несовершеннаго человѣка, въ которой столько непонятнаго и съ виду ненужнаго страданія, за единственную, тогда есть отъ чего притти въ отчаяніе и заговорить языкомъ Ивана Карамазова.

Но взгляните на ту же жизнь какъ на одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ безсмертнаго опыта души, видимаго намъ только потому, что опытъ этотъ происходитъ на доступномъ намъ физическомъ планѣ въ моментъ нашего наблюденія; допустите, что помимо этого эпизода существуетъ необъятное поле опыта той же души, не видимое для насъ, но въ которомъ и кроются всѣ причины наблюдаемыхъ нами временныхъ явленій,—и тогда исчезнутъ всѣ признаки *произвола и ненужности*, которые и зарождаютъ всю трагическую остроту европейскаго возрѣнія на страданія.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть ужаснѣе «ненужнаго страданія?» Это чувство возмущенія закон-

ное; потому что «ненужное страданіе» обнаружило бы или безсиліе Бога, или жестокость Его. Но ненужныхъ страданій нѣтъ. Есть только временное невѣдѣніе истинной причины переживаемаго.

Невѣдѣніе это отозвалось особенно тяжело на европейскоуъ сознаніи, все вниманіе котораго было устремлено на *видимости, на внѣшній покровъ явленій*. Матеріализмъ западной мысли порвалъ всѣ тонкія нити, связывающія земной умъ челоувѣка съ его высшимъ сознаніемъ, его временное земное бытіе съ прошлымъ и будущимъ его бытіемъ, онъ опустошилъ для насъ небеса и закрылъ передъ нами нашу собственную глубину; онъ свелъ всю этику западнаго міра къ ряду компромисовъ, приспособленныхъ для *низшей природы* челоувѣка, тогда какъ его высшія стремленія превратились въ какую-то мертвую идеологію, оторванную отъ жизненнаго творчества. Въ *матеріализмъ европейской мысли и кроется третья причина нашего трагическаго воззрѣнія на земныя испытанія*.

Отчего нѣтъ этого трагизма на Востокѣ? Тамъ невозможны страдальческіе стоны и безсильный бунтъ Ивана Карамазова. Сохранившійся въ религіяхъ Востока эзотеризмъ, который не ограничивается тѣсными предѣлами «эвклидова ума», а проникаетъ въ невидимые міры и имѣетъ дѣло съ высшей логикой событій, даетъ ключъ къ самымъ мучительнымъ загадкамъ жизни. Ученіе о перевоплощеніи—въ его эзотерическомъ, глубокомъ толкованіи—разрѣшаетъ загадку о внутреннемъ неравенствѣ людей, а законъ кармы—

причину страданій, черезъ которыя проходятъ и добрыя и злыя, и достойныя съ нашей точки зрѣнія, и недостойныя.

Чѣмъ, въ дѣйствительности, вызывается страданіе? Ничѣмъ инымъ, какъ *нарушеніемъ закона* природы, физической или духовной. Каждый разъ, когда чело-вѣкъ страдаетъ, онъ переживаетъ послѣдствія такого нарушенія, и нарушеніе это *должно* быть восстановлено.

Когда дѣло идетъ о физическихъ законахъ, это ясно для всѣхъ: обожженная рука болитъ потому, что огонь разрушаетъ ея ткани, ударъ въ голову вызы-ваетъ измѣненіе нормальной работы мозга и т. д.

Но прослѣдить послѣдствія нарушенія законовъ духа такимъ же непосредственнымъ наблюденіемъ возможно только для чело-вѣка, способнаго къ само-анализу и углубленію: для чуткой совѣсти совсѣмъ не трудно, обозрѣвая каждый прожитой день, уловить тѣ или другія нарушенія законовъ духа, которыя *могутъ* повлечь за собой тяжелыя послѣдствія; или же, переживая страданія, доискаться причины этихъ страданій въ своихъ же прошлыхъ грѣхахъ.

Но это возможно только относительно собствен-ныхъ проявленій, *мотивы* которыхъ намъ извѣстны, и возможно только въ *этой* послѣдней земной жизни. Если же взять *всю* судьбу чело-вѣка, во всей ея пол-нотѣ, причины переживаемаго должны неминуемо ускользнуть отъ нашего сознанія, ибо въ моментъ наблю-денія надъ тѣмъ, что мы считаемъ *незаслуженными* страданіями, чело-вѣкъ переживаетъ послѣдствія того,

что *онъ-же* совершалъ, но на протяженіи *невидимаго* для насъ поля его жизни. Его страданія—послѣдствіе имъ же нарушеннаго закона. И они необходимы, потому что иначе онъ не пришелъ бы къ *познанію закона*.

Мы вѣдь не негодуемъ что младенецъ падаетъ, ушибается и обжигаетъ себя, пока не узнаетъ, что нарушенное равновѣсіе опрокидываетъ тѣло, огонь—жжетъ, стѣна—отталкиваетъ и т. д. Мы знаемъ, что безъ такихъ, опытомъ добытыхъ знаній, человѣкъ не можетъ быть дѣятельнымъ въ условіяхъ земной жизни. И не негодуемъ на это потому, что причина, вызвавшая страданіе, намъ *видна*. Мы знаемъ, что это—нерушимый законъ, что въ немъ нѣтъ ни произвола, ни переменъ, и мы удовлетворяемся этимъ.

И еслибы ту же увѣренность мы перенесли на все происходящее въ мірѣ причинъ невидимыхъ, но не менѣе реальныхъ, чѣмъ причины видимыя,—протесты въ духѣ Ивана Карамазова стали бы также неприемлемы, какъ протесты ребенка противъ ударившей его стѣны. Мы бы знали, что нарушая законъ по невѣдѣнію и испытывая оттого страданія, мы собираемъ драгоценный опытъ, благодаря которому наша душа растетъ и достигаетъ той внутренней зрѣлости, когда вся ея дѣятельность придетъ въ сознательную гармонию съ закономъ добра. *

Прослѣдить этотъ постепенный ростъ души, какъ мы слѣдимъ за ростомъ ребенка, связать зарождаемая самимъ человѣкомъ причины съ послѣдствіями, которыя обнаруживаются лишь черезъ длинные періоды,

въ одномъ изъ послѣдующихъ воплощеній той же, собирающей опытъ, человѣческой индивидуальности,— это возможно только для сознанія, которое въ состояніи охватить всю земную эволюцію этой индивидуальности *) до конца.

Подъ «концомъ» я разумѣю ненужность дальнѣйшихъ воплощеній выросшей въ полный возрастъ души, прекращеніе ея *земной* дѣятельности, переходъ къ дѣятельности на иныхъ планахъ космической жизни. Но это вовсе не означаетъ, что мы *никогда* не поймемъ всѣхъ внутреннихъ пружинъ нашей эволюціи, не узнаемъ той связи, которая существуетъ между невидимыми причинами и переживаемыми нами видимыми послѣдствіями этихъ причинъ. Для каждаго человѣка пробьетъ часъ, когда весь смыслъ его жизни—земныхъ и потустороннихъ—раскроется передъ нимъ во всемъ своемъ внутреннемъ единствѣ.

Но даже и теперь, вооружившись свѣточемъ эзотерическихъ ученій, мы можемъ принять вызовъ, брошенный потрясеннымъ сердцемъ Ивана Карамазова, которое жаждало красоты и гармоніи и не видѣло ничего, кромѣ темноты и грѣха. Нѣтъ, не для того мы страдаемъ, «чтобы собой, злодѣйствами и страданьями нашими унавозить *кому то* будущую гармонію»...

Утомительно и полно тяжелыхъ испытаній медленное восхожденіе человѣка; но въ этихъ усиліяхъ, въ

---

*) Прошу читателя не смѣшивать понятія «индивидуальность» и «личность»; личность—это Ивановъ, Джонстонъ, Веберъ, а индивидуальность—безсмертная душа, много разъ воплощавшаяся подъ разными личинами на землѣ.

этихъ страданіяхъ, въ этой непрестанной борьбѣ между животнымъ и божественнымъ полюсомъ, создается его человѣчность, выковываются его силы, завоевывается его свобода.

На самомъ низу, когда высшее сознаніе, черезъ которое говоритъ божественная природа человѣка, еще не пробудилось, переживанія его просты и несложны какъ у животнаго; на среднихъ ступеняхъ они усложняются и достигаютъ высокой степени напряженія и остроты, когда божественное и животное начало вступаютъ въ единоборство, когда поочередно побѣждаетъ то низшій полюсъ, то высшій, когда торжество звѣря смѣняется тоской униженнаго бога...

И такъ силенъ въ началѣ этотъ звѣрь, что если бы жизнь была радостнымъ пастбищемъ для него, а не долиной скорби, звѣрь развился бы въ свой полный размѣръ и убилъ въ нашей душѣ все человѣческое. А человѣческое необходимо какъ почва для развитія божественнаго, которое должно побѣдить и вступить во всѣ свои права на той вершинѣ, на которую поднимается все человѣчество.

Нѣтъ, не «кому то» готовить своими страданіями человѣкъ «будущую гармонію»; онъ грѣшитъ, падаетъ, страдаетъ и проходитъ черезъ всю полноту земного опыта для того, чтобы свободно избравъ добро, какъ окончательный и незыблемый законъ своей жизни, участвовать своей безсмертной, въ огнѣ страданія созидавшейся индивидуальностью въ божественномъ творествѣ, сознательно содѣйствовать его гармоніи.

Будь у человѣка одна животная природа или одна божественная, не было бы ничего подобнаго тѣмъ страданіямъ, которыя возмущаютъ сознание Ивана Карамазова. Въ первомъ случаѣ, человѣкъ двигался бы безошибочно животнымъ инстинктомъ, во второмъ—божественной волей, но у него не было бы свободы. Въ силу же того, что человѣкъ обладаетъ внутренней свободой, онъ вѣчно колеблется между своими противоположными полюсами и эти колебанія, эти тренія, эта снова и снова возобновляющаяся борьба, дѣлаютъ его творцомъ своего собственнаго содержанія даютъ ему возможность дорасти до *самосознающей, индивидуальности*, безсмертной и способной къ самостоятельному творчеству. Вотъ свѣтлая цѣль, къ которой ведутъ наши трудныя земныя переживанія и въ нихъ—все оправданіе страданія.

Вся пытка разбивающейся въ темнотѣ мысли Ивана Карамазова происходитъ отъ того, что всѣ эти «обиженные дѣтки» и ихъ ненаказанные мучители воспринимаются его сознаниемъ безъ прошлаго и безъ будущаго, что только обрывокъ человѣческой драмы проходитъ передъ его глазами. Если бы онъ допустилъ на минуту, хотя бы какъ гипотезу, что у этого ребеночка съ его «неотомщенными слезками» есть земное прошлое, въ которомъ онъ могъ быть повиненъ въ такихъ же мучительствахъ надъ беззащитными существами, и что переживаемыя имъ страданія въ *этой* его жизни есть неизбѣжное послѣдствіе имъ же нарушеннаго закона, правда котораго *должна* быть

возстановлена; и что у того злого мучителя есть земное будущее, когда онъ на себѣ испытаетъ всю преступность обнаруженной имъ злой воли; если бы Иванъ Карамазовъ допустилъ эту возможность, передъ его бессильно бунтующимъ сознаниемъ открылись бы совершенно новыя глубины и совершенно неожиданныя перспективы.

Не отмищеніе—въ темномъ земномъ смыслѣ разгнѣваннаго Бога—ожидаетъ мучителя, а нерушимый законъ справедливости, который поставленъ Богомъ, какъ необходимый регуляторъ въ великомъ океанѣ жизни, безъ чего вся она превратилась бы въ страшный хаосъ. Но въ приведенныхъ рѣчахъ вытравлена не только всякая вѣра въ высшій смыслъ жизни, но упразднена и возможность какого-либо будущаго для человѣческой души.

«Зачѣмъ мнѣ адъ для мучителя, что тутъ адъ можетъ поправить, когда *ты уже замучены?*» Даже смутная мечта о безсмертіи, о возможности свѣтлаго будущаго для замученнаго—исчезаетъ, и загнипнотизированное сознание не въ состояніи подняться надъ поразившимъ его эпизодомъ человѣческой жестокости.

Прекрасно сознающій, что даже въ этой темной и мучительной жизни бываютъ мгновения столь высокаго просвѣтленія, столь значительныхъ и огненныхъ переживаній, что за эти мгновения *«можно все отдать»*, онъ здѣсь даже не допускаетъ ничего, могущаго возмѣстить физическій страхъ и физическую боль замученнаго тѣла.

Не признавая никакого будущаго для души *навсегда замученнаго* ребенка, онъ не принимаетъ «возмездія въ безконечности, гдѣ нибудь и когда нибудь», онъ требуетъ этого возмездія *«уже здѣсь, на земль, и чтобы я его самъ увидалъ»*. И непремѣнно этими самыми глазами, которые, по его же признанію, совсѣмъ не помогаютъ понять смыслъ всего совершающагося.

Весь трагизмъ европейскаго агностицизма, все его внутреннее безсиліе выразилось въ этихъ двухъ противорѣчащихъ одна другой фразяхъ: *«хочу возмездія здѣсь на земль, и чтобы я его самъ видѣлъ»* и рядомъ: *«я простить хочу, я обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше»*.

Умный Иванъ Карамазовъ даже не замѣчаетъ, что, требуя зла за зло, страданія за страданіе, онъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ уже навсегда невозможной свою мечту *«простить, обнять и прекратить для всѣхъ и навсегда всякія страданія»*. Сердцемъ онъ убѣжденъ, «что всѣ противорѣчія исчезнуть какъ жалкій миражъ... и въ міровомъ финалѣ, въ моментъ вѣчной гармоніи случится и явится нѣчто до того драгоценное, что хватить на всѣ сердца, на утоленіе всѣхъ негодованій, на искупленіе всѣхъ злодѣйствъ, всей пролитой людьми крови, хватить чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось съ людьми»... А умомъ, этимъ «жалкимъ эвклидовымъ умомъ» своимъ онъ ничего не видитъ кромѣ безсвязныхъ отрывковъ жизни, и несмотря на то, что всѣмъ размѣромъ своей челоуѣчности чув-

ствуешь, что за этими отрывками кроется великій и благой смыслъ, онъ все же подчиняется своему «жалкому уму» и на его безсиліи строить свой бунтъ.

Непонимающіе всей глубины, въ которую Теософія вводитъ наше сознаніе, бросаютъ намъ горькій упрекъ, будто по ея ученіямъ «все хорошо въ этомъ лучшемъ изъ міровъ». Но такой упрекъ исходитъ изъ незнанія. Теософія говоритъ совсѣмъ иное; она признаетъ земной міръ самымъ труднымъ изъ всего эволюціоннаго пути, по которому проходитъ человѣческая индивидуальность, но она учитъ и въ этомъ мірѣ видѣть не хаосъ безцѣльныхъ столкновеній и ненужныхъ страданій, а великую творческую работу, которая приведетъ человѣка, развившаго всѣ стороны своего сознанія и побѣдившаго всю свою низшую природу къ его высочайшей цѣли: *къ преобразенію въ образъ и подобіе Божіе*.

И когда это исполнится, всѣ разрозненныя звенья сомкнутся, тогда и всѣ поводы къ страданію упразднятся, ибо, описавъ полный кругъ опыта и познавъ себя, человѣкъ вернется къ источнику жизни и «внидетъ въ радость Господа»...

И какъ близокъ къ истинѣ былъ Иванъ Карамановъ, когда наперекоръ своему бунтующему уму понималъ «каково должно быть сотрясеніе вселенной, когда все на небѣ и подъ землею сольется въ одинъ хвалебный гласъ и все живое и жившее воскликнетъ «Правъ Ты, Господи, ибо открылись пути Твои!».

П И С Ъ М О Х.

(О вибраціяхъ мысли.)

Мысль возникаетъ въ одномъ мозгу, она высылаетъ токъ, достигающій другого мозга, токъ этого другого мозга воспринимается третьимъ; и мы будемъ правы, если представимъ себѣ все человѣчество соединеннымъ между собой подобіемъ огромной телеграфной сѣти, по которой безостановочно передаются токи мысли.

«Сила мысли и мысле-образы». Е. П.

Приближается весна, и мысль невольно стремится къ природѣ, въ памяти возникаютъ цвѣтушіе луга, молодой шопоть зеленыхъ листьевъ, веселый звонъ ручьевъ, проносятся ароматы травъ и цвѣтовъ.

Мнѣ всегда казалось, что запахъ выражаетъ душу природы: она доносится до насъ въ соленой пахучести моря, въ свѣжемъ вѣтрѣ, въ нѣжномъ ароматѣ цвѣтовъ, во всѣхъ испареніяхъ оттаявшей, захотѣвшей жить земли.

Все въ мірѣ имѣетъ свою аналогію. Обнаруженное указываетъ на скрытое, явное на тайное.

Кто внимательно и любовно изучаетъ природу, тотъ узнаетъ божественный разумъ и свои собствен-

ныя скрытыя глубины, кто вдумчиво изучаетъ себя самого, тотъ пойметъ и весь міръ. «Безкорыстное самопознаніе ведетъ къ Богопознанію».

Когда стремишься обнажить всѣ покровы и раскрыть всѣ видимости и, глядя на явную лабораторію природы, проникнуть въ скрытую лабораторію духа, передъ сознаниемъ раскрываются безконечныя аналогіи, стройное единство явленій, видимыхъ и невидимыхъ.

Въ ароматахъ природы—ея душа. Ароматъ человѣка—въ его скрытыхъ мысляхъ, чувствахъ и желаніяхъ. Они возникаютъ въ глубинѣ его души и несутся отъ него въ тѣ невидимыя міры, въ которыхъ происходитъ ихъ таинственное претвореніе въ новыя творческія силы.

Но здѣсь аналогія кончается: цвѣты и травы, океанъ и горныя вершины насыщаютъ земную атмосферу своими сладкими, острыми и освѣжающими дыханіями, и дыханія эти растворяются въ воздухѣ.

Ароматъ человѣческой души нѣчто безконечно болѣе цѣнное. Ни одна мысль, ни одно чувство, ни одна мечта не пропадаютъ безслѣдно. Чистыя, активныя, добрыя мысли и чувства людей создаютъ для нихъ счастливое воплощеніе въ будущемъ и творятъ свѣтлыя эпохи въ исторической судьбѣ народовъ. Вялыя, корыстныя, эгоистическія и сладострастныя мысли и чувства создаютъ эпохи упадка.

«Древняя Мудрость» въ своихъ ученіяхъ о вибраціяхъ и о творческой силѣ мысли, объ осуществленіи въ человѣческой жизни закона причинности и о не-

прерывномъ взаимодействіи между видимымъ земнымъ міромъ и міромъ невидимымъ, раскрываетъ передъ нами таинственную работу духа, и даетъ опредѣленныя указанія на истинное значеніе внутренней культуры, которая безконечно важнѣе культуры внѣшней, потому что творитъ *она*, а послѣдняя—лишь видимая ея форма.

Мы всѣ постоянно выбрасываемъ изъ себя токи мыслей, цѣлыя волны чувствъ, страстей и желаній, которыя распространяются отъ насъ, какъ круги на водѣ, непрерывными рядами сильныхъ и слабыхъ добрыхъ и злыхъ, жестокихъ и нѣжныхъ вибрацій и, ударяясь о мозгъ и нервную систему окружающихъ людей, вызываютъ въ нихъ отвѣтныя вибраціи.

Если носящіяся въ пространствѣ мысли по преимуществу злыя, враждебныя и тревожныя, духовная атмосфера наполняется вредными, разлагающими элементами; наоборотъ, мысли активно-добрыя и благородныя создаютъ благопріятныя условія для дружной общественной работы. Мысли несутъ въ себѣ или зачатки разрушенія, или помощь человечеству, смотря по тому, *что* двигаетъ нашимъ сознаниемъ.

Большинство людей думаетъ такъ или иначе не потому, что они сдѣлали оцѣнку тому или другому общественному явленію въ глубинѣ своей совѣсти, а потому, что толпа думаетъ такъ. Наиболѣе сильныя умы создаютъ опредѣленные мысле-образы, а болѣе слабыя воспринимаютъ ихъ. Умъ толпы заражается вибраціями этихъ немногихъ, умѣющихъ думать сильно.

и опредѣленно, и созданныя ими волны мыслей усиливаются до безконечности по мѣрѣ того, какъ воспроизводятся въ тысячахъ и тысячахъ умовъ, и онѣ-то и создаютъ общественное мнѣніе.

Отъ постоянныхъ повтореній однородныхъ мыслей возникаютъ глубоко обозначенныя линіи въ умахъ большинства, которыя и опредѣляютъ характеръ эпохи.

Неизмѣримо важный жизненный смыслъ этого факта, если онъ ясно усвоенъ, долженъ вызвать въ людяхъ чувство глубокой отвѣтственности за никому невидимую работу ихъ мыслей, чувствъ и воли.

Излагать въ короткомъ письмѣ ученіе «Древней Мудрости» о вибраціяхъ мысли и о томъ, какъ онѣ вліяютъ на судьбу человѣчества, невозможно; ученія эти подробно разработаны въ теософ. литературѣ и доступны всѣмъ, кто желаетъ познакомиться съ ними *). Мнѣ хотѣлось лишь дать нѣсколько указаній моимъ читателямъ на фактъ передачи мыслей и чувствъ отъ мозга къ мозгу, отъ нервной системы къ нервной системѣ, а также на возможность охранить свой мозгъ отъ непрестанно бьющихся въ него волнъ чужихъ мыслей.

Основной законъ, по которому вибраціи чужихъ мыслей легко воспринимаются другимъ мозгомъ, коре-

---

*) Ученіе о вибраціяхъ мысли можно найти въ журналѣ Вѣстникъ Теософіи за 1912 г. гдѣ печаталась „Сила Мысли“ А. Безантъ, въ ея же книгѣ «Теософія и Новая Психологія» и въ популярной брошюрѣ «Сила Мысли и Мысле-образы» Е. П.

нится въ сродствѣ вибрацій у посылающаго и у воспринимающаго мысль. Дурно настроенный умъ будетъ легко воспринимать злыя вибраціи и безпрепятственно развиваться въ дурномъ направленіи. Точно такъ же и праздный, смутно и непослѣдовательно работающій умъ есть открытое поле для всевозможныхъ воздѣйствій со стороны.

Для того, чтобы создать прочный оплотъ противъ несущихся на насъ со всѣхъ сторонъ заряженныхъ всевозможными страстями и желаніями мыслей, нужно научиться думать по опредѣленнымъ линіямъ, выработать собственное міросозерцаніе, поставить передъ своей душой ясный идеаль, способный вдохновлять и вести впередъ.

Каждая чужая мысль и каждое чувство, не соотвѣтствующее обычнымъ вибраціямъ *вашей* мысли и *вашего* чувства, будетъ отброшена отъ васъ такъ же какъ высокій звукъ отбрасывается безъ слѣда отъ струны, способной звучать лишь низкими тонами.

Если человѣкъ думаетъ и чувствуетъ правдиво, лживыя мысли не вызовутъ въ немъ отвѣтныхъ вибрацій и не проникнутъ въ него; если душа его настроена любовно, мысли ненависти и злобы пронесутся мимо нея, не причинивъ ей вреда; если желанія его благородны, низменныя желанія не затронутъ его. Беззащитность человѣка противъ чужихъ мыслей и чувствъ кончается, какъ только онъ начинаетъ выработать свой духовный міръ сознательно, какъ только внутренняя культура души принимаетъ ясныя, связанныя между собой и обоснованныя линіи.

Ради этой цѣли нужно не уставая оберегать свою душу отъ случайныхъ вліяній и растить и укрѣплять въ ней духовную красоту. И тогда нашъ внутренній садъ расцвѣтетъ, и благоуханіе отъ его цвѣтовъ освѣжить и оздоровитъ окружающую насъ духовную атмосферу.

Въ особенности въ нашу эпоху перелома и переоцѣнки всей жизни, когда прокладываются новыя линіи общественнаго сознанія, неизмѣримо важна такая внутренняя культура. Вѣдь именно мы, развитые и образованные, создаемъ эти линіи и мы же будемъ и отвѣтственны за то, будетъ ли въ нихъ правда и красота, или же онѣ поведутъ нашъ народъ къ новымъ бѣдствіямъ и къ новому духовному рабству.

Кромѣ внутренней культуры, нашъ умъ оберегается отъ дурныхъ вліяній чужихъ мыслей и общеніемъ съ благородными умами, какъ въ жизни, такъ и въ книгахъ. Книги, это—кристаллизованные токи мыслей; прикасаясь къ уму читателя, онѣ оживаютъ и дѣйствуютъ на него такъ же, какъ и несущіяся на него живыя вибраціи.

Вотъ почему для человѣка, знающаго всю силу и значеніе невидимаго творчества мысли, такъ тяжело и жутко видѣть распространеніе дурныхъ книгъ.

Когда проходишь по улицамъ, мимо оконъ книжныхъ лавокъ и мимо столиковъ, наполненныхъ раздражающими мозгъ и нервы похожденіями разныхъ сыщиковъ, будящихъ въ молодыхъ людяхъ нехорошіе инстинкты охоты по двуногому звѣрю, или видишь

порнографію во всѣхъ видахъ, разжигающую самую низменную чувственность, становится больно и страшно. Видишь внутреннимъ зрѣніемъ, какъ затаптываются душистые цвѣты въ молодыхъ душахъ, какъ грязнится свѣжая красота невидимаго сада...

И невольно вырывается полный тревоги вопросъ: каковы тѣ вибраціи и токи, которые выбрасываются въ наше безмѣрно тревожное и безмѣрно важное время душою русскаго народа, и какія очертанія его будущей судьбы слагаются изъ этихъ вибрацій и токовъ, невидимыхъ для насъ и лишь смутно ощущаемыхъ всѣми.

ПИСЬМО XI.

(О значеніи земной жизни для эволюціи человека.)

«Можно ли назвать жизнь сномъ?»—спрашиваетъ одинъ изъ моихъ читателей. Откуда произошло это сравненіе: «жизнь есть сонъ», и есть ли въ немъ смыслъ?

По мѣрѣ того, какъ наше сознание растеть и крылья нашей мысли, окрѣпнувъ, поднимаютъ насъ отъ земныхъ низинъ въ широкое приволье міровыхъ пространствъ, всѣ явленія пріобрѣтаютъ новый смыслъ и объемъ, и тогда становится ясно, что истина не дается людямъ потому, что они подходятъ къ ней съ разныхъ сторонъ и каждый видитъ ее по своему: одному она кажется городомъ, другому высокой горой, а третьему лѣсомъ дремучимъ, какъ картинно выражается А. Толстой въ своей *Письмѣ о Правдѣ*.

«Есть ли жизнь сонъ»? Если этотъ вопросъ будетъ разрѣшать человѣкъ, ярко живущій одними земными переживаніями, сильно ощущающій свою физическую природу и связанныя съ нею рѣзкія чувственныя вибраціи, который весь отдается своимъ страстямъ и въ земныхъ наслажденіяхъ находитъ удовлетвореніе, для него эта жизнь не только не сонъ, а единственная доступная ему реальность.

Но если на тотъ же вопросъ намъ будетъ отвѣчать философъ, мы сразу увидимъ, что фокусъ его вниманія устремленъ не на яркія физическія видимости, а на непрочность земныхъ явленій, на мимолетность самыхъ острыхъ и сильныхъ переживаній. Ему бросается въ глаза, какъ невозможно—несмотря на самое пламенное желаніе—удержать земную радость неизмѣнной хотя бы на одинъ лишній часъ; онъ видитъ, съ какою легкостью земное счастье переходитъ въ раздирающее горе, какъ равнодушно косить смерть и старость, и очаровательную юность, какъ беспощадно разрушается самое дорогое для сердца человѣческаго...

Весь этотъ пестрый, бурный потокъ жизни проносится передъ сознаніемъ философа, и онъ думаетъ, что жизнь есть иллюзія, майя.

Иначе отвѣтитъ на тотъ же вопросъ ученый матеріалистъ, и еще иначе мистикъ.

Для перваго, въ переходѣ однѣхъ формъ въ другія и заключается цѣль бытія, въ неустанномъ творествѣ природы и въ безпредѣльномъ совершенствованіи ея методовъ онъ видитъ смыслъ и оправданіе сложныхъ явленій міровой драмы, для него жизнь не сонъ, а лабораторія.

Для мистика сравненіе земной жизни съ сновидѣніемъ должно быть особенно выразительно, потому что для него реальность физическихъ переживаній является уже бѣдной, грубой и тусклой въ сравненіи съ огненной, неимовѣрно сильной и быстро вибрирующей духовной жизнью.

И непрестанно на огненныхъ розахъ
 Живой алтарь мірозданья курится;
 Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ,
 Вся сила дрожитъ и вся вѣчность тается.

И все, что мчится по безднамъ эфира,
 И каждый лучъ плотской и безплотный,
 Твой только отблескъ, о Сердце міра,
 И только сонъ, только сонъ мимолетный.

Въ этой картинѣ въ душѣ поэта отразилась та же жизнь, которая для непробужденной души постижима лишь въ медленныхъ процессахъ земного существованія, и отразилась она такъ необычайно потому, что онъ соприкоснулся съ жизнью духа и оттого постигъ безконечно болѣе, чѣмъ можетъ вмѣстить наше земное сознаніе.

Какъ же рѣшаетъ этотъ вопросъ Теософія? Если ея послѣдователи правы и ея ученія на самомъ дѣлѣ охватываютъ въ стройномъ синтезѣ всѣ сложныя явленія міровой жизни, то и на этотъ вопросъ она должна дать полный отвѣтъ.

Такъ это и есть. На всѣ вопросы, которые ставятся сознаніемъ, Тесофія даетъ отвѣты, заключающіе въ себѣ всѣ ступени пониманія какъ свѣтскаго чело-вѣка, такъ и мудреца, какъ ученаго, такъ и мистика. Иначе и быть не можетъ: наука духа должна разсматривать явленія сверху, въ широкой перспективѣ, видѣть ихъ со всѣхъ сторонъ. и не въ видѣ оборванныхъ клочковъ, а въ непрерывающейся взаимной связи, какъ текучій моментъ въ великомъ круговоротѣ жизни, гдѣ все имѣетъ свою цѣль и свои причины.

Вотъ почему Теософія можетъ согласиться и съ мистикомъ, все вниманіе котораго устремлено на *неизмѣнное* и *вѣчное*, вслѣдствіе чего мѣняющійся калейдоскопъ пестрой земной жизни и долженъ представляться ему какъ «мимолетный сонъ»; но точно также она можетъ согласиться и съ ученымъ, вниманіе котораго сосредоточено на процессахъ творчества, когда онъ сравниваетъ міровую жизнь съ «лабораторіей», и въ то же время, опытамъ земной жизни, всѣмъ разнообразнымъ переживаніямъ человѣка на землѣ Теософія придаетъ такое рѣшающее, такое важное незамѣнимое значеніе, какого мы не встрѣтимъ даже у самыхъ ярыхъ приверженцевъ земной жизни, видящихъ въ ней и начало, и конецъ всего.

Теософія знаетъ, что земное существованіе человѣка не есть начало его жизни и не въ немъ ея конечная цѣль, что оно—лишь этапъ, одна изъ ступеней, но ступень, на которой творятся самыя важныя изъ всѣхъ дѣятельностей человѣческой души: пробужденіе и раскрытіе всѣхъ скрытыхъ въ ней свойствъ и возникновеніе—путемъ столкновенія этихъ свойствъ съ объективнымъ міромъ — *опредѣленной индивидуальности*.

Нужно не забывать, что теософія строго различаетъ преходящую *личность* (данное воплощеніе) и безсмертную *индивидуальность*, которая не только не разрушима, но именно въ ней, въ ея свободномъ развитіи и въ ея законченной красотѣ, вся скрытая цѣль непрестаннаго мірового творчества.

Напомню читателямъ въ нѣсколькихъ словахъ ученіе теософіи объ эволюціи человѣческой души: основа души—божественна; въ ней скрыты возможности всякаго совершенства, но проявить эти возможности долженъ *самъ* человѣкъ, самостоятельно и свободно.

Для этого дано поле—*земная жизнь*; всѣ ея столкновения и вся борьба, всѣ радости и страданія существуютъ только для того, чтобы пробудить къ жизни и развить скрытыя силы человѣка. Земныя переживанія имѣютъ совершенно такое же отношеніе къ росту души, какое имѣютъ почва, влага и свѣтъ къ развитію совершеннаго растенія. Какъ изъ невидимой точки зерна получается могучее дерево съ тысячью вѣтвей и милліонами листьевъ, такъ и изъ зачаточнаго сознанія младенческой души долженъ развиваться Совершенный Человѣкъ.

Путь этотъ такъ великъ, работа сознанія такъ необъятна и сложна, что загадка о человѣкѣ и до сихъ поръ остается самой трудной изъ всѣхъ тайнъ бытія. Теософія разрѣшаетъ ее ученіемъ о многочисленныхъ существованіяхъ человѣка на землѣ все въ новыхъ, постепенно усложняющихся условіяхъ. Именно въ этомъ ученіи, если его понять до конца, и выясняется все великое, ничѣмъ незамѣнимое значеніе земныхъ переживаній для развитія сознанія и для роста души. Все, что мы испытываемъ на землѣ, вызываетъ тотъ или другой отвѣтъ въ нашей душѣ; эти отвѣты и питаютъ наше сознаніе, они и составляютъ сложный рисунокъ нашего характера.

Каждый человѣкъ, кончая свой земной путь, несетъ въ нѣдрахъ своей души свою особую добычу—результатъ всѣхъ мыслей, чувствъ, эмоцій и желаній, которыя были вызваны изъ его внутренней сути всѣми земными переживаніями. Въ посмертномъ существованіи вся эта добыча претворяется въ индивидуальныя качества и свойства, но собираться она можетъ *только на землю*, и отсюда—великое значеніе земной жизни.

Каждый разъ, когда человѣкъ воплощается снова, онъ проходитъ черезъ новый опытъ, и, благодаря этому опыту, въ немъ развивается и новая сторона сознанія. Такимъ образомъ не *весь* человѣкъ, не *все* его сознаніе проявляется въ каждомъ отдѣльномъ воплощеніи, а лишь часть его.

Нѣкоторые ученые начинаютъ подходить все ближе къ этому факту. Они догадываются, что поле нашего сознанія несравненно шире той его частицы, которая проявляется черезъ мозгъ. Въ одной изъ своихъ лекцій профессоръ Лѳджъ сравниваетъ работу человѣческаго сознанія съ работой амёбы: амёба выбрасываетъ часть своего тѣла, нѣчто въ родѣ руки, схватываетъ пищу и вновь втягиваетъ ее въ свое тѣло и т. д. безчисленное число разъ; благодаря этому амёба растеть.

Профессора Лѳджа поражаетъ аналогія между работой амёбы и работой человѣческаго сознанія: вытянутый членъ амёбы—*личное* сознаніе человѣка на землѣ, втянутая пища—результатъ всего земного опыта, *вся* амёба—*весь* человѣкъ, все поле сознанія, вы-

растающее изъ многочисленныхъ сознаний того же человѣка, много разъ возвращавшагося на землю.

Въ этомъ сравненіи много вѣрнаго, и оно ярко подтверждаетъ, что несмотря на безконечное разнообразіе творчества, основные законы, по которымъ оно совершается, одни и тѣ же какъ для инфузоріи, такъ и для человѣка, какъ для капли воды, такъ и для всей вселенной.

Какъ же отвѣтитъ теософъ на вопросъ: «сонъ ли жизнь»? Онъ отвѣтитъ, что хотя всѣ явленія земной жизни и временны, все же эта жизнь является рѣшающей для развитія человѣка, и чѣмъ она полнѣе, активнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ совершеннѣе выполняются всѣ ея задачи, тѣмъ значительнѣе будетъ тотъ драгоцѣнный опытъ, изъ котораго складываются очертанія внутренняго человѣка, его бессмертная индивидуальность.

Чѣмъ сильнѣе человѣкъ живетъ, тѣмъ быстрѣе совершается ростъ его души.

Какъ же объяснить, въ такомъ случаѣ, подвижничество, удаленіе отъ міра? Вѣдь среди подвижниковъ были люди съ великой душой? Несомнѣнно. Но это—временная ступень; великій подвижникъ можетъ явиться въ слѣдующемъ воплощеніи великимъ дѣтелемъ. Его временное удаленіе въ бездѣйствіе могло быть потребностью большой души побѣдить сразу свою низшую природу, или желаніемъ въ непрестанной сосредоточенной молитвѣ духовно помогать грѣшному міру. Всѣ великіе Учители человѣчества дѣйствовали въ мірѣ и посвящали себя служенію міру.

Ясное пониманіе ученія о перевоплощеніи приводитъ къ факту чрезвычайной важности: дѣятельное и возможно совершенное выполненіе всѣхъ задачъ земной жизни, до конца *исполненный долгъ*—вотъ что совпадаетъ съ внутреннимъ прогрессомъ человѣка.

На Западѣ идея долга отодвинута на задній планъ; древній Востокъ былъ мудрѣе и выдвигалъ долгъ какъ центральную идею общественной и личной этики. Но тамъ эта идея выражала не произвольную мораль, а космическій законъ, нарушеніе котораго замедляетъ развитіе человѣка.

Карма или долгъ cadaго создавался самимъ человѣкомъ въ прежнихъ воплощеніяхъ; въ совершенствѣ выполнять этотъ долгъ—означаетъ работать въ гармоніи съ законами вселенной; наоборотъ, уклоненіе или лѣнивое выполненіе долга приводитъ къ нарушенію этихъ законовъ. «Человѣкъ достигнетъ совершенства, упорно выполняя свой долгъ (карму)»—говоритъ Кришна въ Бхагаватъ-Гитѣ (XVIII, 45).

П И С Ъ М О XII.

(О вліяніи космическихъ вибрацій.)

Человѣческой умъ полонъ предразсудковъ. Люди слишкомъ заняты внѣшними дѣлами, чтобы остановиться въ молчаніи, погасить на минуту свои тревожныя вибраціи и взглядѣться въ глубину пестраго потока жизни.

А между тѣмъ, если бы они это сдѣлали, не мало ходячихъ мнѣній замѣнилось бы новыми, многія «общепризнанныя истины» оказались бы предразсудками и много такого, что считается «бредомъ идеалистовъ», оказалось бы глубокой истиной.

Одинъ изъ ходячихъ предразсудковъ: «жестокая» «бездушная» природа... И что «ей дѣла нѣтъ до страданій», что она «безпощадно разрушаетъ и безстрастно творить», словно природа существуетъ сама по себѣ, а мы—внѣ ея.

Всѣ эти ходячія мысли сложились благодаря тому же грѣху обособленія, который искажаетъ въ нашемъ сознаніи всякую истину. Мы отрываемъ себя отъ цѣлага, отрѣзаемъ всѣ безчисленныя нити, которыя связываютъ насъ съ остальнымъ живымъ міромъ, и, нарушивъ такимъ образомъ въ самомъ началѣ нашего

анализа главный законъ жизни, начинаемъ дѣлать наши самоувѣренные выводы.

Столько же логики было бы въ разсужденіяхъ кровавого шарика, если бы онъ, выскочивъ изъ вашего тѣла, сталъ утверждать, что вы необыкновенно жестоки. Онъ дѣлалъ бы выводы изъ нѣсколькихъ наблюдений, собранныхъ въ крошечной сферѣ, непосредственно его окружающей; чтобы подойти къ истинному смыслу своей жизни и вѣрно понять ея явленія, ему нужно бы охватить жизнь всего вашего организма и затѣмъ уже опредѣлить свою роль въ круговоротѣ совершаемыхъ въ немъ процессовъ.

Наши ходячія представленія о человѣческой и міровой жизни ушли не далеко отъ представленія кровавого шарика: мы схватываемъ видимость безъ ея содержанія, опредѣляемъ послѣдствіе, не узнавъ его причины, выхватываемъ одно звено изъ цѣлой цѣпи явленій и воображаемъ, что наши выводы могутъ быть вѣрны. Это—смѣлость, если хотите, но такая смѣлость уменьшается пропорціонально съ расширеніемъ внутреннихъ горизонтовъ.

Одно изъ великихъ свойствъ Теософіи въ томъ и состоитъ, что она помогаетъ намъ расширять наши внутренніе горизонты. Приобщившійся къ ея мудрости не будетъ уже считать природу «бездушной», «жесточкой», какимъ то Молохомъ, приносящимъ своихъ дѣтей въ жертву безцѣльному механическому творчеству.

Онъ увидитъ въ ней единый живой организмъ, въ которомъ всѣ процессы взаимно связаны между со-

бой, и всё ведутъ къ одной общей великой цѣли, временно закрытой отъ насъ и лишь въ рѣдкія минуты вдохновенія молніеносно озаряющей наиболѣе чуткихъ изъ насъ,—организмъ, одушевленный единой жизнью Бога, въ которой всё мы принимаемымъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе. Это воззрѣніе не только шире и жизненнѣе ходячаго воззрѣнія, но оно и несравненно разумнѣе.

Возьмемъ другое ходячее выраженіе: «жизнь есть борьба за существованіе», «переживаетъ лишь сильный, свирѣпый, пожирающій другихъ»... Наша мысль такъ закристаллизовалась въ этомъ предразсудкѣ, что мы даже не умѣемъ думать въ другомъ направленіи, мы не умѣемъ наблюдать явленій иного порядка, которыя опрокидываютъ привычную для насъ формулу.

Помню, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоръ-почвовѣдъ, если не ошибаюсь Докучаевъ, произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе на свою аудиторию, начавъ свою лекцію о почвѣ съ того, что вся ея жизнь основана на законѣ... не «борьбы за существованіе», а на законѣ... *любви!*

Все въ природѣ живетъ благодаря взаимопомощи, все взаимно поддерживается и питается, одно подготавливаетъ условія для существованія другого, это другое—въ свою очередь—жертвуетъ собой, чтобы сдѣлать возможнымъ жизнь для новаго ряда организмовъ... Возьмите кучу навоза. Бактереологъ знаетъ, какая кипучая и сложная жизнь происходитъ въ этой кучѣ, какъ въ ней зарождается одинъ видъ бактерій, все

назначеніе которыхъ въ томъ, чтобы приготовить благопріятныя условія для существованія другого вида, а у этого другого вида—въ свою очередь дѣятельность направлена на то, чтобы подготовить почву для успѣшнаго произрастанія хлѣбныхъ растеній.

Если смотрѣть на природу съ *этой* точки зрѣнія, проникнувъ въ глубокую связь, существующую между нашими только съ виду отдѣльными тѣлами и великимъ тѣломъ природы, многое раскроется передъ нами новаго и чудеснаго.

Я пишу это письмо въ разгарѣ лѣта, когда всѣ, для кого это возможно, перекечевали поближе къ лѣсамъ и лугамъ. Дачи, усадьбы, курорты, все наполнилось людьми, стремящимися отдохнуть, набраться новыхъ силъ или полечиться. Ихъ тянетъ соприкоснуться на просторѣ съ космическими силами природы, напитать свое захирѣвшее въ большихъ городахъ тѣло лучами солнца, свѣжими дуновеньями чистаго воздуха, здоровыми излученьями травъ и лѣсовъ.

Новая наука, названная «біометрія», изслѣдующая хорошіе и дурные, здоровые и больные магнетическіе токи, которые излучаются человѣческимъ организмомъ, иначе его *аура здоровья*, должна открыть новую эпоху въ области гигиены и врачебнаго искусства.

До сихъ поръ европейская медицина шла ощупью; въ ея рапорженіи были лишь самые грубые показатели нарушеннаго здоровья, вродѣ бѣлаго языка, горячей кожи, неправильныхъ перебоевъ сердца и т. д.; но лишь только дѣло касалось болѣе тонкихъ явленій

нервной системы и всѣхъ разстройствъ, которыя зависятъ отъ ослабленія невидимой работы жизне-силы человѣка, его «праны», медицина становилась втупикъ.

А между тѣмъ, есть много указаній на то, что въ древности лечебные методы были несравненно тоньше, что они дѣйствовали непосредственно на укрѣпленіе и регулированіе жизне-силы человѣка, которая для ясновидящаго выражается совершенно опредѣленно въ «аурѣ здоровья»: у нормальнаго человѣка ея излученія идутъ подъ прямымъ угломъ относительно поверхности тѣла, у больного—они понижаются, и это въ полной зависимости отъ степени обмѣна между космической, отъ солнца идущей жизне-силой, и человѣческимъ организмомъ, расцвѣтающимъ, когда обмѣнъ этотъ энергиченъ, и понижающимся, когда онъ происходитъ вяло и слабо.

Когда наше врачебное искусство узнаетъ это, пока еще «окультурное» воздѣйствіе космическихъ излученій солнца, воды, воздуха и земли на организмъ человѣка, произойдетъ такой переворотъ въ педагогической и общественной гигиенѣ, который заставитъ измѣнить весь нашъ искусственный строй жизни и вызоветъ потребность расселиться изъ большихъ городовъ въ небольшіе поселки, окруженные здоровыми излученіями травъ и лѣсовъ. Правда, объ этомъ воздѣйствіи нѣкоторые врачи уже начали догадываться, уже возникаютъ такъ называемые *Naturheilstalten* (лечение природой), вродѣ Кнейповской, или лечебницы Ламана около Дрездена. Но все это частичныя попытки, плохо обосно-

ванныя, и убѣдительныя только для того, кто на себѣ испыталъ магическое вліяніе космическихъ силъ.

Съ одной изъ такихъ «лечебницъ природою», распрямляющихъ поникшую «ауру» человѣка и обогащающихъ его «прану», мнѣ хочется познакомить моихъ читателей и рассказать, какъ интересно она возникла.

Дѣло происходило приблизительно въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ одной изъ славянскихъ провинціи Австріи, въ южныхъ Альпахъ, въ очаровательномъ мѣстечкѣ, гдѣ среди горныхъ травъ звенятъ кристальные ручьи, гдѣ голубое какъ бирюза и прозрачное какъ стекло озеро отражаетъ облака и звѣзды юга, гдѣ солнечные закаты представляютъ цѣлую симфонію чудныхъ красокъ отъ нѣжно-розовой трепетной игры до пламенно-алѣющихъ сноповъ свѣта, которыми заходящее свѣтило зажигаетъ бѣлизну снѣговыхъ вершинъ.

Среди этой красоты росъ мальчикъ, нужно думать что на полной свободѣ, иначе ему не удалось бы сдѣлать свое открытіе. Взбираясь какъ дикая коза по горамъ, мальчикъ любилъ открывать новые уголки и когда утомлялся, любилъ ложиться на открытой полянкѣ подъ горячіе луги солнца вблизи отъ журчащаго ручья. Полежавъ такъ на припекѣ, обливаясь потомъ и насквозь прогрѣтый солнцемъ, онъ затѣмъ бросался въ ручей, сильно растиралъ свое разгоряченное тѣло, быстро остывавшее въ холодной водѣ, и затѣмъ, босикомъ, съ обнаженной головой, шелъ далѣе по горнымъ тропинкамъ разыскивать новые уголки.

Продѣлавъ много такихъ солнечныхъ ваннъ и водяныхъ массажей, мальчикъ почувствовалъ такой необычайный приливъ жизненныхъ силъ, что сообщилъ объ этомъ своимъ товарищамъ, которые подъ его руководствомъ начали также поджариваться на солнцѣ и растираться въ ручьѣ.

Черезъ много лѣтъ эти дѣтскіе опыты вызвали у выросшаго Рикли рѣшеніе основать «природо-лечебницу» въ Вельдесѣ*), гдѣ на берегу хрустальнаго горнаго озера выстроился небольшой поселокъ изъ деревянныхъ домиковъ съ тремя стѣнами и покатою крышею; передней стѣны нѣтъ совсѣмъ, что даетъ возможность больнымъ не только днемъ, но и ночью купаться въ волнахъ бархатнаго горнаго воздуха.

Когда я узналъ—это было лѣтъ семь назадъ—старика Рикли, теперь уже умершаго, и слушалъ его рассказы о томъ, какъ еще въ дѣтствѣ у него возникъ весь его лечебный планъ, онъ былъ уже 80-лѣтній старикъ, но крѣпкій какъ дубъ и бодрый какъ юноша; когда, бывало, встрѣтишь его въ горахъ съ длинной альпійской палкой, необыкновенно высокаго и сухого, почернѣвшаго отъ солнца и вѣтра, съ свободно развѣвающимся сѣдыми волосами, съ жилистыми, до колѣнъ обнаженными ногами, невольно вспоминался горный духъ.

---

*) Вельдесъ находится въ 2-хъ часахъ ѣзды по жел. дорогѣ отъ Любляны по-нѣмецки Лайбахъ, главный городъ австрійской провинціи Краина.

Девизомъ его леченія природой были слѣдующія три строки *): *Да врачуетъ тебя свѣтъ. Да очиститъ тебя вода. Да укрѣпитъ тебя воздухъ.*

Вся система его леченія буквальное подражаніе его дѣтскимъ поджариваніямъ на солнцѣ и купаньямъ въ ручьяхъ: утромъ больные въ теченіе 2—3 часовъ берутъ воздушныя ванны въ огороженномъ паркѣ, гуляя, дѣлая гимнастику, играя въ разныя игры почти безъ всякой одежды; среди дня ихъ укладываютъ на покатуку крышу, при чемъ только одна голова остается въ тѣни, а все обнаженное тѣло предоставляется достаточно жгучимъ прикосновеніямъ солнечныхъ лучей; затѣмъ, на томъ же припекѣ разгоряченное тѣло заворачиваютъ въ байковое одѣяло и начинается сильнѣйшее потѣніе; послѣ этого—энергичный массажъ всего тѣла въ прохладной ваннѣ, обливанье свѣжей водой, и—пациентъ отправляется босикомъ съ обнаженной головой «побѣгать» по горнымъ тропинкамъ.

Надо признаться, что режимъ довольно жестокой для малокровныхъ горожанъ, и если прибавить къ этому строго вегетаріанскую діету съ преобладаніемъ фруктовъ, то можно себѣ представить, какому сильному обновленію подвергается весь организмъ, какъ онъ насквозь пронизывается космическими вибраціями солнца, земли, воды и воздуха!

---

*) Говорю на память; возможно, что мои слова передаютъ девизъ не вполне точно. Рикли написалъ двѣ книги о своемъ методѣ леченія.

Забавно было смотрѣть на восхищенное изумленіе какого нибудь пожилого профессора или переутомленнаго чиновника, которые послѣ четырехъ недѣль такого режима рассказывали про свои ощущенія, про потребность рѣзвиться въ огороженномъ эдемѣ, гдѣ старички взапуски съ юношами играютъ въ футболъ и участвуютъ въ бѣгахъ и различныхъ состязаніяхъ! Имъ самимъ казалось чудомъ, что привычное раздражительное и угрюмое настроеніе преобразилось въ жизнерадостное, успокоенное и бодрое.

А между тѣмъ иначе и быть не могло: вибраціи свѣта, воздуха и земли, въ которыхъ свободно купается обнаженное тѣло, развиваютъ въ немъ сильныя гармоническіе токи, обогащенная прана усиливаетъ обмѣнъ веществъ и весь физическій аппаратъ чловѣка дѣлается болѣе совершеннымъ проводникомъ оздоравливающихъ космическихъ вліяній.

Трудно себѣ и представить до какого вырожденія дошло бы населеніе большихъ городовъ, если бы оно—отъ времени до времени—не обновляло своихъ увядающихъ организмовъ въ сильныхъ, свѣжихъ и чистыхъ вибраціяхъ природы!

Особенно это необходимо для нашихъ русскихъ дѣтей и юношей, въ школьной жизни которыхъ отсутствуютъ игры на воздухѣ, поддерживающія здоровье болѣе счастливыхъ дѣтей на Западѣ. А если къ этому прибавить тяжелыя нравственныя условія, въ которыхъ столько лѣтъ страдаетъ Россія, значеніе такого обновленія среди природы является въ букваль-

номъ смыслѣ спасеніемъ отъ нервной расшатанности и утери равновѣсія, отъ нравственной грубости и раздражительности, которыя такъ усиливаются у нашихъ дѣтей.

Придетъ время, когда общественное сознаніе поставитъ во главѣ своихъ нравственныхъ обязательствъ воспитаніе дѣтей среди здоровыхъ вибрацій природы, но это—впереди, а теперь только еще занимается сознаніе относительно важности этихъ тонкихъ, невидимыхъ вещей.

О «скопленіи психо-физическихъ эманаций» начинаютъ уже заговаривать на страницахъ академическаго медицинскаго журнала. Эманации эти—фактъ природы. Но мало еще признать фактъ, необходимо прослѣдить его источникъ, понять его значеніе въ экономіи природы и разумно использовать его, если онъ полезенъ, и устранить—если онъ окажется вреднымъ.

Если бы только врачи, педагоги и общественные дѣятели, всѣ, кто двигаетъ жизнь впередъ, поняли, что «эманации природы» хороши и цѣлебны только потому, что душа природы не нарушаетъ божественныхъ законовъ, что только оттого ея свѣжія, могучія дуновенія дѣйствуютъ на насъ съ такой животворящей силой!

Если бы врачи и педагоги ясно сознали, до чего бесполезны всѣ лекарства и внѣшнія правила, пока люди будутъ считать въ порядкѣ вещей постоянное нарушеніе *божественнаго закона единства и любви*

во всѣхъ областяхъ своей сложной общественной жизни. И лишь тогда, когда этотъ законъ будетъ признанъ руководящимъ для истинно-человѣческаго существованія, займется заря новой общественности, построенной не на *борьбѣ и насиліи*, а на *взаимопомощи и любви*.

ПИСЬМО XIII.

(Круговоротъ жизни.)

«Всесторонне развитъ человѣческую личность и заложить въ человѣкѣ глубокое, тщательно обоснованное идеалистическое міросозерцаніе—значитъ гарантировать для него устойчивость въ самыя трудныя минуты жизни и въ смыслѣ физическаго здоровья».

Проф. Яроцкій.

Приведенныя слова получаютъ совершенно особое значеніе, когда читатель узнаетъ, что ихъ написалъ ученый врачъ, профессоръ патологии и терапіи. Книга профессора Яроцкаго «Идеализмъ какъ фізіологическій факторъ» (Юрьевъ, 1908 г.), изъ которой взяты приведенныя строки, рассматриваетъ болѣзни и ихъ леченіе съ точки зрѣнія единственно правильной и пріемлемой для теософа, но совершенно необычной для европейской науки. Профессоръ ставитъ физическое здоровье человѣка въ тѣсную связь съ его стремленіемъ къ идеалу, съ поднятіемъ его нравственнаго уровня, съ развитіемъ высшихъ сторонъ его душевной жизни.

Было бы великимъ благомъ для современнаго человечества, если бы подобныя идеи широко распростра-

нились въ сознаниі людей и легли въ основаніе всѣхъ новыхъ системъ общественнаго строя.

И это будетъ, потому что матеріалистическое воззрѣніе на человѣка и его природу сыграло свою роль и не можетъ уже удовлетворять растущее сознание. Скажемъ мимоходомъ, что это нисколько не умаляетъ значенія великихъ пріобрѣтеній матеріалистической науки, которая была необходима для развитія точныхъ пріемовъ анализа. Никто не знаетъ яснѣе теософа, что нѣтъ *ничего лишняго и ненужнаго* въ мірѣ явленій, что все истекаетъ изъ важныхъ причинъ, недоступныхъ намъ только потому, что зрѣніе наше далеко еще не «орлиное»; поэтому онъ стремится вникать съ одинаковой вдумчивостью и въ то, что ему нравится, и въ то, что *не* нравится.

Истекшее столѣтіе съ его расцвѣтомъ матеріалистической науки сдѣлало важную работу для будущаго, и ошибка матеріалистовъ не въ оцѣнкѣ значенія этой работы, а въ односторонности, въ томъ, что они *не видятъ духовной стороны живыхъ явленій*. Не видятъ потому, что хотятъ понять жизнь, разсматривая ее на одной физической плоскости.

Попробуйте узнать направленіе бѣгущихъ кораблей, оставаясь на берегу; не пройдетъ нѣсколькихъ минутъ, какъ они исчезнутъ изъ вашихъ глазъ. Но стоитъ подняться на значительную высоту *надъ* ихъ движеніемъ, наблюдая за ними съ иной плоскости, и намъ станетъ ясно и ихъ направленіе, и гавани, куда они ведутъ свой рейсъ.

Матеріалистъ — если ему попадется мое письмо — можетъ возразить: мнѣ и не нужно самому видѣть кораблей, у меня есть наука, беспроводный телеграфъ, точныя географическія свѣдѣнія, я — оставаясь и на берегу—буду знать, что *этотъ* корабль идетъ въ Смирну, а *тотъ* въ Японію.

Да, это было бы вѣрно, если бы всѣ грани сложной жизни умѣщались въ одной физической плоскости и движеніе жизни происходило по точнымъ вычисленіямъ механики. Но этого нѣтъ: налетитъ неожиданно буря, потопитъ корабль со всѣми телеграфными аппаратами, или жестокость капитана вызоветъ взрывъ злобы среди матросовъ, они раздѣлаются съ нимъ и повернутъ курсъ корабля въ совершенно другомъ направленіи...

Преимущество идеалистическаго пониманія жизни въ томъ и состоитъ, что оно стремится подняться *надъ* міромъ проявленныхъ явленій, чтобы схватить ихъ общій смыслъ. Но, не имѣя истиннаго ключа къ тайнѣ жизни и смерти, идеализмъ строитъ гипотезы за гипотезами, а коренной вопросъ: *въ какомъ же истинномъ соотношеніи стоитъ духъ къ тѣлу и тѣло къ духу?* остается и по сіе время не рѣшеннымъ.

Ключомъ этимъ не могла обладать ни спекулятивная философія, имѣвшая дѣло съ однѣми идеями, ни матеріалистическая наука, изслѣдовавшая однѣ только формы; имъ можетъ овладѣть только та система знанія, которая совмѣститъ оба полюса жизни въ одномъ объединяющемъ синтезѣ. Такая система

существовала уже въ глубокой древности; въ наше время она же дается намъ подъ именемъ Теософіи, и уже потому должна бы заслуживать вниманія ученыхъ и мыслителей, что, не смотря на глубокую древность своего происхожденія, въ состояніи удовлетворить самымъ передовымъ требованіямъ нашего времени, ни сколько не противорѣча и самымъ послѣднимъ выводамъ науки.

По ученіямъ Теософіи человѣческая жизнь протекаетъ одновременно въ трехъ мірахъ (физическомъ, астральномъ и духовномъ), и изъ взаимодействія этихъ міровъ создаются тѣ сложныя явленія земной жизни, которыя мы называемъ благополучіемъ и бѣдствіемъ, процвѣтаніемъ и упадкомъ, здоровьемъ и вырожденіемъ народовъ.

Иногда Теософію называютъ *Наукой Духа*; и она имѣетъ право на это, ибо *изсмьдуютъ законы жизни души въ физическомъ тѣлѣ и внѣ тѣла, и всѣхъ ея переживаній какъ на землѣ, такъ и въ потустороннемъ мірѣ*. Земная жизнь, по Наукѣ Духа, дается человѣку, какъ поле разнообразныхъ опытовъ, благодаря которымъ развиваются всѣ стороны его сложнаго сознанія: и умъ, и сердце, и совѣсть. На землѣ зарождаются причины всего совершающагося, въ астральномъ мірѣ созрѣваютъ послѣдствія этихъ причинъ; въ духовномъ мірѣ—всѣ активныя усилія человѣка претворяются въ непреходящія качества, а когда человѣкъ снова возвращается на землю, чтобы на высшей ступени эволюціи *выявлять новыя стороны своего сложнаго сознанія*, — эти же усилія выражаются въ видѣ прирожденныхъ способностей и талантовъ.

Этотъ круговоротъ жизни и смерти продолжается до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не научится всему, чему можно научиться въ земныхъ условіяхъ существованія.

Въ тяжелья эпохи, подобныя переживаемой нами, когда эгоизмъ и несправедливость однихъ классовъ общества вызываютъ взрывы озлобленія и ненависти у другихъ,—послѣдствія такого настроенія не исчерпываются тѣми явленіями, которыя мы можемъ наблюдать повсемѣстно вокругъ себя; кромѣ этихъ видимыхъ послѣдствій, созрѣваютъ и другія послѣдствія, невидимыя для насъ, но тѣмъ не менѣе реальныя и полныя огромнаго значенія для ближайшаго будущаго народовъ.

Они создаются тѣми безчисленными вибраціями ненависти, зависти, страха и отчаянья, которыя несутся отъ смятеннаго человѣчества въ потусторонній *) міръ и порождаютъ тамъ условія, при которыхъ возникаютъ прототипы всевозможныхъ заразныхъ бациллъ. Возникая отъ столкновенія потрясающихъ вибрацій человѣческихъ злыхъ страстей, этотъ невидимый посѣвъ ожидаетъ только *благопріятныхъ условій*, чтобы наброситься на землю и воплотиться на ней въ видѣ чумныхъ, тифозныхъ, холерныхъ и другихъ бациллъ.

Таковъ истинный круговоротъ жизни: мирная культурная работа вызываетъ гармоническія условія въ потустороннемъ мірѣ, которыя, съ своей стороны, отзываются благими послѣдствіями на земномъ существованіи человѣка, и наоборотъ, насиліе и злоба произ-

---

*) Астральный міръ.

водятъ страшныя пертурбаціи въ потустороннемъ мірѣ, а эти послѣднія—въ свою очередь—вызываютъ всевозможныя бѣдствія на землѣ.

Принявъ только *одно это* положеніе Теософіи, мы уже получимъ незыблемую основу для первенствующаго значенія *нравственности въ жизни народовъ...*

Этотъ законъ взаимодействія, вызывая въ сознаниі неизбѣжный кругъ видимыхъ причинъ и невидимыхъ послѣдствій, устанавливаетъ какъ *безусловную необходимость*—безъ которой невозможенъ истинный прогрессъ и неизбѣжны народныя бѣдствія—культуру всѣхъ благородныхъ свойствъ человѣческой души, всѣхъ ея добрыхъ качествъ, безъ которыхъ никогда не водворится «миръ и благоволеніе» на землѣ.

Степень духовной эволюціи, до которой достигъ народъ, его физическая наслѣдственность и его карма, вотъ три основы, на которыхъ строятся судьбы народовъ и которыя диктуютъ то мрачныя, то свѣтлыя страницы историческихъ лѣтописей. Всѣ они создаются самими людьми и не могутъ быть ничѣмъ измѣнены, кромѣ самихъ людей, кромѣ *индивидуальныхъ и коллективныхъ усилій свободной человѣческой воли.*

Когда какой нибудь народъ бѣдствуетъ духовно и физически, первоначальный источникъ этихъ бѣдствій кроется въ его собственныхъ отрицательныхъ свойствахъ и въ погрѣшностяхъ его историческаго творчества. Если эти свойства таковы, что тормозятъ *поступательное движеніе жизни*, они создадутъ карму отсталаго народа, бѣднаго среди природныхъ богатствъ,

слабаго несмотря на свою численность, нуждающагося въ сильныхъ толчкахъ извнѣ, которые бы будили и подгоняли его впередъ.

Съ другой стороны, если проанализировать тѣ положительныя качества народной души, которыя ведутъ народы къ истинному прогрессу,—всѣ они сводятся къ соблюденію тѣхъ основныхъ этическихъ законовъ, которые давались людямъ во всѣ времена великими міровыми религіями. Живя сообразно съ этими законами, народъ творитъ добрую карму, готовитъ себѣ свѣтлое будущее, и вмѣстѣ съ тѣмъ, вызываетъ оздоровленіе своей физической наслѣдственности.

Изъ этого видно, что «карма» не есть нѣчто фатальное, не поддающееся измѣненію. Это — живой процессъ человѣческаго творчества, всегда готовый видоизмѣниться подъ вліяніемъ добрыхъ усилій человѣка. Возьмемъ примѣръ изъ жизни современной Англіи. Чудовищное накопленіе богатствъ въ рукахъ немногихъ лордовъ въ ущербъ обезземеленному сельскому населенію породило тѣ страшныя картины преступности, болѣзней и смертности дѣтей въ трущобахъ большихъ городовъ Англіи, описанію которыхъ посвящены такія потрясающія страницы въ старинныхъ англійскихъ романахъ.

Но за послѣднія десятилѣтія парламентскіе дѣятели Англіи создали законодательнымъ путемъ цѣлый рядъ широкихъ общественныхъ мѣропріятій, и трущобы—со всѣми ихъ ужасами—начали исчезать съ лица земли.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я былъ въ Лондонѣ, послѣдніе остатки узкой трущобной улицы временъ Диккенса срывались при мнѣ до основанія, чтобы дать мѣсто широкому проспекту; кромѣ этихъ разрушаемыхъ домовъ, я такъ и не нашелъ тѣхъ мрачныхъ трущобъ, о которыхъ читалъ, но за то собственными глазами видѣлъ чудную общественную купальню для жителей бѣднѣйшаго изъ всѣхъ кварталовъ Лондона съ проведенной за десятки верстъ изъ Темзы водой, *проточной и нагрѣтой*, и рядомъ съ этимъ—множество лавочекъ съ казенной продажей по дешевой цѣнѣ молока для дѣтей бѣдняковъ съ муниципальныхъ фермъ.

Такая дѣятельность уничтожаетъ *благопріятныя условія* для проявленія ранѣе созданной дурной кармы и сильно смягчаетъ ея послѣдствія. Такимъ образомъ, *разумная и добрая дѣятельность руководящихъ классовъ гаситъ злую карму народа и создаетъ благопріятныя условія для ея здороваго и успѣшнаго развитія.*

Если перейти къ вліянію душевныхъ процессовъ отдѣльнаго человѣка на его здоровье, мы увидимъ, что выводы профессора Яроцкаго во многомъ совпадаютъ съ ученіями Теософіи.

Въ сознаніи большинства современнаго образованнаго общества и по сіе время преобладаетъ матеріалистическое воззрѣніе на гигиену души и тѣла. Большинство современныхъ врачей и даже родителей отождествляютъ *самою* человѣка съ его тѣломъ, и отсюда—односторонняя культура тѣла, чрезмѣрная его холя,

неправильное воспитаніе ребенка, «упитыванье» его, фиксированье его вниманія на физическомъ самочувствіи въ ущербъ душевнымъ качествамъ, которыя благодаря этому отодвигаются на задній планъ.

Результатъ—пониженіе всего уровня человѣческой жизни и развитіе самаго низменнаго эгоизма, готоваго жертвовать всѣмъ ради личнаго удовлетворенія. Можно считать аксіомой, что *культура тѣла безъ культуры души ведетъ къ эгоизму, эгоизмъ—къ ограниченію сознанія, а узкій круизоръ—самый сильный тормазъ для развитія чловѣка.*

Идеалистически настроенные люди проявляютъ другую крайность: не считаясь съ требованіями физическаго здоровья, они изнуряютъ себя чрезмѣрнымъ напряженіемъ и часто надрываютъ свои силы. Обѣ крайности одинаково далеки отъ правильной культуры *всего* чловѣка.

По ученію Теософіи тѣло есть *проводникъ духа* и его слѣдуетъ развивать, никогда не дѣлая изъ его самочувствія цѣли жизни, но и не забывая, что *чтѣмъ здоровѣе и совершеннѣе проводникъ, тѣмъ легче и полнѣе могутъ черезъ него проявляться всѣ стороны чловѣческаго духа.*

Здоровье и прочность физическаго организма достигаются не мяснымъ режимомъ и не врачебной гимнастикой, а правильной культурой духа, естественнымъ послѣдствіемъ которой является *вѣрно направленная воля, физическое воздержаніе и гармонія душевной жизни.*

Подъ вліяніемъ такой культуры строится гибкій и устойчивый организмъ съ большой работоспособностью и тонкой восприимчивостью. Восточные Іоги, обладающіе совершенно невѣроятной для европейца властью надъ своимъ организмомъ, достигаютъ этой власти соблюденіемъ строгой дисциплины души и тѣла, которую можно свести къ тремъ главнымъ задачамъ: *расширенію сознанія, культуру эмоций и очищенію тѣла.*

Европейцу трудно себѣ даже представить ту могучую силу, съ которой Іогъ владѣетъ всей своей природой, своимъ тѣломъ, эмоціями и страстями. Напомню моимъ читателямъ примѣръ, приведенный мной въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, самообладанія—даже не Іога, а образованнаго Индуса изъ касты брамановъ, который не захотѣлъ принять хлороформъ во время мучительной операціи, утверждая, что онъ въ немъ совсѣмъ не нуждается, и онъ *дѣйствительно* не чувствовалъ боли благодаря тому, что устремилъ свое внутреннее вниманіе на опредѣленный объектъ. Рядомъ съ такой властью надъ своимъ тѣломъ, Іогъ добивается для него такой устойчивости и такой силы сопротивленія, что можно не преувеличивая утверждать, что Іогъ никогда не хвораетъ и самая жизнь его удлиняется до размѣровъ, которые вызвали даже легенды о безсмертіи Іоговъ.

Чѣмъ же достигаются такіе результаты? Психологическіе методы Теософіи—потому что всѣ приемы воспитанія и развитія души, примѣнявшіеся древними «посвященными» на Востокѣ, вошли въ ученія Теософіи—

не пригодны для людей слабыхъ и легкомысленныхъ, но они совершенно доступны для того, кто твердо рѣшитъ стать хозяиномъ своего тѣла и своей судьбы. Здѣсь все сводится къ выдержкѣ, самообладанію, терпѣнію и мужеству.

Душевная культура Јога достигается: устремленіемъ вниманія на вѣчное и равнодушіемъ къ преходящему; строгимъ контролемъ надъ своими мыслями, эмоціями и поступками; широкой терпимостью; вѣрностью идеалу и вѣрой въ свое божественное происхожденіе; развитіемъ всѣхъ видовъ терпѣнія; достиженіемъ совершеннаго внутренняго равновѣсія.

Душа, по любимому выраженію индусовъ, должна стать подобной тихому горному озеру, безъ малѣйшаго дуновенія страстей, которыя мѣшаютъ отражать истину.

Физическая гигиена Јога состоитъ изъ растительной пищи, для питья—чистая вода и молоко, въ пищу и питьѣ—ничего раздражающаго и способнаго возбуждать; строгое воздержаніе во всемъ; неизмѣнный ритмъ ежедневной жизни, правильное чередованіе труда и отдыха, бодрствованія и сна.

Можно согласиться съ тѣмъ, что такая дисциплина трудно выполнима въ нашихъ шумныхъ городахъ съ ихъ искусственной жизнью, устремленной на пустыки, и съ ихъ лихорадочной дѣятельностью. Всѣ современныя условія ведутъ къ тому, чтобы развить неуравновѣженныхъ, болѣзненныхъ и эгоистическихъ людей, съ вѣчно мѣняющимися настроеніями.

Но—это явленіе переходное. *Будущность за сильными, уравновѣшенными, побѣдившими свою низшую природу и стремящимися къ единству.*

И человѣкъ, желающій участвовать въ творествѣ грядущаго, долженъ стремиться къ *такой* силѣ и къ *такой* побѣдѣ и оставаться при этомъ чуткимъ ко всѣмъ многообразнымъ интересамъ усложнившейся общечеловѣческой жизни. Потому что будущая человѣческая раса совмѣститъ въ себѣ всѣ лучшія качества Востока и Запада: *многосторонность творчества, острый анализъ европейца и его яркая индивидуальность сольются съ самообладаньемъ, уравновѣшенностью, широкимъ синтезомъ и стремленьемъ къ единству восточнаго мудреца.*

Если читатель спроситъ меня: знаю ли я людей, приближающихся къ такому совершенству? я могу отвѣтить твердо: да, знаю, и прибавлю, что красота человѣка будущей расы такъ велика по сравненію съ несовершенствами современнаго человѣка, что нѣтъ такихъ усилій и нѣтъ такихъ жертвъ, которыя не стоило бы принести для достиженія такой красоты.

Профессоръ Яроцкій повидимому знаетъ это и знаетъ, что нѣтъ болѣе могучаго средства для борьбы съ болѣзнями какъ сильный духъ, вполне овладѣвшій своей низшей природой, и что единственный архитекторъ, способный построить дѣйствительно здоровое, выносливое, не поддающееся болѣзнямъ тѣло, это—*поднявшаяся надъ эгоизмомъ, благородная и сильная въ активномъ добръ душа человѣка.*

Если книга профессора Яроцкаго—знаменье времени, и его идеи перейдутъ въ сознание большинства образованныхъ людей, это будетъ зарей обновленной жизни на землѣ, фундаментомъ для новой общественной этики, безконечно болѣе совершенной и гуманной, чѣмъ этика отживающаго строя современной жизни.

ПИСЬМО XIV.

(Объ эволюціи человѣка.)

«Всестороннее развитіе сознанія человѣка и его сліяніе съ природой должно длиться до тѣхъ поръ, пока руки его не будутъ въ состояніи соприкасаться съ звѣздами, глаза его не будутъ видѣть сквозь землю, уши его не будутъ понимать языкъ звѣрей и птицъ, и, благодаря развитію его способности сочувствія, небо и земля не будутъ бесѣдовать съ нимъ».

Эмерсонъ.

Говоря объ эволюціи земныхъ существъ, д-ръ Штейнеръ нарисовалъ такую картину: «Когда земля была окружена холодными туманами, настолько густыми, что солнечный свѣтъ не проникалъ сквозь ихъ покровъ и тьма стояла надъ землею, живыя существа плавали среди этихъ тумановъ, передвигаясь посредствомъ ластообразныхъ конечностей, дыша органами, сходными съ жабрами и не имѣя еще глазъ. Но туманы эти не висѣли неподвижнымъ покровомъ, они передвигались, и тамъ, гдѣ они мѣстами разрѣжались и становились менѣе плотными, солнечные лучи согрѣвали ихъ; приближаясь къ этимъ мѣстамъ, плавающія существа съ ластообразными конечностями испытыва-

ли удовольствіе отъ соприкосновенія съ грѣющимъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей и надолго задерживались тамъ. Въ нихъ пробуждалось внутреннее стремленіе сохранить это пріятное ощущеніе, познать его сущность, войти въ болѣе непосредственное общеніе съ этой сущностью: и это внутреннее стремленіе положило начало органамъ зрѣнія».

Картина эта даетъ ключъ къ эволюціи человѣческаго организма. Съ одной стороны, воздѣйствіе на организмъ извнѣ всѣхъ силъ природы, съ другой—внутри организма, въ невидимой лабораторіи духа—тяга воспринять дѣйствіе этихъ силъ, стать съ ними въ болѣе непосредственное соприкосновеніе, создать для этой цѣли проводники и развивать ихъ до тѣхъ поръ, пока искомое соприкосновеніе не достигнетъ возможной полноты.

Усиліе человѣческаго духа *познать жизнь внѣ себя* создаетъ проводники, которые способны передавать сознанію человѣка разнообразныя вибраціи этой жизни.

Вся эволюція организма состоитъ изъ растущаго взаимодѣйствія между объективнымъ міромъ и внутреннимъ міромъ и изъ постепеннаго расширенія поля этого взаимодѣйствія. Извнѣ—толчки, изнутри—отвѣтныя вибраціи, медленно творящія органы для воспріятія жизни извнѣ. Такъ создались физическіе органы чувствъ у человѣка, такъ же развивается и его психическая и духовная организація. Только въ первомъ случаѣ на человѣка дѣйствовали стихійныя силы

природы, во второмъ—дѣйствуетъ вся совокупность психическихъ и духовныхъ вибрацій, которыя со всѣхъ сторонъ бьютъ на него, будя отвѣтныя вибраціи внутри его мозга, сердца и нервной системы, и вызывая въ немъ стремленіе стать въ общеніе съ другими сознанными.

Вначалѣ удары извнѣ сильны, рѣзки и однообразны, какъ мы это видимъ въ жизни дикаря, но съ теченіемъ времени они все болѣе усложняются, дѣлаются все быстрѣе, разнообразнѣе, тоньше, и мы не можемъ даже вообразить—на *нашемъ* уровнѣ развитія—до какихъ предѣловъ можетъ дойти растущая быстрота и тонкость доступныхъ для человѣка вибрацій жизни.

Съ того наблюдательнаго поста, который доступенъ намъ, распознаваніе смысла жизни оттого такъ и затруднено, что передъ нами, на міровой сценѣ сталкиваются, борются и дѣйствуютъ люди, стоящіе на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ развитія, психическія и духовныя вибраціи которыхъ до того различны и часто такъ противорѣчивы по самымъ свойствамъ своимъ, что ихъ столкновенія должны неизбежно породить ту мучительную напряженность, сложность и неуравновѣшенность у дѣйствующихъ лицъ человѣческой драмы, которыя мы замѣчаемъ кругомъ.

Безчисленные токи мысле-образовъ, неустанно смѣняющіяся волны психической энергіи, въ которыхъ перемѣшаны всѣ элементы: и грубые, дикіе и злые, и

смѣшанные, и прекрасные, сливаются въ ту невидимую силу, которая бьетъ по внутреннему человѣку, какъ молотъ по наковальнѣ, и выковываетъ свойства, необходимыя для дѣятельной роли въ условіяхъ все быстрѣе развивающейся жизни.

Правда, молотъ бьетъ очень сильно и очень больно, но тотъ, кто умѣетъ проникать въ невидимое творчество жизни, знаетъ, что эти удары необходимы. Въ міровомъ историческомъ процессѣ, такъ же, какъ и въ исторіи отдѣльнаго народа и отдѣльнаго человѣка, одно и то же *не* повторяется: возможность измѣнить условія, которая въ нашей власти сегодня, завтра замѣнится уже другимъ соотношеніемъ силъ; а между тѣмъ большинство и до сихъ поръ еще такъ инертно, такъ крѣпко держится за призракъ мягкаго ложа, на которомъ хочется поспать еще и еще, что не будь этого громко звучащаго молота, жизнь двигалась бы чрезмѣрно медленно и оказалась бы невыносимой для болѣе дѣятельнаго меньшинства.

Кстати о темпѣ жизни. Одинъ изъ самыхъ ясныхъ признаковъ внутренняго прогресса—сильное ускореніе темпа жизни. Мы уже не будемъ говорить о той исчезнувшей изъ нашего сознанія дали, когда развивался физическій организмъ человѣка; когда природа съ неистощимымъ терпѣніемъ помогала ему создавать физическіе органы чувствъ; здѣсь жизнь двигалась съ такой медленностью, которую намъ трудно даже и вообразить. Но если взять даже жизнь дикаря, обладавшаго уже вполнѣ развитымъ физическимъ организмомъ,

она, для нашей темпа, протекала бесконечно медленно, повторяя безчисленное число разъ все одни и тѣ же несложные уроки первобытной жизни.

Съ появленіемъ общественнаго быта и государственнаго строя, съ воздѣйствіемъ всего разнообразія различныхъ культуръ, темпъ жизни все болѣе ускоряется и мы знаемъ изъ оккультныхъ ученій, что послѣднія ступени человѣческой эволюціи будутъ бесконечно быстрѣе, и не только по сравненію съ ея началомъ, но и съ переживаемымъ нами срединнымъ цикломъ.

Медленность и быстрота темпа нашей эволюціи въ полной зависимости отъ того, *который* изъ полюсовъ сложной человѣческой природы преобладаетъ. Вибраціи низшаго полюса—медленны, тогда какъ вибраціи высшаго—чрезвычайно быстры и энергичны. Высшій полюсъ человѣка—его безсмертное божественное начало—влечетъ человѣка впередъ и вверхъ къ совершенству. Низшій полюсъ—животно-личный, является противодѣйствующей силой, которая въ постоянной борьбѣ съ высшимъ полюсомъ и тянетъ человѣка назадъ.

Въ результатъ этой борьбы развивается человѣческая *индивидуальность*, которую на западѣ такъ часто смѣшиваютъ съ *личностью*, внося этимъ смѣшеніемъ большую путаницу какъ въ анализъ историческаго процесса, такъ и въ психологическія понятія европейца.

Кромѣ животнаго начала, общаго всѣмъ животнымъ организмамъ, и личнаго, которое можно ясно видѣть и у наиболѣе развитыхъ домашнихъ живот-

ныхъ, каждый человѣкъ владѣетъ высшимъ началомъ, котораго у животнаго нѣтъ.

У дикаря оно—лишь въ зародышѣ, у высокоразвитого человѣка выражается ясно въ его совѣсти, у идеальнаго человѣка, приближающагося къ Богочеловѣчеству, сіяетъ уже ярко и всѣми своими свойствами говоритъ о безконечно болѣе широкомъ сознаніи, чѣмъ сознаніе ограниченной мѣстомъ и временемъ личности.

Индивидуальное начало отличаетъ человѣка отъ всего животнаго царства; оно выражается двумя признаками: *самопознаніемъ* и *творчествомъ*.

Если мы возьмемъ самое развитое животное, способное къ дрессировкѣ и преданное своему хозяину, мы найдемъ въ немъ иногда ясно выраженные личныя свойства, но индивидуальности, *сознающей свое я и способной къ творчеству*, мы въ немъ не найдемъ, какъ бы далеко въ глубь вѣковъ не обращалось наше разслѣдованіе.

Самому умному слону нѣтъ никакого дѣла до судьбы и достоинства всей слоновой породы, для него не существуетъ историческаго процесса, который въ дѣйствительности ни что иное, какъ различные этапы развивающагося *самопознанія*; или, если мы возьмемъ собаку или лошадь и окружимъ ее на протяженіи любого періода—хотя бы то были тысячелѣтія—самыми прекрасными произведеніями искусства, ни въ собакѣ, ни въ лошади не разовьются художественныя свойства, но не вслѣдствіе недостаточно развитой

нервной системы, а потому, что въ ихъ внутренней сути нѣтъ необходимаго для того условія.

Животное обогащаетъ своимъ личнымъ опытомъ не себя, а *общую душу того вида*, къ которому принадлежитъ; изъ его опыта создаются инстинкты, полезные для всего вида; вотъ почему отдѣльное животное не отвѣтственно за свои дѣйствія и не способно къ индивидуальному творчеству.

Лишь человѣкъ представляетъ собою *отдѣльный міръ*, сознающій свое *я* и набирающій опытъ для эволюціи этого *я*; онъ одинъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія—«создаетъ свою карму», какъ выражаются на Востокѣ; онъ одинъ способенъ къ индивидуальному творчеству.

У животнаго высшее начало—*личное*; у человѣка оно—низшее и умираетъ вмѣстѣ съ физическимъ организмомъ.

Этимъ различіемъ между индивидуальнымъ и личнымъ началомъ слѣдуетъ овладѣть какъ можно лучше, потому что различіе это даетъ ключъ къ вѣрному анализу сложныхъ процессовъ внутри человѣческой души. Личное начало въ человѣкѣ стремится къ *самоутвержденію и къ обособленности*; оно жадно претворяетъ въ себѣ все, что можетъ захватить для себя, оно—центростремительно. Орудіемъ его являются нервная система и мозгъ, выразителями—интеллектъ и личныя страсти, которыя кончаются вмѣстѣ съ личной жизнью человѣка. Высшее начало человѣка—стремится къ *самопознанію и къ единенію*; оно рас-

ширяется не поглощеніемъ чужихъ жизней, а участіемъ въ нихъ, оно не захватываетъ, а отдаетъ себя, оно—центробѣжно. Орудіемъ его является высшее сознаніе, которое еще въ зачаткѣ у большинства людей, а выразителемъ—совѣсть, интуиція и сверхличная любовь, которыя не угасаютъ со смертію личности, а служатъ нетлѣннымъ содержаніемъ безсмертной человѣческой души.

Да не подумаетъ читатель, что я хочу умалить значеніе личности. Чѣмъ ярче, талантливѣе и оригинальнѣе личность, тѣмъ сильнѣе ручательство, что и высшій полюсъ этой яркой личности представляетъ [собой большую индивидуальную величину. Личное начало необходимо какъ переходъ отъ животнаго полюса къ божественному, но нужно твердо помнить, *что есть нѣчто высшее и къ этому высшему стремиться.*

Питая и обоготворяя свою «личность», мы идемъ къ эгоизму, задерживаемся на низшей ступени, слѣдовательно мѣшаемъ истинному прогрессу. Обуздывая ее и заставляя служить высшему, мы дѣлаемъ изъ нея подножіе развивающемуся внутри насъ Богу и содѣйствуемъ истинному прогрессу.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ этихъ бѣглыхъ указаній на внутреннюю эволюцію человѣка?

Съ европейской точки зрѣнія, не признающей революціи, познать истиннаго человѣка, или хотя бы отчасти разрѣшить темную загадку о человѣкѣ, невозможно. Оставаясь на этой точкѣ зрѣнія, мы всегда будемъ стоять передъ безмолвнымъ сфинксомъ, таинственно вперяющимъ въ насъ свой загадочный взоръ.

Если бы онъ заговорилъ, мы услышали бы отъ него приблизительно такія рѣчи: «Вы не понимаете человѣка потому, что смотрите на него, какъ на законченное существо, тогда какъ въ дѣйствительности онъ *подлежитъ постоянной перемѣнѣ*. Въ настоящемъ вы совсѣмъ не тѣ, что были въ прошломъ, и въ будущемъ вы будете совсѣмъ иными. Воплощенный человѣкъ—лишь *часть* безсмертной индивидуальности, которая есть и корень, и центральная причина всей проявленной жизни. Облекаясь въ многочисленныя воплощенія, переходя отъ существованія къ существованію, ваша безсмертная душа строила постепенно то тѣло, которымъ вы обладаете нынѣ, медленно развивала мозгъ и нервную систему, которыми вы пользуетесь какъ орудіемъ, чтобы собирать опытъ и соприкасаться съ мірами внѣ васъ. Цѣль вашего страдальческаго опыта—*раскрытие всѣхъ многочисленныхъ сторонъ вашего сознанія, полное выявленіе всей силы, красоты и величія, сокрытыхъ въ той частицѣ Жизни Бога, которой одаренъ каждый человѣкъ*. Ваше прошлое—необозримо, и ваше будущее не имѣетъ предѣловъ, и правъ былъ вашъ философъ-поэтъ, когда говорилъ о человѣкѣ, «руки котораго будутъ соприкосаться съ звѣздами, который будетъ видѣть сквозь землю, понимать языкъ звѣрей и птицъ и отзываться на мысли неба и земли, когда послѣднія будутъ бесѣдовать съ нимъ».

П И С Ь М О Х V .

(Эволюционирует ли нравственность?)

«Усовершенствуется ли человеческая нравственность»? спрашивает меня одинъ изъ моихъ читателей.

Для теософа, это—странный вопросъ, для него весь процессъ жизни есть неустанное развитіе, переходъ изъ простаго въ сложное, изъ несовершеннаго въ совершенное.

Но вопросъ этотъ приходится слышать нерѣдко; его задаютъ самые чуткіе люди, съ отчаяньемъ смотрящіе на отрицательныя явленія усложняющейся человѣческой жизни.

Но отчаянье это вызывается недостаточнымъ проникновеніемъ во внутреннюю суть эволюціоннаго процесса. Съ точки зрѣнія теософіи все, что творилось въ далекомъ прошломъ и что совершается на нашихъ глазахъ, имѣетъ одинъ смыслъ и одно оправданіе: все ведетъ къ *постепенному раскрытію сознанія*, понимая сознаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ работу ума, сердца, совѣсти и воли человѣка.

Средство для раскрытія сознанія на всѣхъ ступеняхъ жизни одно и то же: *неустанная дѣятельность* во всѣхъ сферахъ жизни, видимой и невидимой. И вся

природа во всей своей совокупности, весь объективный міръ—*извне*, а потребности физическаго и духовнаго человѣка—*изнутри*, толкають его къ дѣятельности во имя этой единой, все заключающей въ себѣ цѣли.

Дикаря понуждаетъ къ дѣятельности голодь, холодъ и страхъ передъ болѣе сильнымъ человѣкомъ и звѣремъ, и на этой ступени—натискъ, смѣлость, беспощадность, являются высшими качествами.

Позднѣе, когда свободный дикарь превращается въ раба, стимуломъ для его дѣятельности является подчиненіе болѣе сильному и болѣе развитому побѣдителю. Здѣсь добродѣтелью является покорность и безропотное послушаніе, а рабскій трудъ становится пружиной, имѣющей скрытую цѣль преодолѣть *инерцію*, которая чрезвычайно сильна на низшихъ ступеняхъ развитія.

На слѣдующей ступени начинается борьба классовъ, борьба за независимость, за уравненіе правъ съ бывшими побѣдителями, и здѣсь трудъ является пружиной, имѣющей скрытую цѣль развить *инициативу*, *активную энергію*, а нравственность выражается въ зарождающемся чувствѣ человѣческаго достоинства.

На высшей ступени сознанія, которая въ историческомъ процессѣ еще впереди, борьба замѣнится *стремленіемъ къ единству*, трудъ сдѣлается *добровольнымъ даромъ для блага всѣхъ*, а нравственность выразится въ *безкорыстной любви*.

Я намѣчаю здѣсь самые главные этапы развивающагося сознанія, но между этими этапами простирается лѣстница съ огромнымъ числомъ ступеней, и на

каждой ступени—*свой* критерій нравственности, поднимающій челоуѣка все болѣе надъ животнымъ полюсомъ, все болѣе очищающій его отъ грубаго эгоизма.

Но прежде чѣмъ сознание большинства поднимется на высшую ступень и признаетъ безнравственнымъ то, что на предыдущей ступени было нормой поведения, передовая волна челоуѣчества, всегда сильно опережающая остальныхъ, должна дать примѣръ, проложить новые пути, выработать высшія нормы поведения.

Когда эти высшія нормы переходятъ въ сознание большинства, начинается процессъ приспособленія, и такая переходная эпоха производитъ всегда впечатлѣніе кажущагося регресса.

Это происходитъ оттого, что установившееся равновѣсіе расшатывается, психологія челоуѣка усложняется, и пока она приспособляется къ болѣе высокимъ требованіямъ жизни, всѣ ея внѣшнія проявленія становятся болѣе хаотичными, сошедшими съ прежнихъ устоевъ, выбитыми изъ сложившихся нравственныхъ нормъ.

Для наблюдателя, не считающагося съ общимъ ходомъ эволюціи, съ тѣмъ скрытымъ смысломъ всего переживаемаго, которое связано съ прошлымъ и будущимъ въ одинъ цѣльный эволюціонный процессъ, хотя и чрезвычайно сложный въ своихъ частяхъ, но внутренне спаянный единой общей цѣлью,—очень трудно оторваться отъ временныхъ явленій мучительнаго настоящаго. Принимая все совершающееся за *окончательное* проявленіе челоуѣческой природы, наблюдатель приходитъ къ невѣрному выводу, что челоуѣческая нравственность не подвинулась, а скорѣй пошла назадъ.

То же самое явленіе замѣчается и въ низшихъ царствахъ природы на всѣхъ *переходныхъ ступеняхъ*: происходитъ видимый регрессъ, напр., при переходѣ изъ растительнаго царства въ царство животное, когда появляются организмы, съ внѣшней стороны менѣе совершенные, всѣ внутреннія силы которыхъ направлены на приспособленіе къ *новымъ функціямъ жизни*.

То же происходило и въ человѣческомъ мірѣ при переходѣ отъ патріархальнаго къ правовому строю, отъ памятнаго еще многимъ крѣпостнаго права къ свободному быту.

Искренніе защитники отжившихъ формъ жизни ссылаются на ихъ прочность, порядокъ, уравновѣшенность, въ противоположность расшатанности и хаотичности текущаго момента; съ своей точки зрѣнія они правы, но они не видятъ связи явленій и грѣшатъ тѣмъ, что направляютъ свое вниманіе только на прошлое и совсѣмъ теряютъ изъ вида будущее. Да и въ прошломъ ихъ привлекаетъ лишь общій характеръ безопасности и устойчивости, а не тѣ живыя слагаемыя, изъ которыхъ постепенно возникла эта устойчивость.

Мнѣ вспоминается сейчасъ поразительный примѣръ, приводимый Викторомъ Гюго изъ эпохи вандейскихъ войнъ, какъ крестьянинъ-отецъ доползъ на колѣняхъ до дома своего синьора, чтобы вымолить у него прощеніе за дерзость сына, замученнаго этимъ самымъ синьоромъ. Съ точки зрѣнія феодала и его представленій о нравственности, старикъ былъ достоинъ одобренія, но даже небольшой исторической перспективы

достаточно, чтобы ярко освѣтилась вся безчеловѣчность *такихъ* представленій о нравственности.

Каждый разъ, когда старая ступень сознанія изживается и очередь наступаетъ для новой, много времени требуется для борьбы съ ранѣе приобрѣтенными свойствами, для приспособленія къ новымъ требованіямъ жизни, для постепенной перестройки всѣхъ прежнихъ понятій, чувствъ и внутреннихъ навыковъ.

На нашихъ глазахъ въ русскомъ народѣ происходитъ такое приспособленіе: вмѣсто крѣпкаго тѣломъ и духомъ помѣщика недавней крѣпостной эпохи, мы видимъ нервныхъ, мятущихся, глубоко неудовлетворенныхъ представителей современной интеллигенціи; вмѣсто преданныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, терпѣливо несшихъ свою трудную долю, появилось совсѣмъ иное поколѣніе, недовольное, строптивное, расшатанное, безпокойное, но съ болѣе сложной психикой и съ болѣе впечатлительностью.

По внутреннему смыслу всего совершившагося на нашихъ глазахъ, жизнь сильно двинулась впередъ, но пока будетъ продолжаться приспособленіе къ ея усложнившимся задачамъ и къ поднявшимся нравственнымъ требованіямъ, мы неизбежно будемъ переживать распаденіе прежнихъ устоевъ, которые—худо-ли, хорошо-ли—помогали народной жизни удерживаться въ извѣстномъ равновѣсіи.

Такой періодъ приспособленія сопровождается всегда тяжелыми явленіями и носитъ на себѣ всѣ признаки паденія нравовъ; мало того, онъ можетъ растя-

нуться на чрезвычайно долгій срокъ, если господствующіе классы не помогутъ поступательному движенію жизни, а тѣмъ болѣе если они затормозятъ его искусственными преградами.

И все же, не смотря на всѣ тяжелыя видимости, внутреннее творчество народной души продолжаетъ свою невидимую работу и готовитъ будущее съ болѣе справедливыми и болѣе совершенными нормами общественнаго быта.

Здѣсь мы подходимъ къ явленію чрезвычайной важности: европейская матеріалистическая наука считается только съ *внѣшними воздѣйствіями* на человѣка, теософія же имѣетъ дѣло съ его *внутреннимъ творчествомъ*, съ постепеннымъ раскрытіемъ высшихъ свойствъ человѣческой души; и здѣсь мы сталкиваемся уже не съ экономическими и социальными факторами, а съ проблемами духа, съ усовершенствованіемъ *всей* психики человѣческой, съ раскрытіемъ въ ней новыхъ началъ, съ поднятіемъ мысли, чувства, совѣсти и воли человѣка на высшую ступень сознанія.

Въ совершающемся историческомъ процессѣ различныя ступени сознанія не раздѣляются рѣзкими гранями, онѣ сливаются въ многоцвѣтной ткани жизни, изъ которой состоитъ текущая дѣйствительность: рядомъ съ людьми, уже успѣвшими подняться на высшую ступень, дѣйствуютъ и сильно отставшіе, и догоняющіе, и тормозящіе—сознательно или бессознательно—движеніе впередъ.

Принимающимъ участіе въ этомъ пестромъ жизненномъ творествѣ трудно разобраться въ истинномъ

направленіи всѣхъ его перепутанныхъ нитей. Чтобы вѣрно судить объ этомъ направленіи, нужно подняться *надъ* временнымъ явленіемъ борющихся классовъ, отвлечься отъ партійныхъ симпатій и антипатій и постараться уловить *положительныя* стороны всего совершающагося на нашихъ глазахъ.

Ибо наблюдатель никогда не сдѣлаетъ вѣрнаго вывода, если будетъ смотрѣть лишь на одни отрицательныя явленія, на одно зло, которое всегда ярче бьетъ въ глаза, на одни острые углы, которые всегда выступаютъ яснѣе наружу. И никогда не пойметъ онъ *всею* процесса жизни во всей его полнотѣ, если вниманіе его будетъ устремлено на одну лишь поверхность, гдѣ въ бурныя переходныя эпохи скопляется столько грязной пѣны и выплываетъ такъ много всякихъ отбросовъ.

Чтобы не ошибиться въ выводахъ, нужно проникнуть въ то, что *создается въ глубинѣ*, что еще не вылилось наружу и не мечется въ глаза, какъ выброшенные на поверхность отбросы.

Если направить вниманіе на внутреннюю суть совершающагося, мы увидимъ, что въ то время, какъ на поверхности идетъ борьба классовъ, эгоистическая и безпощадная,—въ глубинѣ общественной совѣсти зарождаются новыя представленія, возникаетъ потребность болѣе справедливаго строя, зажигаются новыя идеалы.

Несомнѣнно, что наши нервы истерзаны той тучей вражды, которая закрываетъ отъ насъ на время солнце. Истины, и эти тучи дѣлаютъ иллюзію, что міръ погибаетъ. Но это не такъ.

Возьмемъ любое современное явленіе изъ самыхъ несимпатичныхъ, хотя бы тягу крестьянскаго молодого поколѣнія изъ деревенскаго приволья въ душевные фабричныя города, неразборчивую жадность этого поколѣнія къ внѣшнимъ развлеченіямъ. Но развѣ эта тяга и эта жадность исходитъ изъ однихъ дурныхъ источниковъ?

Деревня застыла въ своемъ патріархальномъ строѣ, она не поспѣваетъ за движущимся потокомъ жизни, она не удовлетворяетъ растущую любознательность, не даетъ пищи для усложнившейся души народа, вотъ почему изъ нея бѣгутъ.

Но это—явленіе временное. Сейчасъ городъ даетъ гораздо болѣе впечатлѣній, но бѣльшая часть этихъ впечатлѣній безконечно ниже тѣхъ, что даетъ здоровая жизнь среди природы, и когда деревня перенесетъ къ себѣ то цѣнное, чѣмъ обладаетъ культурный городъ: хорошую книгу, образованныхъ учителей, удобныя жилища, хорошую музыку, и т. д., тогда лучшій элементъ изъ народа снова потянется въ деревню, разочарованный въ отрицательныхъ сторонахъ тѣсной городской жизни.

Или возьмемъ явленіе декаденства. Можно согласиться, что декаденты внесли въ литературу и искусство элементъ вычурности, что рѣчь ихъ вымученная и образы ихъ лишены ясности, но рядомъ съ этимъ нельзя не видѣть, что ихъ психологія несравненно сложнѣе, чѣмъ у средняго челоуѣка нашего времени, и что всѣ чувства ихъ сильно утончились и готовятся къ воспріятію болѣе тонкихъ, пока еще мало для кого доступныхъ впечатлѣній.

Или обратимся къ современнымъ дѣтямъ. Они въ общемъ труднѣе и своевольнѣе дѣтей прежнихъ поколѣній, но они представляютъ изъ себя болѣе воспримчивый матеріаль, на которомъ легче запечатлѣваются высшія понятія растущаго нравственнаго сознанія.

Не далѣе какъ на дняхъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ одной изъ знакомыхъ мнѣ матерей, которая удивлялась, *насколько* душевное настроеніе ея дѣтей разнится отъ ея собственныхъ дѣтскихъ переживаній. Она жаловалась что съ трудомъ можетъ найти книги, которыя бы подходили для ея дѣтей; ея маленькая семилѣтняя дочка такъ огорчалась при чтеніи священной исторіи, находя въ ней многое жестокимъ и несправедливымъ, а рассказы изъ русской исторіи такъ возмущали ее своей грубостью, что пришлось отложить обѣ книги въ сторону.

А когда мать взяла басни Крылова, надѣясь, что хоть онѣ-то окажутся по вкусу ея дѣвчкѣ, и стала читать «Стрекоза и Муравей», которую особенно любила въ дѣтствѣ, дочка ея и тутъ проявила свою собственную тонкую критику. Она нашла, что «муравей гораздо хуже стрекозы, потому что онъ жадный, думаетъ только о себѣ, а стрекоза гораздо лучше, потому что пѣла не для одной себя, а для всѣхъ». «Лучше бы она обратилась къ пчелкѣ», прибавила дѣвочка, «та бы ей не отказала, потому что она собираетъ медъ тоже для всѣхъ, а не для себя одной».

П И С Ь М О XVI

(*Внутренній смыслъ раздѣленія людей на сословія.*)

Мы себя не осуждаемъ за то, что еще не достигли божественности... почему бы намъ осуждать болѣе молодыя души за то, что онѣ еще не достигли до *нашего* уровня?

„Древняя Мудрость“ А. Безантъ.

Ученія Теософіи подобны яркому фонарю, освѣщающему всѣ темные углы жизни, на которые направлень его свѣтъ. Къ такимъ темнымъ угламъ, не освѣщеннымъ сознаниемъ, принадлежатъ наши отношенія къ низшимъ сословіямъ, и въ частности къ прислугѣ. Постараемся освѣтить ихъ.

Пробовали вы когда-либо разрѣшать вопросъ: какой внутренній смыслъ въ раздѣленіи людей на сословія? *Почему* этотъ человѣкъ рождается въ роли господина, а тотъ — въ роли слуги? Почему одинъ совсѣмъ освобожденъ отъ физическаго труда, а другой изнемогаетъ подъ его тяжестью? На подобные вопросы европейская наука отвѣчаетъ только съ точки зрѣнія *внѣшняю* строительства жизни, а не по существу.

Нѣтъ ли въ этомъ разнообразіи человѣческой судьбы, въ этомъ рѣзкомъ различіи одной доли отъ

другой, глубокаго смысла, необходимаго для развитія *самого* человѣка? Для европейца, все вниманіе котораго устремлено на однѣ *видимости*, такой вопросъ не разрѣшимъ, такъ какъ онъ соприкасается уже съ скрытыми пружинами жизни.

По существу вопросъ о неравенствѣ разрѣшается только ученіями древней Мудрости. Основную ноту этихъ ученій составляетъ идея *единства Жизни*. Современная научная мысль снова подошла къ той же идеѣ подѣ флагомъ монизма*).

„Идеалистическій монизмъ“ можно бы назвать на современномъ европейскомъ языкѣ древнюю религію-науку, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ религіозныхъ системъ. Она разсматриваетъ вселенную какъ единство, въ которомъ всѣ отдѣльныя части выполняютъ свою собственную задачу. Когда онѣ стремятся осуществить ее какъ можно полнѣе и лучше, онѣ ведутъ вселенную къ совершенству; уклоняясь отъ выполненія *своей* задачи, онѣ нарушаютъ міровую гармонію.

Яркой иллюстраціей этой мысли служитъ организмъ человѣка: здоровье, сила, красота и совершенство нашего организма обусловлены тѣмъ, чтобы всѣ отдѣльныя его части: мозгъ, сердце, легкія, желудокъ, нервы и т. д. выполняли свои спеціальныя задачи въ совершенствѣ.

Если мы представимъ себѣ, что различныя части нашего тѣла хотя на одну минуту перепутаютъ свои функціи и сердце начнетъ дѣлать работу желудка,

---

*) Ученіе объ единствѣ жизни.

а легкія—работу мозга, нормальная жизнь организма должна притти въ невообразимый хаосъ.

Отсюда аналогичный выводъ, что вся совокупность человѣческой жизни можетъ достигнуть совершенства лишь тогда, когда всѣ ея составныя части, т. е. каждый человѣкъ въ отдѣльности будетъ выполнять свою собственную задачу какъ можно совершеннѣе.

Но онъ долженъ жить и выполнять эту задачу по тѣмъ линиямъ, которыя начертаны закономъ его собственной внутренней сути. Не однородность, а разнообразіе составныхъ частей требуется для совершенства вселенной.

Это знали древніе Мудрецы и поэтому въ ихъ ученіяхъ отсутствуетъ идея равенства и всюду выступаетъ идея дома, единства жизни и ясно выраженная постепенность въ эволюціи сознанія.

Съ точки зрѣнія этихъ ученій, различія въ социальныхъ и экономическихъ условіяхъ являются необходимымъ средствомъ для постепеннаго роста внутренней сути человѣка; грѣхомъ же они становятся благодаря злоупотребленію силой, которая угнетаетъ слабыхъ, но это не есть результатъ ошибочности плана, а послѣдствіе несовершенства человѣка.

Несовершенство развивающагося человѣка нарушаетъ гармонію общей жизни, нарушеніе гармоніи вызываетъ страданіе, а страданіе учитъ человѣка.

Для того, чтобы эти уроки соотвѣтствовали его внутренней сути и совпадали съ той степенью развитія, до которой достигла его душа, человѣкъ воплощается въ различныхъ условіяхъ земной жизни.

Весь строй древней Индіи съ ея кастами, этой *видимой* тканью ея общественной жизни, былъ основанъ на знаніи постепенной эволюціи человѣческой души.

Наше знакомство съ кастами относится уже къ эпохѣ вырожденія Индіи, когда вся одухотворенность первоначальной жизни молодой арійской расы, руководимой мудрецами или Риши древней Индіи, замѣнилась омертвѣлыми формами, какъ это бываетъ всегда, когда одна міровая эпоха заканчивается и на очередь выступаютъ новыя задачи.

Если разсматривать древнія касты съ *этой* точки зрѣнія, мы увидимъ, что каждая изъ нихъ представляетъ свои особыя психологическія задачи, свои особыя восходящія линіи развитія. Это было не искусственное раздѣленіе, а выраженіе естественнаго порядка самой природы.

Низшая каста, *Шудра*, имѣла задачей борьбу съ низшими инстинктами человѣка путемъ физическаго напряженія и повиновенія господину, который въ тѣ времена представлялъ дѣйствительно высшій типъ человѣка. Идеаломъ Шудры являлось совершенство въ послушаніи и вѣрности господину.

Въ слѣдующей кастѣ, *Ваишия* (купцовъ), человѣкъ приучался къ собственной инициативѣ, вырабатывалъ осмотрительность и проницательность; отъ него требовались безпристрастіе, щедрость, отсутствіе расточительности и добросовѣстное отношеніе къ труду подчиненныхъ. Его идеаломъ было праведное употребленіе земныхъ благъ.

Въ третьей кастѣ, *Кшатрія* (воиновъ), къ которой принадлежали правители и воины, человѣкъ долженъ былъ защищать и охранять свой народъ. Въ этомъ состоялъ долгъ его жизни. Его идеаломъ была безза-вѣтная отвага, великодушіе, защита слабыхъ, самоотреченіе.

Послѣдняя каста, *Брамановъ*, учителей народа, требовала отъ человѣка равнодушія къ земнымъ благамъ и побѣды высшей природы надъ низшей. Предполагалось, что человѣкъ, воплотившійся въ кастѣ Брамановъ, прошелъ уже черезъ всѣ низшія ступени и пріобрѣлъ нравственную силу и мудрость благодаря послушанію, совершенному исполненію своего долга и усиліямъ въ борьбѣ за правое дѣло въ прежнихъ воплощеніяхъ, что и давало ему право учить другихъ. Идеаломъ и цѣлью Брамановъ являлась внутренняя свобода, всепрощеніе, любовь ко всему живому, чистота и единеніе съ Первоисточникомъ жизни.

Во времена процвѣтанія Браманизма, его постановленія представляли собой дѣйствительную *школу народнаго воспитанія*, ибо они основывались на глубокомъ знаніи человѣческой души.

Возьмемъ два закона, постоянно упоминаемые въ св. писаніяхъ Востока, равносильнаго которымъ мы не имѣемъ въ западной психологіи.

Первый изъ нихъ—законъ *Дхармы*. Чтобы понять этотъ законъ, нужно имѣть въ виду процессъ эволюціи, т. е. видѣть въ человѣкѣ существо движущееся впередъ и мѣняющееся по мѣрѣ своего развитія. Когда

человѣкъ жилъ въ Карфагенѣ, онъ былъ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ, живя въ наше время—скажемъ—въ Англии. Всѣ его понятія измѣнились и нравственный критерій сталъ совершенно инымъ. Дхарма—понятіе сложное: это—показатель той ступени развитія, до которой достигла безсмертная индивидуальность человѣка, его *я*, и въ то же время законъ слѣдующей ступени его развитія.

Вотъ почему Дхарма переводится то словомъ Законъ, то словомъ Долгъ. Знать свою Дхарму, значить вѣрно опредѣлять ступень, до которой достигла моя индивидуальность, и въ то же время сознавать законъ, по которому она должна развиваться далѣе. Не зная мѣста, которое я занимаю въ міровой жизни, я не могу безошибочно направлять мои шаги впередъ.

Второй законъ, *Карма* или законъ причинности, опредѣляетъ всю земную судьбу человѣка; по картинному сравненію восточной мудрости, человѣкъ, посѣявшій добрыя дѣла и добрыя мысли, не можетъ пожать ничего иного, кромѣ добра и блага.

Эти два закона являлись тѣми ключами, которые въ древности раскрывали загадку человѣка, и они могли бы раскрыть ее и для насъ, если бы мы научились владѣть этими ключами.

На знаніи этихъ законовъ были основаны въ своемъ первоначальномъ видѣ и древнія касты, которыя имѣли цѣлью дать внѣшнія условія, подходящія для Дхармы каждой души, достигшей той или иной ступени развитія.

Тогда человѣкъ былъ менѣе сложенъ, чѣмъ теперь; благодаря этому и грани его жизни были рѣзче очерчены, чѣмъ въ наше время, когда люди свободно переходятъ изъ одного сословія въ другое.

Человѣкъ несетъ въ своемъ внутреннемъ существѣ три элемента: животнаго, человѣка и Бога. Весь длинный путь его разнообразнаго земнаго опыта направленъ къ обузданію животнаго, къ развитію человѣческихъ свойствъ и къ раскрытію таящагося въ немъ божественнаго начала.

Въ самомъ началѣ пути, когда душа вся еще въ возможности, когда она похожа на нераскрывшуюся завязь, всѣ вліянія извнѣ идутъ на то, чтобы разбудить ея дремлющія силы и обуздать ея животное начало.

Чѣмъ же достигается такое обузданіе легче всего? *Усиленнымъ физическимъ трудомъ.* Психологическую цѣль усиленнаго труда можно опредѣлить какъ использование животной энергіи съ цѣлью отвлечь силы человѣка отъ животныхъ страстей, которыя у первобытнаго человѣка очень сильны. Напрягая физическія силы человѣка, трудъ преодолеваетъ лѣнь, инертное начало, *tamas* Индусовъ, которое на этой ступени, когда преобладаетъ низшій полюсъ, легко одолеваетъ человѣка, заглушая еще зачаточныя силы его души, слабые ростки его воли, мысли и чувства.

Если бы на этой низшей ступени не было принудительнаго физическаго труда, ничѣмъ не сдерживаемыя животныя страсти развились бы до чрезвычайныхъ размѣровъ въ ущербъ высшимъ началамъ человѣка.

Всѣ наблюденія надъ подонками современнаго общества, на примѣръ надъ восточными кули, переносающимися тяжести, или надъ нашими крючниками,—приводятъ къ тому, что сытая жизнь безъ усиленнаго физическаго труда могла бы имъ принести только вредъ.

На Западѣ, гдѣ не извѣстенъ законъ Дхармы, дающій проникновеніе въ невидимую эволюцію души, сложилось ошибочное представленіе, что все дѣло во внѣшнихъ условіяхъ жизни: дайте человѣку образованіе и нравственныя понятія, предоставьте ему благопріятную внѣшнюю обстановку и онъ сразу измѣнится.

Наблюденія надъ жизнью говорятъ иное; они скорѣе подтверждаютъ ученіе древняго Востока о постепенномъ переходѣ души съ одной ступени на другую, о различіи человѣческой Дхармы, на основаніи которой запрещалось «смѣшеніе кастъ».

Въ наше время, когда усложнившаяся Дхарма современнаго человѣка требуетъ и соотвѣтствующаго разнообразія въ его переживаніяхъ, а слѣдовательно и въ общественныхъ условіяхъ, «смѣшеніе кастъ» неизбежно, и было бы большимъ бѣдствіемъ, если бы люди начали искусственно строить стѣны между различными сословіями. Но пониманіе самого закона необходимо, потому что оно даетъ ключъ ко многимъ загадкамъ человѣческой судьбы.

Если бы мы могли изслѣдовать человѣческое тѣло не только внѣшнимъ образомъ, а и внутреннимъ, т. е. безошибочно опредѣлить, какою степенью отзывчивости отличаются его атомы, и съ какой быстрой и энер-

гій они вибрируютъ, мы увидали бы большую разницу между тѣломъ средняго крестьянина и тѣломъ чело-вѣка изъ интеллигентной среды.

Первое вибрируетъ въ отвѣтъ на внѣшнія раздраженія медленно и не полно, отзываясь лишь на болѣе рѣзкія, и совершенно не отвѣчая на болѣе тонкія вибраціи. Стоитъ лишь представить себѣ крестьянина обыкновеннаго типа въ картинной галлерей, въ концертномъ залѣ или передъ театральной сценой, на которой идетъ символическая пьеса, чтобы убѣдиться въ этомъ.

На это могутъ возразить, что тутъ дѣло не въ свойствахъ матеріала, изъ котораго построены организмъ крестьянина, а въ степени образованія и воспитанія. Но это не такъ. Правда, свободное смѣшеніе сословіи создало для современнаго чело-вѣка весьма сложную Карму, и можетъ случиться, что тонко развитой организмъ—въ силу кармической связи съ крестьянской семьей—воплотится именно въ этой семьѣ. Но это—не правило, а скорѣе исключеніе.

Кто не знаетъ случаевъ, когда дѣти внезапно разбогатѣвшаго крестьянина, попадая въ условія интеллигентной среды и получая утонченное образованіе, кончали тѣмъ, что сходили съ ума, или спивались и предавались инымъ излишествами?

Отчего это? Оттого, что самый матеріалъ, изъ котораго построены организмы такихъ, внезапно вырванныхъ изъ своей среды людей, требуетъ усиленнаго физическаго напряженія и способенъ отвѣчать только

на грубыя и рѣзкія вибраціи; а между тѣмъ новыя условія ихъ жизни содѣйствуютъ полной физической праздности и окружаютъ ихъ такими утонченными вибраціями, на которыя ихъ организмъ *не способенъ отзываться*. Благодаря такому несоотвѣтствію между организмомъ и средой, они обыкновенно отчаянно скучаютъ и оживляются только тогда, когда въ ихъ, съ виду культурную жизнь, врывается нѣчто съ точки зрѣнія культурнаго человѣка очень дикое, что нибудь рѣзко бьющее по нервамъ.

Вспоминаю, какъ много лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ еще совсѣмъ не знакомы были ученія теософіи, меня поразила исповѣдь одного крестьянскаго мальчика, отданнаго матерью въ годоваломъ возрастѣ на воспитаніе знакомой мнѣ помѣщицѣ, которая воспитывала его самымъ утонченнымъ образомъ, на французскомъ языкѣ, среди музыки, книгъ и самаго любовнаго вниманія. Помню, какъ этотъ мальчикъ рассказывалъ, когда сталъ постарше, какъ онъ мучительно скучалъ и какъ неудержимо его тянуло бросить и барскій домъ, и свою вторую мать, и убѣжать въ деревню. Особенно ему было трудно побороть свою тягу, когда до усадьбы доносились хороводныя пѣсни и шумы деревенской толпы. Этотъ не погибъ, но вѣроятно благодаря тому, что послѣ смерти своей воспитательницы получилъ клочекъ земли, на которой и работаетъ крестьянскую работу.

Изъ трехъ сословій, занимающихся исключительно физическимъ трудомъ: крестьянскаго, фабричнаго и

прислуги, самая трудная доля и самая трудная психология несомнѣнно у послѣдней.

Если отбросить на время обычную для насъ, европейцевъ, точку зрѣнія и стать на точку зрѣнія теософическую, по которой всѣ многообразныя человѣческія переживанія и испытанія являются средствомъ для постепеннаго движенія къ совершенству и по которой всѣ мы въ разное время проходимъ одинъ и тотъ же путь,—тогда вся драма, совершающаяся на землѣ, приметъ въ нашихъ глазахъ совершенно новый характеръ, полный благого значенія. Тогда и наша собственная роль въ этой драмѣ изъ произвольной и независящей отъ нашей воли сдѣлается *сознательной и отвѣтственной*.

Если бросить общій взглядъ на путь, которымъ идетъ современное человечество, первый этапъ на на этомъ пути—жизнь крестьянина. Если она протекаетъ нормально, здоровый трудъ и тѣсная связь съ природой придаетъ ей столько достоинства и такую цѣльность настроенія, какую не встрѣтишь нигдѣ, кромѣ деревни.

Но какъ ни хороши условія деревенской жизни, остановиться на этой ступени нельзя. Отъ тѣсной связи съ природой, отъ ея здоровой періодичности, человѣкъ *долженъ* перейти въ иную среду, гдѣ вліяніе природы отступаетъ на задній планъ и выдвигаются психологическія вліянія, соприкосновенія съ иными индивидуальностями, и, чѣмъ разнообразнѣе эти индивидуальности, чѣмъ ярче и многостороннѣе ихъ

воздѣйствіе на душу человѣка, тѣмъ быстрѣе будетъ расти эта душа. Въ этомъ—внутренній смыслъ перехода изъ жизни сельской общины, гдѣ всѣ заняты однимъ дѣломъ и всѣ приблизительно равны, къ искусственной культурѣ городской жизни, гдѣ въ одномъ мѣстѣ соединяются люди всевозможныхъ профессій, гдѣ рядомъ съ рынками и фабриками вліяютъ музеи и университеты, картинныя галереи и консерваторіи, публичныя лекціи и театры.

Вообразите на минуту всѣ эти разнообразныя дѣятельности большого города въ видѣ невидимыхъ, но совершенно реальныхъ вибрацій, бьющихъ со всѣхъ сторонъ на молодую душу: потрясая ее, онѣ пробуждаютъ одну за другой всѣ дремлющія ея способности.

Естественно, что ея цѣльность утрачивается, впечатлительность обостряется, нормальная дѣятельность нервной системы переходитъ въ тревожную, появляется неуравновѣшенность, внутренний разладъ.

Явленіе это замѣчается всѣми, оно породило нескончаемыя жалобы на порчу и огрубеніе нравовъ переселяющихся въ города сельскихъ жителей. Но жалобами ничему не можешь. Для того, чтобы помогать, нужно *понимать смыслъ происходящаго передъ нами.*

Пониманіе той связи, которая существуетъ между внѣшними явленіями и ихъ невидимыми причинами, воспитываетъ въ человѣкѣ терпимость и доброжелательство и вмѣсто негодованія, вызываетъ потребность

сознательно участвовать въ творческомъ процессѣ жизни.

Признавъ внутреннюю необходимость перехода растущей человѣческой души отъ дѣтской ясности и простоты къ хаотической сложности и неуравновѣшенности, мы начнемъ понимать совершенно иначе и нашъ собственный долгъ относительно низшихъ сословій и прислуги.

Несомнѣнно, что самое раздѣленіе людей на господъ и на продающихъ свой трудъ слугъ—*остатокъ* варварства. Въ идеальномъ обществѣ всѣ будутъ служить другъ другу такъ или иначе, но не за деньги, а изъ сознанія единства жизни и изъ любви къ ближнему.

Но даже и въ наше время правильно понятыя отношенія между образованнымъ слоємъ, идущимъ впереди, и некультурными представителями народа, могли бы стать источникомъ блага для тѣхъ и для другихъ.

Для слугъ—постоянное общеніе съ старшими по развитію и опыту могло бы вызвать болѣе быстрый переходъ на высшую ступень эволюціи, для господъ—явилась бы возможность *погасить свой долгъ* относительно взрастившаго ихъ народа, за счетъ котораго они и получили возможность подняться на высоту.

Такова идеальная схема человѣческаго общежитія; но во что она выродилась подъ вліяніемъ эгоизма, который уничтожилъ самое сознаніе человѣческаго единства, замѣнивъ его обезсиливающимъ, основаннымъ на страданіи ближняго господствомъ личныхъ инте-

ресовъ,—это мы видимъ слишкомъ наглядно въ современной жизни, гдѣ страданіе слѣдуетъ за неправдой такъ же неизбежно, какъ тѣнь за движущимся предметомъ.

Въ дѣйствительности, отношеніе «господъ» къ прислугѣ полно безсердечнаго эгоизма, безмѣрныхъ претензій и презрительнаго равнодушія къ ея внутреннему міру.

Благодаря этому, всѣ хорошія возможности превращаются у той и другой стороны въ дурную дѣйствительность: долгъ «господъ» остается невыполненнымъ, а у слугъ—вмѣсто усиленнаго развитія—расцвѣтають отрицательныя черты ума и характера, накапливается чувство обиды и недовѣрія, страсти направляются на вражду къ господамъ и невидимый міръ наполняется вибраціями взаимнаго раздраженія, горечи и ненависти.

Нельзя, конечно, не принять въ соображеніе того, что благодаря современному смѣшенію сословій, человѣкъ, стоящій по своей Дхармѣ еще на очень низкой ступени развитія, получаетъ права, до которыхъ онъ совсѣмъ еще не доросъ.

Благодаря этому, безпрестанно встрѣчаются «господа» или очень мало, или совсѣмъ не поднявшіеся надъ уровнемъ своихъ слугъ. Съ этихъ и спрашивать нечего. Но это не оправдываетъ тѣхъ, которые имѣють внутреннее право на передовой постѣ. Этотъ постъ налагаетъ на нихъ обязанность *усовершенствовать жизнь, замѣнять ея отживающія формы высшими формами.*

Прежній патріархальний характер отношеній между господами и слугами достигалъ у лучшихъ людей несомнѣнной красоты *). Это происходило оттого, что и господа и слуги жили одной жизнью, одними идеалами, и между ними сохранялась живая духовная связь. Связь эта нарушена. Интеллигенція отошла слишкомъ далеко отъ простоты и цѣльности патріархальнаго строя, а слуги, переживающіе трудный переходъ отъ стихійной культуры къ сознательной, отличаются раздражительностью, безпринципностью, повышеннымъ самолюбіемъ и усиленной жаждой новыхъ впечатлѣній; все это сводитъ взаимныя отношенія между обоими сословіями къ очень низкому уровню, къ чисто механической связи между покупающими чужой трудъ и продающими его.

Такія отношенія не имѣютъ будущаго; они должны замѣниться новымъ строемъ жизни.

---

*) Изучать Дхарму развивающейся души въ связи съ кармическими условіями того или другого сословія труднѣе всего именно у насъ на Руси. Западная Европа имѣла свои ясно обозначенныя и строго разграниченныя сословія: ея феодалы и сервы проходили совершенно различныя школы жизни и психологія тѣхъ и другихъ была совершенно иная. Не то у насъ: наши бояре и крестьяне отличались только внѣшнимъ образомъ и психологія первыхъ была почти однородна съ психологіей послѣднихъ. Можно думать, что передъ русскимъ народомъ стояли не столько національно-психологическія, сколько общеміровыя духовныя задачи, которыя выполнялись соборно, всѣмъ народомъ; отсюда глубокій внутренній демократизмъ Россіи, небывалый въ исторіи другихъ народовъ. Но это—вопросъ слишкомъ важный и сложный, чтобы его касаться мимоходомъ.

Свѣтъ, бросаемый теософіей, указываетъ ясно, по какимъ линіямъ долженъ слагаться этотъ новый строй, если наша жизнь пойдетъ дѣйствительно къ совершенствованію.

«Господь» и «слугъ» въ современномъ смыслѣ вовсе не будетъ. Сознаніе единства жизни и всеобщаго братства вызоветъ добровольное, отвѣчающее силамъ и способностямъ каждаго, участіе въ общемъ творчествѣ. *Добровольное раздѣленіе труда замѣнитъ принудительный трудъ.*

Отношеніе болѣе развитыхъ и сильныхъ духомъ къ такъ называемымъ низшимъ сословіямъ будетъ носить такой же характеръ любовной заботы, какую мы видимъ въ отношеніяхъ старшихъ къ младшимъ членамъ въ нормальной семьѣ. И это—не утопія. Какъ ни далека наша темная и грѣшная жизнь отъ этого свѣтлаго будущаго, но оно настанетъ: *за это ручается неумирающее религіозное сознаніе человечества.*

Сознаніе это продолжаетъ жить въ нашей душѣ, какое бы имя ему не давали. Оно снова и снова говоритъ намъ, что *есть Богъ и внѣ, и внутри насъ* и что мы страдаемъ потому, что *наша истинная стихія—не тѣнь и тьма, а праведность и свѣтъ.* Весь человѣческій путь состоитъ въ неутолимой жаднѣ этого свѣта, въ неугасающей потребности этой праведности.

Мы кружимся по лабиринту жизни не даромъ; намъ дана свобода движенія, но въ то же время данъ и внутренній показатель, который неизмѣнно даетъ знать, когда мы направляемся по невѣрному пути.

Показатель этотъ—страданіе. Мы стремимся избѣжать его, пробуемъ итти то по одному, то по другому направленію, снова возвращаемся, выбираемъ новую дорогу, а суть остается одна и та же; мы можемъ быть счастливы — не по видимости, а по существу—только тогда, *когда наши дѣла совпадаютъ съ требованіями нашей совѣсти.*

Въ этой зависимости нашего счастья отъ нашей совѣсти и въ способности послѣдней расти и утончаться—залогъ грядущаго свѣтлаго будущаго.

Сейчасъ наша жизнь темна и грѣшна, надъ ней какъ бы нависли черныя тучи; но безнадежна она была бы только въ томъ случаѣ, если бы мы не страдали отъ этой темноты. Но мы отъ нея страдаемъ и съ каждымъ поколѣніемъ будемъ страдать все сильнѣе: растущая совѣсть людей, все яснѣе говорящая о *неизбѣжной зависимости личнаго благополучія отъ общаго блага* поможетъ людямъ пробить брешь въ этой нависшей надъ нами свинцовой тучѣ.

Надъ нею сіяетъ все то же солнце, жизнь творящее и разливающее довольство и радость всюду, куда проникаютъ его лучи. Это солнце—*любовь*. Безъ ея животворящей силы всѣ темные углы нашей жизни, въ томъ числѣ и затронутый въ этомъ письмѣ, останутся навсегда темными и неприглядными, вызывающими недовольство и вражду.

Наше сознаніе было такъ долго приковано къ одному земному, что мы и незамѣтили, какъ надъ нами все болѣе сгущались тучи, порожденныя эгоизмомъ однихъ и ожесточеніемъ другихъ.

Необходимо повернуть фокусъ сознанія на *качество* нашей земной дѣятельности и тогда мы ясно увидимъ *причинную связь удручающей насъ темноты жизни съ дурными качествами этой дѣятельности.*

Не нужно останавливаться на томъ, что «всѣ такъ дѣлаютъ» и думать, что усилія одинокихъ бесплодны.

Это невѣрно: добро сильнѣе зла и каждое праведное усиліе разрываетъ темныя тучи грѣха то тамъ, то здѣсь, и даетъ возможность проникнуть отдѣльнымъ лучамъ солнца. «И порознь ихъ отыскивая жадно, мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты», сказалъ поэтъ.

Превратитъ этотъ отблескъ «вѣчной красоты» въ яркое религіозное сознаніе, полюбитъ эту красоту такъ, чтобы безъ нея и жить на свѣтѣ было невозможно, вотъ къ чему мы должны стремиться, если хотимъ, чтобы свѣтъ одолѣлъ тьму, чтобы его лучи проникли во всѣ темные углы нашей жизни.

ПИСЬМО XVII

(Объ отношеніяхъ къ животнымъ.)

Переживаніе наиболѣе приспособленнаго есть законъ эволюціи *животнаго*; самопожертванье есть законъ эволюціи *человѣка*.

Проф. Гегсли.

Въ первой половинѣ іюля прошлаго года (1909) улицы Лондона, идущія отъ Темзы мимо Чарингъ-Кроссъ и Трафальгаръ-сквэръ до самаго Хайдъ-парка, на разстояніи болѣе трехъ верстъ, представляли изъ себя совершенно необыкновенное зрѣлище: по ней двигалась забавно оригинальная процессія «друзей животныхъ», которые митингомъ въ Хайдъ-паркѣ заканчивали свой международный конгрессъ.

Въ этой процессіи участвовали представители всѣхъ странъ съ своими знаменами, кромѣ Россіи *), и не менѣе ста различныхъ союзовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ защитѣ животныхъ, но пожелавшихъ выразить свое сочувствіе конгрессу.

---

*) Въ процессіи участвовали два русскихъ теософа, но въ виду правила, установленнаго конгрессомъ, по которому требовалось не менѣе пяти представителей для того, чтобы нести національное знамя, русское знамя отсутствовало на конгрессѣ.

Особенность этой необыкновенной процессіи состояла въ томъ, что въ ней участвовали и герои конгресса, въ видѣ лошадей, ословъ, кошекъ, собакъ, кроликовъ и т. д.

Задолго до начала конгресса, по всему Лондону были вывѣшены объявленія о томъ, что всѣмъ сочувствующимъ защитѣ животныхъ предлагается принять участіе въ процессіи, а у кого есть домашнія животныя, захватить и ихъ съ собой. Благодаря этому, со всѣхъ концовъ Лондона, въ томъ числѣ и изъ трущобъ, повыползли обыватели съ своими четвероногими друзьями, и нельзя сказать, чтобы *эта* часть процессіи отличалась красотой: здѣсь виднѣлись и оборванцы и нищія старушонки, которыя несли на рукахъ или держали за веревочку такихъ же бѣдняковъ, какъ и они сами, съ взъерошенной шерстью и слезящимися глазами и все же трогательно разукрашенныхъ пестрыми бантиками.

Но было много и красивыхъ подробностей: людская процессія прерывалась отъ времени до времени нарядными колесницами, разубранными цвѣтами, на которыхъ красовались то разные звѣрки, то хорошенькая дѣвочка въ костюмѣ феи съ котенкомъ на рукахъ, то изъ-за зеленыхъ вѣтокъ выглядывала рыженькая бѣлка, надъ которой развѣвалось шотландское знамя съ такой надписью: *Кто говоритъ о любви, но не являетъ милосердія къ беззащитнымъ тварямъ, тотъ не знаетъ любви.* Очень интересна была огромная ломовая лошадь въ чепчикѣ и въ цвѣтахъ, которую

съ гордостью велъ въ поводу ея хозяинъ. Тутъ же участвовалъ и союзъ дѣтей «Dog's Friends» (друзья собакъ), сотни мальчиковъ съ своими пріятелями всевозможныхъ породъ и размѣровъ; были тутъ и простыя дворняжки, но онѣ терялись въ толпѣ мопсовъ, которые, оказывается, занимаютъ первое мѣсто въ сердцахъ англійскихъ мальчиковъ.

Не менѣе разнообразны были и представители двуногой породы: ученые, доктора, члены парламента, свѣтскія дамы, трущобные хулиганы, всѣхъ соединило въ одну дружную толпу доброе чувство къ «беззащитнымъ тварямъ». Очень выразительны были картины и надписи на развѣвавшихся поверхъ процессіи знаменахъ. Одно изъ нихъ было даже изъято изъ употребленія по распоряженію блюстителей порядка, которые опасались, какъ бы оно не вызвало волненія на улицахъ. На этомъ знамени были изображены два увеличенные фотографическіе снимка собаки, до вивисекціи и *посль* нея. На одной сторонѣ знамени виднѣлась здоровая сильная собака, а на другой—измученный призракъ, съ такой печатью страданія на всемъ исхудаломъ тѣлѣ, что на нее страшно было смотрѣть.

Улицы, по которымъ двигалась процессія, были переполнены народомъ: со всѣхъ сторонъ раздавались смѣхъ и остроты надъ четвероногими демонстрантами и даже корректные полисмэны, выстроенные по обѣимъ сторонамъ, чтобы охранять процессію, съ трудомъ удерживались отъ веселыхъ улыбокъ.

Всѣ звѣри имѣли видъ смышленный и полный достоинства, словно они хорошо понимали, къ чему все

это клонить; одна собака несла въ зубахъ копилку съ надписью: «на помощь страдающимъ животнымъ» и вѣжливо пріостанавливалась, когда туда бросали деньги.

Когда процессія вошла въ Хайдъ-паркъ, не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ его огромная лужайка превратилась въ живописный лагерь, окруженный, какъ заборомъ, воткнутыми въ землю знаменами; всѣ, и люди, и звѣри, усѣлись на траву, откуда-то появились чашки съ водой, изъ которыхъ четвероногіе участники процессіи принялись усердно лакать; на подѣхавшія повозки-платформы взобрались ораторы, и понеслись горячія рѣчи противъ убійства животныхъ и противъ вивисекціи, при чемъ доводы ораторовъ опирались не только на нравственное чувство, но и на научныя изслѣдованія.

Подобные конгрессы имѣютъ значеніе общественныхъ показателей: здѣсь уже не протестъ единичныхъ личностей, здѣсь сказывается пробужденіе общественнаго сознанія.

Народъ, который начинаетъ задумываться надъ своимъ отношеніемъ къ живымъ тварямъ, вступаетъ уже на высшую ступень развитія.

Было время, когда люди поѣдали своихъ ближнихъ и находили это вполнѣ естественнымъ. Это время осталось далеко позади, и грѣховность людоедства не вызываетъ ни въ комъ сомнѣнія.

Но до сознанія грѣховности убійства мы еще не доросли, и только немногіе опередившіе остальныхъ

начинають протестовать противъ грубаго эгоизма, съ которымъ человѣкъъ относится къ «беззащитнымъ тварямъ». А между тѣмъ, пока мы не создадимъ и въ этой области жизни новыхъ нравственныхъ нормъ, отвѣчающихъ не грубымъ инстинктамъ нашей низшей звѣриной природы, а растущей потребности стать дѣйствительно человѣчными,—до тѣхъ поръ мы останемся по существу варварами, сколько бы не утончалась наша внѣшняя культура.

Нечего закрывать глаза на то, что наша человѣчность остается вообще подъ большимъ сомнѣніемъ, разъ наши законы терпятъ организованныя бойни, гдѣ цѣлыя гекатомбы жизни *) приносятся въ жертву нашимъ похотямъ и гдѣ создается низшій типъ человѣка, пропитанный испареньями крови и дѣлающій за насъ то жестокое и грязное дѣло, которое почти ни у кого изъ насъ не хватило бы силы сдѣлать самому.

И чѣмъ оправдываются эти преступленія противъ чужой жизни? Тѣмъ, что природа «жестока», что убійства разлиты въ ней какъ обычное явленіе, и что не одинъ человѣкъ, а и всѣ твари занимаются истребленіемъ другъ друга.

Но если это даже и такъ,—а согласиться съ этимъ можно лишь съ большими оговорками, потому что всѣ тигры и пантеры, вмѣстѣ взятые, лишь невинные младенцы въ сравненіи съ кровожадностью человѣка,—

---

*) Въ Чикаго, гдѣ на бойняхъ ведется статистика, убивается ежечасно 2400 жертвъ.

животныя дѣлають это такъ же стихійно, какъ растеть трава, они *не сознають, что это дурно*, и потому не отвѣчаютъ за свой убійства.

Но положеніе совершенно мѣняется, когда дѣло идетъ о человѣкѣ, одаренномъ сознаниемъ и совѣстью. Передъ нимъ вся природа съ ея безчисленными дарами, которыми онъ можетъ питаться безгрѣшно, и если онъ предпочитаетъ убійства и нанесеніе страданія, онъ *долженъ отвѣчать за это*.

Цѣлыя стада разводятся имъ искусственно для того, чтобы прирученныхъ животныхъ, лишенныхъ всѣхъ средствъ самозащиты, убивать *для удовлетворенія своихъ вкусовыхъ ощущеній*.

Да, я утверждаю, что здѣсь вопросъ идетъ не о необходимости поддержать свое существованіе, а о вкусовыхъ ощущеніяхъ.

Вѣдь мы знаемъ, что цѣлые народы обходятся безъ животной пищи, и что съ каждымъ днемъ во всѣхъ странахъ міра возрастаетъ число вегетаріанцевъ, которые бросаютъ мясную пищу и не только не страдаютъ отъ этого, но испытываютъ явную пользу для своего здоровья.

Наше сознание полно предрасудковъ и суевѣрій. Переходя на новую ступень развитія, мы еще долго живемъ по инерціи тѣмъ, что осталось позади, пережитками варварства, которое мы въ дѣйствительности уже переросли. Къ такимъ пережиткамъ относится и питаніе убитыми животными, и глубоко правъ былъ Л. Н. Толстой, когда сказалъ: *«мясоѣденіе есть пере-*

житокъ варварства, и переходъ къ растительной пищѣ есть самое первое и естественное послѣдствіе просвѣщенія».

Кромѣ того, питаніе мясомъ убитыхъ животныхъ поддерживается нашимъ глубокимъ невѣжествомъ относительно тѣхъ тонкихъ процессовъ жизни, которые совершаются въ невидимой лабораторіи нашего физическаго организма.

Мы совсѣмъ не считаемся съ нуменальной стороною того, что мы вводимъ въ свой организмъ, а между тѣмъ матеріалъ, изъ котораго мы строимъ его, не кирпичи, а живая субстанція, проникнутая опредѣленными психическими свойствами, которыя не поддаются ни взвѣшиванію, ни химическому анализу.

Мы совершенно не задумываемся надъ тѣмъ вліяніемъ, какое наше безжалостное отношеніе къ поѣдаемымъ нами животнымъ можетъ имѣть на качество матеріала, изъ котораго мы строимъ наше физическое тѣло. А между тѣмъ, все наше физическое благосостояніе въ непосредственной зависимости отъ дурнаго или хорошаго характера нашихъ отношеній къ *міру внѣ насъ*.

Благодаря глубокому невѣдѣнію со стороны материалистической науки тѣхъ процессовъ жизни, которые творятся подъ внѣшнимъ покровомъ явленій, она не только допустила, но и санкціонировала три рода преступленій противъ животныхъ: отнятіе у нихъ жизни *для питанія нашего тѣла*, привитіе здоровому животному болѣзней *для поддержанія нашего здоровья*

и жестокия мучительства надъ его организмомъ для развитія науки.

Всѣ эти преступленія, какъ и все грѣховное, могутъ дать только дурные результаты, и съ развитіемъ просвѣщенія они будутъ осуждены и изгнаны изъ того новаго строя жизни, къ которому мы медленно, но неизбѣжно подвигаемся.

Но даже и въ наше время, на Западѣ, особенно въ Англіи, возникъ цѣлый походъ авторитетныхъ медиковъ и ученыхъ противъ нашего грѣховнаго отношенія къ животнымъ. Не мало просвѣщенныхъ докторовъ пришли къ убѣжденію, что море крови, которое ежегодно проливается ради питанія челоуѣчества, идетъ ему не на пользу, а во вредъ: оно усиливаетъ животныя страсти, вызываетъ наклонность къ алкоголизму и создаетъ цѣлый рядъ заболѣваній.

Передовая медицина доказываетъ, что тамъ, гдѣ мясное питаніе вытѣсняетъ все болѣе изъ народнаго обихода растительную пищу, — растутъ заболѣванія и особенно три бича современныхъ клиникъ: воспаленіе червообразнаго отростка, чахотка и ракъ *), которые всѣ три въ непосредственной связи съ обильной мясной пищей и почти совсѣмъ отсутствуютъ у вегетарианцевъ.

---

*) По статистическому отчету за 1909 годъ министерства народнаго здравія въ Новой Зеландіи, оказывается, что страна эта подверглась настоящему народному бѣдствію въ видѣ повальныхъ заболѣваній ракомъ. Объясняется это дешевизной баранины, которую Ново-Зеландцы ѣдятъ три раза въ день вмѣсто хлѣба, который имъ обходится дороже мяса.

Рядомъ съ этими выводами медицинской науки, растетъ число ученыхъ, которые доказываютъ, что весьма сомнительная польза прививокъ сводится къ отрицательной величинѣ. Они утверждаютъ, что улучшение гигиеническихъ условій является несравненно болѣе вѣрнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ заразныхъ заболѣваній, чѣмъ всевозможныя прививки.

Не менѣе поколеблена вѣра и въ пользу вивисекціи. Изъ лагеря ученыхъ все чаще раздаются голоса противъ безцѣльныхъ мученій, которымъ беззащитныхъ животныхъ подвергаютъ въ ученыхъ застѣнкахъ. Все чаще встрѣчается и въ передовой литературѣ, и среди наиболѣе благородныхъ представителей науки осужденіе нашему безжалостному отношенію къ животнымъ какъ съ точки зрѣнія гигиены, такъ и съ точки зрѣнія усовершенствованія человѣческаго типа и усиленія нравственнаго чувства.

Изъ этого можно заключить, что наше сознание дѣйствительно переходитъ на высшую ступень; но необходимо, чтобы это выросшее сознание проникло въ жизнь, чтобы оно вызвало коренныя реформы во всѣхъ подробностяхъ нашего обихода и подняло весь нравственный кодексъ нашего поведенія.

Но есть въ этихъ вопросахъ еще одна сторона, совершенно чуждая западному сознанию, сторона оккультная, относительно которой мнѣ хотѣлось бы дать нѣсколько указаній моимъ читателямъ.

Если допустить хотя бы какъ гипотезу, что за видимымъ физическимъ міромъ существуютъ міры не-

видимые, а за проявленіями видимаго организма кроется невидимая жизнь сознанія, *сохраняющаяся послѣ смерти*, въ такомъ случаѣ необходимо поставить вопросъ: куда же дѣвается «жизнь-сознаніе» тѣхъ безчисленныхъ существъ, которыя ежеминутно—порознь и цѣлыми массами—убиваются человѣкомъ? И имѣетъ ли какое-либо отношеніе сознаніе убитыхъ къ убивающимъ?

Наука молчитъ на этотъ вопросъ, этика европейскихъ народовъ—какъ и во всемъ остальномъ—довольствуется компромиссами, или же ссылается на Библию, на проблематическаго пасхальнаго агнца, и т. д.

Совсѣмъ иначе говоритъ этика древняго Востока или современная теософія.

Она утверждаетъ, что *жизнь едина и законъ единъ* для всей вселенной, видимой и невидимой, и что нарушая законъ здѣсь, на землѣ, мы *неизбѣжно* создаемъ тяжелыя послѣдствія въ невидимыхъ мірахъ, которые можно считать нуменальной стороною міра видимаго; и послѣдствія эти, въ свою очередь, отражаются на земной жизни и приносятъ съ собой благо или бѣдствія съ такой же математической точностью и неизбѣжностью, съ какой ударяющееся о каменную стѣну твердое тѣло отскакиваетъ назадъ.

Одной изъ самыхъ укоренившихся идей современнаго сознанія является *право собственности*. Это «священное право» относится къ вещамъ, домамъ, землямъ, и здѣсь оно ограждается закономъ и нравственнымъ чувствомъ.

Но какъ только вопросъ касается величайшаго изъ всѣхъ правъ, *права живого существа на жизнь*,

тутъ на нравственное сознание современнаго человѣка набрасывается покровъ, сотканный изъ слѣпого эгоизма, и покровъ этотъ заставляетъ человѣка воображать, что весь міръ созданъ для однѣхъ его потребностей, что всѣ окружающія его существа, сходныя съ нимъ по организаціи и по способности радоваться и страдать, существуютъ только ради него, и ихъ жизнь, столь схожая съ его собственной жизнью, не имѣетъ ни своей собственной эволюціи, ни своей собственной цѣли.

Видѣлъ ли кто-нибудь изъ моихъ читателей, питающихся мясомъ, выраженіе ужаса въ глазахъ той курицы, которой дворникъ или поваръ перерѣзываетъ горло? И многіе ли отваживались, какъ Л. Н. Толстой, сходить на общественную бойню и наблюдать надъ психическимъ состояніемъ тѣхъ животныхъ, надъ которыми заносится ножъ убійцы? Кто видѣлъ эти картины, тотъ знаетъ, что въ эти минуты отъ животнаго отдѣляется интенсивная сила, которую можно назвать ужасомъ и предсмертной тоской.

Куда же дѣвается эта сила и во что преобразуется она? Мы прекрасно знаемъ, несмотря на все наше невѣжество въ области душевныхъ переживаній, что любовь вызываетъ любовь, а ненависть порождаетъ ненависть, и что эти невидимыя силы создаютъ совершенно реальную связь между любящими и ненавидящими. Но мы видимъ только обрывокъ этихъ взаимодействій, выразившійся *здѣсь*, на земномъ планѣ; остальная игра тѣхъ же самыхъ взаимодействій ускользаетъ отъ наблюденій нашего трехмѣрнаго разума.

Но она продолжается въ четвертомъ измѣреніи, въ невидимыхъ для большинства мірахъ съ такой же логикой и реальностью, съ какой опредѣленныя послѣдствія слѣдуютъ за причинами, доступными для нашей провѣрки здѣсь, на землѣ. Я сказалъ «для большинства» потому, что даже въ наше время появляются люди съ раскрывшимся внутреннимъ зрѣніемъ, которое даетъ имъ возможность производить наблюденія въ области невидимыхъ міровъ. И то, что они тамъ видятъ и что рассказываютъ, совершенно логично и вполне соотвѣтствуетъ закону причинности, который дѣйствуетъ и у насъ, на землѣ.

Допустивъ, что кромѣ нашего осязаемаго міра существуютъ невидимые міры, гдѣ жизнь-сознаніе продолжается, когда физическая оболочка убита, слѣдуетъ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и спросить себя: какъ отражаются въ этихъ мірахъ страданія убиваемыхъ животныхъ? Чѣмъ выражается этотъ трепетъ ужаса и предсмертной тоски безчисленныхъ жертвъ, жизненный опытъ которыхъ прерывается человѣкомъ снова и снова *недоконченный*? Куда устремляется неудовлетворенная жажда жизни, всѣ обрѣзанныя нити ощущений, всѣ уничтоженныя возможности?

Не естественно ли предположить, что весь потусторонній міръ переполненъ вибраціями страха и ненависти къ человѣку? И не получаютъ ли характеръ полной вѣроятности рассказы ясновидящихъ о томъ, какія угрожающія, ужасъ наводящія явленія несутся на встрѣчу душѣ злого человѣка, вступающаго въ потусторонній міръ?

Отчего происходит страхъ смерти? Оккультистъ знаетъ, что этотъ страхъ—опытъ души, которая въ бреду, въ болѣзни или во снѣ, освобождаясь изъ своего физическаго тѣла, переносилась въ астральный міръ и видѣла, съ какой жуткой реальностью астральныя формы убитыхъ и замученныхъ животныхъ набрасываются на своихъ умершихъ мучителей.

Между убійцей и его жертвой возникаетъ невидимая для насъ, но чрезвычайно сильная магнитическая связь, которая выражается въ потустороннемъ мірѣ тѣмъ, что убитый привлекается къ виновнику своей насильственной смерти и всюду слѣдуетъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока не закончится очистительный періодъ перешедшей въ загробный міръ души.

Можно себѣ представить, какъ пріятно пребываніе въ этомъ мірѣ ученаго вивисектора, за которымъ упорно гонится стая стонущихъ и воющихъ отъ боли истерзанныхъ жертвъ его научныхъ опытовъ...

И напрасно стали бы мы оправдывать себя тѣмъ, что намъ невѣдомы эти невидимыя нити жизни, что мы ничего не знаемъ о переживаніяхъ убиваемаго животнаго. Нѣтъ, каждый изъ насъ видѣлъ хотя мимолетно, какія отчаянныя усилія оно дѣлаетъ, чтобы сохранить свое право на жизнь. И каждый знаетъ, что грѣховность убійства сказывается въ глубинѣ нашей совѣсти совершенно отчетливо, и когда жертвой является человѣкъ, мы ужасаемся и не колеблясь осуждаемъ убійцу. Но эта отчетливость появилась вмѣстѣ съ эволюціей нашего нравственнаго сознанія: было

время, когда человекъ убивалъ своего собственнаго брата съ легкимъ сердцемъ.

Въ настоящее время мы достигли той ступени, на которой убійство человека карается и закономъ и мученіями совѣсти, но на убійство и мучительство животныхъ все еще дается разрѣшеніе и собственной грубостью, и судомъ общественной нравственности. Несомнѣнно, что и эта ступень останется позади насъ, какъ остались позади вѣка людоѣдства, и настанутъ времена милосерднаго отношенія къ беззащитнымъ тварямъ.

Тогда измѣнятся и условія въ потустороннихъ мірахъ, вибраціи этихъ міровъ не будутъ отражаться тяжелыми вліяніями на нашъ земной міръ, и люди перестанутъ бояться смерти. Развѣ мы не знаемъ, что и въ наше время *кроткіе и любящіе умираютъ безъ всякаго страха.*

Современное человечество начинаетъ уже приближаться къ той ступени своей эволюціи, когда его движеніе впередъ требуетъ яснаго сознанія *единства жизни* и осуществленія на дѣлѣ *закона любви и милосердія.* И отдѣльный человекъ, и цѣлый народъ, сознательно нарушающій законъ любви, работаетъ надъ своимъ угасаніемъ, ибо будущее за *сильными въ любви,* а не въ кулачномъ правѣ, за *побѣдившими свою низшую звѣриною природу,* а не за рабами ея. Вотъ почему истинный теософъ такъ горячо протестуетъ противъ боенъ и противъ вивисекціи: во имя чего бы не совершалась жестокость, она всегда влечетъ за собой соотвѣтствующее возмездіе.

Тонкое чувство чести было во всѣ времена признакомъ благороднаго происхожденія. Это чувство законное, но оно искажено узкимъ пониманіемъ рыцарской формулы: *noblesse oblige* (благородство обязываетъ). Истинная человѣчность требуетъ расширенія этой формулы на весь Божій міръ, на всѣхъ, зависящихъ отъ великодушія человѣка.

И несомнѣнно придетъ время, когда растущая совесть *заставитъ* человѣка осудить всѣ хищническія поползновенія въ томъ мірѣ, гдѣ онъ фактически является властелиномъ и законодателемъ. И тогда онъ начнетъ строить новую культуру, основанную не на жестокости, а на любви, которая одна въ состояніи принести человѣчеству и физическое здоровье, и истинное благополучіе.

ПИСЬМО XVIII.

(По поводу чумы.)

На землѣ зарождаются причины всего совершающагося, въ астральномъ мірѣ созрѣваютъ послѣдствія этихъ причинъ.. Послѣдствія эти не исчерпываются тѣми явленіями, которыя мы можемъ наблюдать повсемѣстно вокругъ себя; кромѣ этихъ видимыхъ послѣдствій, созрѣваютъ и другія, невидимыя для насъ, но, тѣмъ не менѣе, реальныя и полныя огромнаго значенія для ближайшаго будущаго народовъ. Они создаются тѣми безчисленными вибраціями ненависти, зависти, страха и отчаянья, которыя несутся отъ смятеннаго человѣчества въ астральный міръ и порождаютъ тамъ условія, при которыхъ возникаютъ прототипы всевозможныхъ заразныхъ бациллъ. Возникая отъ столкновенія потрясающихъ вибрацій человѣческихъ злыхъ страстей, этотъ невидимый носѣвъ *ожидаетъ только благоприятныхъ условий*, чтобы наброситься на землю и воплотиться въ видъ чумныхъ, тифозныхъ, холерныхъ и другихъ бациллъ.

Таковъ истинный круговоротъ жизни: мирная культурная работа вызываетъ гармоническія условія въ астральномъ мірѣ, которыя, съ своей стороны, отзываются благими послѣдствіями на земномъ существованіи человѣка, и наоборотъ: насліе и злоба производятъ страшныя пертурбаціи въ астральномъ мірѣ, а эти послѣднія, въ свою очередь, вызываютъ всевозможныя бѣдствія на землѣ.

Приведенный отрывокъ изъ «Письма къ Читателямъ», написанный лѣтомъ 1909 года, исполняется въ наступившемъ 1911 году съ потрясающимъ реализмомъ. Событія на Дальнемъ Востокѣ—какъ бы страшная иллюстрація къ ученіямъ Теософіи.

Пять лѣтъ назадъ поля Манджуріи были ареной человѣческой дѣятельности, которая по жестокости и по количеству жертвъ не имѣетъ себѣ равной въ человѣческой исторіи.

Съ полями Манджуріи связаны наши самыя страшныя воспоминанія. У кого изъ насъ не было друзей, братьевъ, сыновей или знакомыхъ, оставшихся на этихъ поляхъ навсегда и погибавшихъ тамъ при условіяхъ до того жуткихъ по своимъ страшнымъ подробностямъ, что они въ свое время терзали насъ какъ мучительный бредъ. У кого изъ насъ въ тѣ дни не возникало хотя бы мимолетнаго сознанія, что звѣрство уже не подъ силу современному человѣчеству, что утончившіяся человѣческія свойства сами встаютъ противъ кровавыхъ боенъ, вызывая у участниковъ войны потрясеніе нервной системы до того сильное, что оно доводитъ ихъ до потери всякаго самообладанія, до припадковъ безумія, до преждевременнаго раскрытія передъ глубоко потрясенной душой явленій сверхфизическаго міра...

Представлялъ ли себѣ когда-либо читатель эти поля при яркомъ солнцѣ, когда оно съ безпощадной отчетливостью освѣщало безчисленные трупы съ застывшимъ выраженіемъ ужаса въ мертвыхъ глазахъ, и рядомъ — мучительныя подробности предсмертной агоніи умирающихъ?

Представлялъ ли онъ ихъ ночью, при слабомъ освѣщеніи, когда всѣ грубые земные звуки прекращались и невидимый міръ сплетался своими незримыми

призраками съ отдѣлявшимися душами убитыхъ, двигаясь такъ ощутительно и такъ жутко къ затихшимъ полямъ, что умиравшіе должны были приобщиться къ его невѣдомой жизни еще не переступивъ грани, за которой раскрываются потусторонніе міры?

Поля эти дымились не отъ одной пролитой человѣческой крови; отъ нихъ отдѣлялись невидимыя тучи, заряженныя страшной силы токами, уносившими въ невѣдомыя пространства вихри злобы, отчаянья и безнадежнаго ужаса всѣхъ этихъ замученныхъ жертвъ человѣческаго безумія.

Куда же дѣвались эти заряженныя тучи? Кто задавалъ себѣ этотъ неизбежный вопросъ? Урокъ на поляхъ Манджуріи казался такимъ огромнымъ и незабвеннымъ, что онъ долженъ бы оставить глубокой слѣдъ въ сознаниіи и совѣсти людей. Гдѣ же этотъ слѣдъ? Измѣнилась ли наша жизнь, повернула ли она на новые пути? Пересталъ ли надъ нами витать призракъ войны и обнажилась ли передъ сознаниемъ вся незаконность національнаго и классоваго эгоизма?

Событія отвѣчаютъ на это отрицательно. Жизнь продолжаетъ итти по тѣмъ же путямъ и послѣдствія пережитаго изгладились изъ сердца и памяти людей; но не изгладились они изъ великой памяти природы: въ ея незримой лабораторіи ничто не пропадаетъ даромъ, и то, что представители восточнаго и западнаго полушарій засѣвали пять лѣтъ назадъ на поляхъ Манджуріи, всходитъ страшной жатвой на нашихъ глазахъ.

Возьмите первый попавшійся отчетъ о чумѣ въ Манджуріи. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 21-го января въ письмѣ изъ Харбина описывается такая картина:

«Вмѣстѣ съ русскими и англійскими коллегами посѣтилъ Фудзядянь, представляющій царство мертвыхъ. Умираетъ ежедневно свыше 200 человекъ. Трупы вездѣ—въ фанзахъ, на улицахъ; тутъ же собаки; пожива принадлежитъ имъ. Возлѣ больницы—дворъ, отгороженный изгородью, въ сажень вышиной, до верха набитый трупами... Скорченные трупы вколачиваются въ гробы... Цѣлыми часами тянутся вереницы арбъ съ покойниками. Впечатлѣніе, что здѣсь не хоронятъ людей, а перевозятъ туши мороженого мяса. Власти... начали сжигать: въ разведенные костры бросаются сотни труповъ. Въ воздухѣ запахъ жженого мяса».

А отъ 7 февраля: «Въ Фудзядянь отъ 40-тысячнаго населенія осталось, благодаря чумѣ, тысячъ 15... Оживленный китайскій городокъ затихъ. По улицамъ бродятъ одинокія фигуры... Кое-гдѣ валяются еще неубранные трупы. То и дѣло встрѣчаются двухколесныя катаяскія арбы съ наваленными на нихъ гробами... Гробы эти отвозятъ за городъ и оставляютъ на открытомъ мѣстѣ въ полѣ. Пространство, занятое гробами, тянется по берегу Сунгари и въ сторону отъ нея версты на четыре»... и т. д. и т. д. все въ этомъ же родѣ.

Какіе же выводы дѣлаются изъ всѣхъ этихъ вѣстей съ полей Манджуріи? Мнѣ не попадалось ничего

иного, кромѣ разсужденій о санитарныхъ мѣропріятіяхъ, о мѣрахъ противъ тарбагановъ, свѣдѣнія о черныхъ крысахъ, о блохахъ съ латинскими названіями каждой породы и—ни одинаго звука объ истинной причинѣ страшнаго бѣдствія...

Ни слова о томъ, что міръ пожинаетъ результатъ грѣховной жестокости людей, послѣдствія поправленныхъ законовъ, которые *не могутъ* быть нарушены безнаказанно, ни слова о томъ, что зло *должно* родить зло и что нельзя, сѣя ужасъ и страданія, собирать благоденствіе и радости жизни...

Но, спросятъ читатели, если чума—послѣдствіе человѣческихъ грѣховъ, почему же эти послѣдствія падаютъ на невинныхъ? Такой вопросъ возможенъ до тѣхъ поръ, пока мы еще не сознаемъ, что человѣчество едино, пока не знаемъ, что одна и та же жизнь циркулируетъ во всемъ человѣчествѣ, и чѣмъ болѣе отравы вливается въ его организмъ, тѣмъ болѣе въ немъ заболѣвающихъ и зараженныхъ частей.

Но отчего заболѣваютъ именно *эти*, а не виновные? Иногда оттого, что они наиболѣе невѣжественны и пассивны, а иногда потому, что ихъ укоренившіяся свойства нуждаются болѣе всего въ потрясеніяхъ, въ ударахъ грома... Если мы не признаемъ случайностей, если видимъ не бессмыслицу и хаосъ въ жизни міра, мы должны допустить, что въ мѣстахъ великихъ стихійныхъ бѣдствій воплощаются не совершенные праведники съ высоко развитой душой, а души, нуждающіяся въ особенно сильныхъ воздѣйствіяхъ и толчкахъ.

Разбуженное этими толчками сознание пострадавших не умретъ, какъ мы знаемъ, а будетъ снова жить въ новомъ воплощеніи, но уже не попрежнему, а умудренное пережитымъ опытомъ.

И въ то же время мы можемъ быть спокойны, что законъ Кармы безошибочно совершаетъ свое правосудіе и что отъ него не укроются тѣ, которые были истинными виновниками чумы, которые вызвали эти тучи злобы и страданія, зарядившія астральный міръ страшнымъ посѣвомъ.

Зараза, вызванная дурными страстями людей, проявляется различными способами: ея физическія послѣдствія падаютъ на самыхъ отставшихъ въ смыслѣ внѣшней культуры; гдѣ царитъ бѣдность и тѣснота, грязь и невѣжество, тамъ появляются *наибольше благопріятныя условія для воплощенія заразныхъ разрушителей физическаго здоровья.*

Относительно этихъ послѣдствій внѣшняя культура и хорошія гигиеническія условія—самое дѣйствительное средство; общее благосостояніе и опрятность ограждаютъ людей несомнѣнно отъ *физическихъ* послѣдствій человѣческихъ грѣховъ. И можно быть увѣреннымъ, что когда *всѣ* люди будутъ имѣть просторныя жилища, здоровую пищу и ежедневныя ванны, заразныя болѣзни прекратятся совсѣмъ и перейдутъ въ такую же область преданій, какъ пиры людоедовъ.

Но если санитарныя мѣры коснутся *только* внѣшней стороны человѣческой жизни, а внутреннія свойства человѣка не измѣнятся, зараза будетъ попреж-

нему дѣйствовать, но вызывать она уже будетъ не физическія бѣдствія, а болѣзни нравственныя.

Развѣ все учащающіяся самоубійства молодежи, внутренняя неустойчивость, расшатанность нервной системы и всѣ формы душевныхъ заболѣваній не говорятъ настойчиво и ярко о томъ, что зараза разносится не только на почвѣ физической грязи, но и въ невидимой области души, на почвѣ внутренней нечистоты, порождаемой эгоизмомъ?

Въ области видимой зараза проявляется повальными болѣзнями, въ невидимой—нервнымъ разстройствомъ, тоской, сумасшествіемъ, отвращеніемъ къ жизни и т. д. Это—та же чума, но противъ нея не помогутъ никакія санитарныя мѣры.

Что же можетъ помочь? Прежде всего широко распространенное сознаніе *единства всѣхъ людей*, а затѣмъ ясное пониманіе, что взаимодействіе между видимой физической средой и невидимой психической жизнью человѣчества происходитъ постоянно и неуклонно, *какъ незыблемый законъ природы*.

Такъ же, какъ одинъ человѣкъ не можетъ отгородиться отъ своего народа и процвѣтать въ то время, какъ всѣ остальные болѣютъ и страдаютъ, такъ же невозможно установить грани между физическими и нравственными причинами человѣческихъ страданій. Самыя идеальныя санитарныя мѣры не будутъ дѣйствительными, пока каждый будетъ думать только о себѣ и пока право сильнаго будетъ въ рукахъ эгоистовъ.

И пищи, и чистаго воздуха, и чистой воды, и работоспособности, создающей богатства, достало бы на

всѣхъ, если бы не было злоупотребленій, поддерживаемыхъ человѣческими законами.

Чтобы выйти изъ этого заколдованнаго круга, нужно признать, что *духовная культура такъ же необходима, какъ и культура матеріальная*. Послѣдняя должна быть дѣломъ всего общества и гусударства, тогда какъ нравственная культура—задача индивидуальная. «Каждый человѣкъ поистинѣ самъ для себя и путь, и истина, и жизнь» («Свѣтъ на Пути»), и, прибавлю я, творецъ своего собственнаго внутренняго міра.

Съ внутренняго міра и нужно начинать перестройку и въ немъ водворять ту правду, безъ которой не прекратятся всевозможныя бѣдствія на землѣ. И не нужно бояться одиночества, не нужно думать, что усилія единицъ ничего не значать въ сравненіи съ жизнью всѣхъ. Законъ духовнаго міра говоритъ, что безконечно важнѣе, чѣмъ физическія проявленія человѣка, та внутренняя работа, которая при этомъ совершается въ глубинѣ его души.

Самыя дѣйствія могутъ быть незамѣтны и ничтожны съ точки зрѣнія видимостей, но та духовная сила, которую человѣкъ развиваетъ, когда остается собраннымъ и строгимъ къ себѣ среди общей распушенности, когда сохраняетъ себя чистымъ среди нечистоты, цѣломудреннымъ среди безнравственности, справедливымъ среди всеобщаго нарушенія правды, безкорыстнымъ среди повальной подкупности—такая сила превращается въ огромную энергію въ тѣхъ невидимыхъ мірахъ, гдѣ отражаются послѣдствія всѣхъ человѣческихъ дѣятельствъ.

Она очищаетъ и оздоравливаетъ астральный міръ. Сила эта, порождаемая любовью къ Богу или Идеалу— что съ высшей точки зрѣнія одно и то же—или къ страдающему міру, принадлежитъ уже къ очень высокой области духа, а мы знаемъ, что чѣмъ выше область, тѣмъ могущественнѣе проявленіе ея силы.

Происходитъ это оттого, что духовныя силы человѣка скованы на землѣ страстями и грубо матеріальной средой, которая мѣшаетъ ихъ свободному проявленію. Но по существу своему онѣ настолько могущественны, что стоитъ человѣку вступить въ серьезную борьбу съ своей низшей природой и заставить замолкнуть рѣзкія и яркія вибраціи своихъ земныхъ страстей, какъ онѣ немедленно почувствуютъ всю силу скрытыхъ въ немъ духовныхъ возможностей. Въ дѣйствительности силы эти безграничны, и онѣ могутъ «горы передвигать», если повѣрять въ нихъ до конца.

Когда человѣкъ вызываетъ къ жизни свои духовныя силы любви, проводитъ ихъ черезъ сознательную культуру и вноситъ въ свою земную жизнь, онѣ работаютъ не для одного себя, *а для всего міра*. Онѣ создаютъ очагъ силы, дѣйствіе которой нельзя измѣрить видимыми послѣдствіями. Послѣдствія эти незримы, но они служатъ для поднятія *всего* человѣчества, они влѣютъ на погашеніе дурной Кармы *всего* міра.

Чѣмъ болѣе загорится такихъ очаговъ духовной силы на землѣ, тѣмъ скорѣе совершится переходъ человѣчества изъ мрака къ свѣту. Въ этомъ тайна святости и ея могучаго вліянія на нашъ земной міръ.

ПИСЬМО XIX.

(О Л. Н. Толстомъ.)

Выдающіеся люди всѣхъ временъ отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что одни являютя только зрителями, только наблюдаютъ дѣйствительность, тогда какъ голосъ другихъ раздастся изнутри ихъ души, изъ пережитой ими дѣйствительности, и поэтому голосъ ихъ проникаетъ въ душу человѣка.

Эмерсонъ.

Величіе Толстого состоитъ въ томъ, что для него идеалы заключены не въ матеріальной внѣшней жизни, а истекаютъ изъ человеческой души.

Д-ръ Р. Штейнеръ.

Меня спрашиваютъ: какую оцѣнку съ точки зрѣнія теософіи можно дать Льву Николаевичу Толстому?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо опредѣлить переживаемую эпоху, какъ она должна отражаться въ сознаниі теософа.

По ученіямъ теософіи процессъ человеческой эволюціи идетъ медленно но неуклонно къ совершенствованію, къ богочеловѣчеству, и средствомъ для достиженія этой скрытой цѣли—лицъ въ рѣдкія минуты предчувствуемой душой—служить *постепенное раскрытіе сознанія.*

Весь историческій процессъ можно опредѣлить какъ постепенный переходъ человѣческаго сознанія съ низшихъ ступеней на высшія, какъ развитіе всѣхъ его многочисленныхъ граней, начиная отъ еле теплящагося сознанія первобытнаго человѣка и кончая богочеловѣческимъ сознаніемъ отдаленнаго будущаго, къ которому стремится человѣчество.

Развитіе индивидуальнаго сознанія, доведеннаго до совершенства,—встѣ скрытый смыслъ всѣхъ человѣческихъ переживаній, всѣхъ жизненныхъ драмъ, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ народовъ.

Сознаніе растетъ и развивается отъ столкновеній съ внѣшнимъ міромъ, отъ противодѣйствія, встрѣчаемаго нашимъ сознающимъ *я* въ мірѣ *внѣ* насъ.

Не будь этого міра и его явленій, не будь этого постоянного тренія между *я* и *не я*, не было бы ни дѣятельности, ни сознанія, слѣдовательно не было бы и жизни.

Но смыслъ и цѣль жизни не въ этомъ треніи, не въ этомъ противоборствѣ, не въ этой игрѣ всевозможныхъ силъ, которыя своими многообразными воздѣйствіями на наше сознаніе вызываютъ его ростъ и приводятъ въ дѣйствіе его различныя свойства и способности.

Если бы это было такъ, и вся эта «игра жизни» была безцѣльнымъ калейдоскопомъ, вращающимся по мановенію слѣпой силы,—жизнь сознательнаго существа была бы по истинѣ страшной трагедіей, бессмысленной и жестокой.

Но этого нѣтъ и не можетъ быть. Не можетъ быть уже потому, что въ каждой живой душѣ заложено стремленіе къ порядку, красотѣ и гармоніи, и это стремленіе даетъ полную увѣренность, что источникъ міровой жизни разуменъ и благъ, и что все ведетъ насъ къ великой цѣли, временно скрытой отъ насъ, но несомнѣнно стѣющей всѣхъ тяжелыхъ испытаній, черезъ которыя проходятъ поколѣнія за поколѣніями на нашей землѣ.

Наука духа, какъ съ полнымъ основаніемъ можно назвать теософію, съ виду какъ бы отрывающая насъ отъ дѣйствительности, поднимая наше сознаніе въ міръ идей,—на самомъ дѣлѣ одна только и можетъ приблизить насъ къ сути всѣхъ видимыхъ явленій. Историкъ, который интересуется одними внѣшними событіями, увидитъ въ историческомъ процессѣ только одно движеніе, но *почему* это движеніе происходитъ такъ, а не иначе, и *куда* оно ведетъ, этого ему не будетъ видно. Но если попробовать проникнуть въ исторію человѣчества съ тѣмъ, чтобы угадать, *куда* она насъ ведетъ, можно—даже изъ того ея отрывка, относительно котораго существуютъ историческіе документы—схватить ея общій смыслъ.

Если окинуть однимъ общимъ взглядомъ всѣ прошедшія судьбы Арійской расы отъ самаго начала и до нашихъ дней,—передъ нами начнетъ раскрываться постепенная смѣна *различныхъ ступеней сознанія*, совершенно аналогичная со ступенями сознанія отдѣльнаго нормально развивающагося человѣка.

Конечно, въ подробностяхъ ступени эти сливаются, какъ сливается основная мелодія въ большомъ сложномъ оркестрѣ: запоминающій одни отдѣльные отрывки получить впечатлѣніе пестроты и сложности звуковъ, уловить же основную мысль композитора ему не удастся. То же и съ исторической симфоніей, если позволено такъ выразиться; уловить и понять ея основную мысль чрезвычайно важно, потому что только она и можетъ дать доказательство *единства* всего человѣчества, того, что оно все, въ своемъ цѣломъ, живетъ и работаетъ для одной и той же цѣли, *выполняетъ одинъ и тотъ же разумный планъ жизни*.

Важно никогда не забывать, что жизнь каждаго человѣка не «случайный даръ», а участіе въ общемъ творествѣ, которое будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ лучше выполняется каждая частица этого творчества. Мы живемъ не только для себя, но и для всего міра, и важно, чтобы мы сознавали это.

Нужно только помнить, что на нашу короткую мѣрку личнаго опыта различныя ступени сознанія раскрываются на протяженіи *оформныхъ* историческихъ періодовъ, и что развитіе сложной человѣческой природы происходитъ постепенно, проявляются одна за другой лишь тѣ ея стороны, которыя стоятъ на очереди у большинства человѣчества. Порядокъ, въ которомъ онѣ раскрываются, соотвѣтствуетъ человѣческимъ возрастамъ, и это потому, что человѣчество представляетъ *одно цѣлое и каждая человѣческая душа содержитъ въ себѣ всю его полноту въ зачаткѣ*.

Но понимать «сознаніе» слѣдуетъ при этомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, включая сюда и разсудокъ, и отвлеченный разумъ, и сверхсознаніе, и нравственное сознаніе, которое проявляется черезъ сердце, совѣсть и волю.

Когда мы наблюдаемъ развитіе отдѣльнаго человѣка, мы знаемъ, что въ дѣтствѣ представленія его неопредѣленны, совѣсть говоритъ неясно, воля совсѣмъ еще не развита; что въ юношескомъ возрастѣ ярче всего расцвѣтаетъ критикующій разумъ и самоутвержденіе; въ зрѣломъ возрастѣ развивается нравственное сознаніе и воля, а подъ конецъ жизни, если только она не прошла для человѣка даромъ,—весь опытъ обобщается, и человѣкъ проявляетъ терпимость и сочувствіе ко всему живому.

Тотъ же путь проходитъ и все человѣчество, и то, что мы называемъ его культурами, служитъ для проявленія стоящей на очереди ступени сознанія. Народы, въ которыхъ свойства этой новой ступени выражаются наиболѣе ясно, становятся во главѣ историческаго процесса и играютъ руководящую міровую роль.

Самая древняя культура Аріійской расы отличалась характеромъ созерцательнымъ; высоко поднятое надъ земнымъ сознаніе было устремлено на «Великое Цѣлое», оно сливалось съ вселенной и Богомъ. Религіозныя идеи древнихъ Индусовъ сводились къ идеѣ *единства*, какъ высочайшаго закона вселенной. Ученія древней Индіи создавались Посвященными, Святыми (Rishis) Индіи и давались младенческому человѣчеству для руководства.

Эту ступень широкаго космическаго сознанія можно съ полнымъ основаніемъ сравнить съ младенческимъ періодомъ человѣчества, а двѣ послѣдующія культуры (др. Персидскую и др. Египетскую)—съ дѣтствомъ и ранней юностью.

Вторая культура уже теряетъ первоначальное единство сознанія, въ немъ появляется *дуализмъ*, идея добра и зла, потребность побѣдить злое начало, необходимость бороться, дѣйствовать. На этой ступени сознаніе начинаетъ погружаться въ земное.

Третья культура даетъ начало всѣмъ наукамъ древности, возникаетъ астрологія, алхимія, математика, механика. Всѣ три первыя культуры имѣютъ общія черты: подчиненіе духовному авторитету, единство науки и религіи, связь земногo съ невидимыми мірами, отсутствіе самостоятельности, слабо развитая индивидуальность.

Звеномъ, соединяющимъ первыя ступени сознанія съ новой эрой, являются древніе Семиты, которые вносятъ въ міръ ясно выраженное *личное начало*.

Слѣдующая ступень, которую можно назвать цвѣтущей молодостью человѣчества, блистательно выражена древними греко-латинскими народностями. Это—эпоха могучаго искусства, когда вся свѣжесть и весь энтузіазмъ молодыхъ силъ человѣчества воплощается въ земномъ творествѣ. Греческій культъ красоты, титаническая борьба съ богами, въ которой выражается возникающее дерзновеніе личной воли, а позднѣе—развитіе гражданскаго права у древнихъ Римлянъ,

имѣвшее задачей огражденіе личности въ новыхъ условіяхъ государственной жизни,—все это поднимаетъ значеніе *личною начала*, подготавливая народы къ христіанской эрѣ.

«Христось открыль цѣнность каждой отдѣльной души человѣческой и никто уже не въ состояніи уничтожить значеніе этого открытія». Эти слова Гарнака (*Wesen des Christentums*) прекрасно опредѣляютъ главный смыслъ наступившей христіанской культуры.

Ея задача, выполненная западно-европейскими народами, *перенести центрѣ тяжести на личность, на ея индивидуальное развитіе*. Отъ широкаго, но неопредѣленнаго сознанія, обнимавшаго все «Великое Цѣлое», которымъ Аріійскіе народы обладали на зарѣ своей жизни, сознаніе переходитъ—все болѣе суживаясь—къ ясности, къ острому анализу, къ точнымъ научнымъ методамъ, и главной его задачей становится проведеніе всего духовнаго богатства человѣчества чрезъ матеріальную культуру. Все вниманіе европейскихъ народовъ обращается исключительно на одно земное, на технику, промышленность; наступаетъ вѣкъ машинъ; все духовное погружается глубоко въ физическое.

Геніи служатъ всегда проводниками тѣхъ идей, которыя стоятъ на очереди, они даютъ своей эпохѣ тотъ импульсъ который нуженъ именно для даннаго времени.

Если объединить всю западно-европейскую дѣятельность послѣдняго вѣка въ нѣчто цѣлое, мы увидимъ,

что всѣ передовые люди, давшіе опредѣленный колоритъ своей эпохѣ, выполняли одну и ту же миссію: внѣдрить сознание челоѣка въ чисто земное, оторвать его отъ невидимыхъ міровъ, воплотить отвлеченныя идеи въ возможно болѣе конкретные образы.

Кантъ оформливать разрывъ духа и разума, провозглашая что *суть вещей не познаваема*, и отводитъ ей область вѣры. Разрывъ науки и религіи, формы и жизни, земного и потусторонняго, совершается окончательно. Человѣчество вступаетъ въ зрѣлый возрастъ. Какія же новыя задачи ожидаютъ его? Какова будетъ та новая ступень сознанія, на которую оно готовится перейти?

Только проникнувъ въ общій смыслъ историческаго процесса, можно понять и истинную задачу своей эпохи и роль современныхъ народовъ и можно вѣрно отвѣтить на поставленный вопросъ.

Вся задача западно-европейской цивилизаціи направлялась къ тому, чтобы довести матеріальность сознанія и личное начало до полного своего выраженія, до внутренней необходимости поворота на восходящую линію, на которой «личное должно развернуться въ *сверхличное*», какъ выразился д-ръ Штейнеръ въ одной изъ своихъ лекцій.

Въ настоящій моментъ западная культура дошла до своего апогея; дальше по тѣмъ же линіямъ идти уже некуда. Но этихъ словъ не слѣдуетъ понимать какъ порицаніе. Культура эта была необходима для челоѣка, для перехода его на высшую ступень *вну-*

тренней свободы и нравственнаго сознанія, и она въ совершенствѣ исполнила свою роль, развивъ аналитическій разумъ, утончивъ нервную систему, выработавъ самостоятельность, обогативъ жизнь человѣческую великими открытіями и важными завоеваніями въ области природы.

Безъ этой подготовки движеніе человѣчества впередъ было бы невозможно, и безъ кипучаго разнообразія западно-европейской земной дѣятельности, безъ всѣхъ ея испытаній и потрясеній, мы еще не скоро достигли бы той зрѣлости духа, которая необходима для осуществленія высшихъ нормъ жизни.

И все же, если прежнее направленіе западнаго творчества продлится далѣе, чѣмъ это необходимо для развитія, если будутъ попытки задержать движеніе жизни на прежнемъ уровнѣ, та же культура, которая такъ много послужила развитію, станетъ ея тормазомъ.

Человѣческая жизнь то же, что потокъ: она *должна свободно стремиться впередъ*, и если ее искусственно задержать, неизбежно *образуется застой и начнется разложеніе.*

Передовая волна человѣчества, которая всегда опережаетъ сознаніе остальныхъ, чувствуетъ это очень опредѣленно, и мы видимъ новыя вѣянья повсюду: въ литературѣ, въ драмѣ, въ наукѣ и искусствѣ, а главное—въ тревожномъ исканіи новыхъ началъ жизни. Эта тревога—вѣстникъ *новой ступени сознанія*, которая идетъ на смѣну отжившей матеріальной культурѣ.

Признакомъ этой новой ступени будетъ *духовное сознаніе*, руководимое закономъ любви; въ науку оно

внесеть ученіе о духѣ, въ религію—единство, въ общественный строй взаимопомощь и братство, въ международныя отношенія общее розоруженіе и сближеніе народовъ.

Время, когда это наступитъ, зависитъ не отъ внѣшнихъ событій, а отъ сознанія тѣхъ, которые творять земную жизнь; и народъ, который пойдетъ во главѣ остальныхъ народовъ, будетъ тотъ, въ которомъ раньше другихъ пробудилось духовное сознаніе.

Въ эпоху внутренняго перелома, подобную нашей, когда пережитая ступень уже перестала удовлетворять общественную совѣсть, появляется геніальный человѣкъ, который какъ въ яркомъ фокусѣ воплощаетъ въ себѣ еще смутныя, но уже зародившіяся стремленія современнаго человѣчества. Для нашей эпохи такимъ человѣкомъ является Левъ Николаевичъ Толстой. Недавно происходившее празднованіе дня его рожденія показало, что онъ принадлежитъ не намъ однимъ, но и всему міру. Нѣтъ страны на землѣ, гдѣ бы его не знали и не прислушивались къ его голосу.

Въ чемъ тайна его обаянія надъ лучшими людьми всѣхъ странъ и народовъ?

Человѣчество давало не мало геніевъ; какъ яркія звѣзды зажигались они на общественномъ горизонтѣ, то обобщая въ одну стройную систему всю научную работу своего вѣка, то давая сильный толчекъ сознанію людей, то внося новыя начала въ науку и искусства.

Геніальность Льва Николаевича совсѣмъ особаго свойства: изъ нея исходитъ вся сила его духовнаго

творчества, въ ней—источникъ его необыкновенной жизни и небывалаго вліянія на весь міръ. «Геній совѣсти» можно бы назвать его, опредѣляя однимъ словомъ ту роль, которую сыграло его творчество въ сознаніи современниковъ. Онъ будилъ совѣсть неустанно, съ потрясающей искренностью, не сдаваясь ни на какіе компромиссы, не уступая ни пяди изъ своихъ вѣрованій, не останавливаясь не передъ какими послѣдствіями.

Необычайное вліяніе Льва Николаевича и исходитъ изъ того, что онъ сосредочилъ всю жизнь своего духа на *цѣльной вѣрѣ*, пренебрегая и злобой дня, и современными теченьями, что онъ призывалъ—минуя условныя правды—къ *вѣчной правдѣ*, вѣря въ нее съ такой великой силой, что эта сила зажигала всѣхъ, слушавшихъ его и поднимала ихъ надъ мракомъ и грѣхомъ текущей жизни.

Какъ могучій благовѣсть вѣры въ неумирающую красоту человѣка звучать его слова: «если бы люди только поступали какъ требуетъ того сердце и разумъ, сразу бы разрѣшились всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ измученные люди всего свѣта». Вотъ эта способность—даже среди мрака—смотрѣть не отрываясь на загорѣвшійся передъ нимъ свѣтъ и неустанно призывать къ этому свѣту и другихъ, это поглощеніе всей души безъ остатка одной великой идеей и даетъ ему такую власть надъ душой человѣка.

Нужды нѣтъ, что эта цѣльность дѣлаетъ его прямолинейнымъ и не считающимся съ духомъ времени:

съ точки зрѣнія обыкновеннаго человѣка, это—недостатокъ.

Но у учителя жизни, у ясновидца новой ступени сознанія—своя особая психологія и его нельзя понять, прикладывая къ нему обыкновенную мѣрку. Его нужно брать всего, цѣликомъ, какъ собирательное духовное явленіе и не забывать, что великая вѣра должна озарять *такимъ* великимъ свѣтомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ временныя явленія, какъ бы они мучительны не были.

Въ этомъ—причина его неуступчивости духу времени и его спокойствіе передъ цѣлыми тучами непониманія, которыя со всѣхъ сторонъ неслись на него.

Когда онъ говоритъ о «религіозномъ сознаніи», начинаютъ подводить итоги той «религіи, которая привела къ инквизиціи, къ стѣсненію свободы совѣсти и мысли»..., или когда онъ говоритъ: «не противьтесь злomu»—передъ смятеннымъ умомъ возникаетъ призракъ уступчивости и покорности, не смотря на то, что вся его жизнь была на нашихъ глазахъ сплошной борьбой съ царящимъ зломъ, мужественной и неутомимой.

И если бы люди воспринимали нравственныя явленія одной логикой, между великой совѣстью Льва Николаевича и современниками раскрылась бы непреходимая бездна. Но этого нѣтъ, потому что человѣкъ воспринимаетъ не только ограниченнымъ разумомъ, но и высшимъ сознаніемъ и сердцемъ, и оно-то и дѣлаетъ для насъ Льва Николаевича дорогимъ и необходи-

мымъ, и заставляетъ весь міръ любить и почитать неутомимаго будителя совѣсти.

Идти въ уровень съ современными понятіями онъ не можетъ уже потому, чтъ его сознание поднялось выше сознанія современнаго міра, и все его вниманіе устремлено на то, что другимъ еще не видно. А ему уже видно что *«новое пониманіе жизни состоитъ въ томъ, чтобы каждый человѣкъ подчинялся только одному высшему закону любви, который даетъ высшее благо какъ каждому отдѣльному человѣку, такъ и всему человѣчеству. Только сознание людьми въ себѣ высшаго духовнаго начала и вытекающаго изъ него истиннаго человѣческаго достоинства можетъ освободить людей отъ порабощенія однихъ друими. И сознание это уже растетъ въ человѣчествѣ и всякую минуту готово проявиться»*.

Въ такое время какъ наше, когда старое уже изживается, а новое еще не выяснилось, нужна именно такая цѣльная вѣра, такой неколеблющійся свѣтъ, отъ чистой силы котораго разгоралось бы то лучшее, что уже зажглось въ глубинѣ человѣческой совѣсти, и что подниметъ сознание людей на высшую ступень.

ПИСЬМО XX.

(Объ аскетизмъ.)

Немного найдется вопросовъ, которые бы вызывали такія противорѣчивыя рѣшенія и такую путаницу въ понятіяхъ, какъ вопросъ объ аскетизмѣ. Мрачный фанатизмъ темнаго монаха и сознательное воздержаніе духовно-развитога мыслителя, безцѣльныя самоистязанія индускихъ факировъ и проповѣдь о самоусовершенствованіи Льва Николаевича Толстого—все это сводится къ одному, къ одной и той же идеѣ «аскетизма».

Передъ этой идеей одни простираются во прахъ, признавая въ ней величайшій подвигъ, другіе же смѣшиваютъ ее съ грязью, считая враждебной истинному прогрессу.

Среди безконечныхъ оттѣнковъ мнѣній объ аскетизмѣ, церковный взглядъ и взглядъ матеріалистическій представляютъ какъ бы два противоположные полюса.

Первый видитъ въ монашескомъ аскетизмѣ только духовный подвигъ, и не останавливается на его отрицательныхъ сторонахъ; второй, наоборотъ, отыскиваетъ однѣ только отрицательныя стороны, проходя безъ

всякаго вниманія мимо психологіи тѣхъ великихъ подвижниковъ, къ которымъ нельзя относиться безъ глубокаго уваженія, и какъ бы не замѣчаетъ, что къ такому явленію не слѣдуетъ подходить съ одной только общественной мѣркой, что его нельзя рѣшать безъ пониманія тѣхъ глубокихъ душевныхъ процессовъ, изъ которыхъ возникаетъ тяга къ уединенію, исканіе подвижничества, потребность созерцательной жизни.

Если разсматривать монашескій аскетизмъ съ серьезнымъ вниманіемъ, передъ нами развернется длинный рядъ его ступеней, начиная съ вершины, на которой, сіяя совершенствомъ, стоятъ святые всѣхъ временъ и народовъ, и кончая мрачными потемками, гдѣ притаились изувѣрство и человѣконенавистничество.

И если исключить великихъ подвижниковъ, психологія которыхъ сама по себѣ представляетъ такой глубокой интересъ, что ее не хотѣлось бы затрагивать мимоходомъ, а съ другой стороны—всѣхъ, кто только внѣшнимъ образомъ примыкаетъ къ монастырю, есть въ монашескомъ аскетизмѣ одна общая черта, которая основана на невѣрномъ представленіи о тѣхъ интимныхъ процессахъ, которые совершаются въ борющейся душѣ аскета.

Черта эта—стремленіе *уничтожить* низшую природу, заклѣсть, побороть ее постомъ и молитвами, и это стремленіе играетъ такую первенствующую роль въ монашескомъ аскетизмѣ, что вся его психологія сводится, въ сущности, къ *непрестанной брани* съ низшими влеченьями, инстинктами и страстями человека.

Что эта «непрестанная брань» не проходит безслѣдно, какъ не проходитъ безслѣдно ни одно активное усиліе человѣка, тѣмъ болѣе когда оно проявляется въ области духа,—объ этомъ мы будемъ говорить позднѣе, а теперь мнѣ хотѣлось бы освѣтить причину, *почему* борьба съ низшей природой въ огромномъ большинствѣ случаевъ остается безплодной, и, съ какой бы силой не подавлялись ея проявленія, она продолжаетъ снова и снова оживать къ великому смущенію и ужасу аскета.

Можно цѣлыми годами держать свою низшую природу въ суровомъ повиновеніи, но стоитъ лишь ослабить напряженіе, разсѣяться, уклониться на время отъ борьбы съ ней, какъ она опять, со всѣмъ упорствомъ стихійной мощи, овладѣваетъ человѣкомъ. Всѣ исповѣди монаховъ переполнены этимъ мучительнымъ безсиліемъ въ борьбѣ съ своими природными влеченіями, особенно съ сильнѣйшимъ изъ нихъ—съ половою страстью.

Теософія, проникающая своими знаніями въ несравненно болѣшя глубины человѣческой души, чѣмъ западная психологія, даетъ объясненіе этому кажущемуся безсилію человѣка. Въ дѣйствительности, безсиленъ не самъ человѣкъ, а лишь *его способъ борьбы съ своей низшей природой*.

Пока та или другая страсть еще не изжита, бесполезно изгонять ее: несмотря на всѣ усилія, она остается въ человѣкѣ, иногда притаившаяся въ скрытомъ мѣстѣ; уничтожить ее нельзя, потому что по закону

духа наши страсти подлежатъ не *уничтоженію*, а *преображенію*.

Каждая человѣческая страсть имѣетъ два полюса: одинъ коренится въ животной природѣ человѣка и въ его самости, другой, противоположный, въ его божественной природѣ. *Сознательное передвиженіе вѣсьхъ стремленій и желаній, свойствъ и страстей съ низшаго полюса къ высшему и составляетъ содержаніе внутренняго процесса человѣка, его движенія къ духовности, къ богочеловѣчеству.*

Безошибочный признакъ того, что человѣкъ все еще стоитъ внизу—въ *эгоистичности* его страстей, и такой же безошибочный признакъ его приближенія къ верхнему полюсу—въ *сверхличности* его страстей, въ потребности выковать изъ нихъ сильное орудіе для служенія *не себѣ* и своему личному благополучію, а Богу, человѣчеству, всему міру, смотря по тому, на которую изъ этихъ идей устремлено сознание человѣка.

Низшій полюсъ тянетъ къ разобщенію, къ самоутвержденію, къ принесенію всего и вѣсьхъ въ жертву своей личности. Верхній полюсъ ведетъ къ единенію, къ самоотреченію, къ принесенію себя и своихъ интересовъ въ жертву интересамъ цѣлаго, будетъ ли это «цѣлое» являться человѣку какъ Богъ, какъ вселенная или какъ человѣчество.

И вверху страсть остается той же страстью, могучимъ стимуломъ для дѣятельности, напрягающимъ вѣсь силы человѣка, устремляющимъ его къ героиче-

ской борьбѣ ради достиженія желаннаго. И только полное невѣдѣніе жизни духа и ея законовъ могло создать наивное представленіе о духовныхъ переживаніяхъ какъ о чемъ-то блѣдномъ, безкровномъ, противоположномъ «захватывающей красотѣ яркихъ земныхъ страстей».

Въ дѣйствительности, самыя яркія земныя страсти— лишь блѣдное отраженіе тѣхъ пламенныхъ переживаній, которыя опаляютъ человѣческое сердце на горнихъ высотахъ духа, сжигая въ немъ все личное и преобразуя его въ могучій очагъ непреодолимой нравственной силы и сверхличной любви.

Вотъ почему бесполезно *убивать* страсти. Страсти безсмертны, онѣ могутъ лишь очищаться и подниматься, изъ животныхъ преобразаться въ человѣческія, изъ человѣческихъ въ божественныя, и это достигается или постепенно, черезъ страданія и радости, черезъ борьбу и испытанія многочисленныхъ земныхъ воплощеній человѣка, или же черезъ ускоренный и, вслѣдствіе этого, страшно напряженный внутренній трудъ, быстро сжигающій всѣ нечистыя примѣси страстей, на что способны лишь немногіе *сильные духомъ*, далеко опередившіе остальныхъ людей.

Для этихъ немногихъ сильныхъ, проходящихъ черезъ процессъ очищенія съ невѣроятнымъ для обыкновеннаго человѣка напряженіемъ *всѣхъ* жизненныхъ силъ, аскетизмъ необходимъ: иначе организмъ не выдержитъ напряженія.

Но прошедшіе черезъ такой огонь не проклинали человѣческую природу; они *все прощаютъ, потому*

что все понимают, и лишь зовутъ людей на высоту, гдѣ злая борьба и разъединеніе замѣняются чуднымъ миромъ, любовью и прощеніемъ.

Всѣ же, проклинающіе земную жизнь, всѣ человѣконенавистники, самымъ настроеніемъ своимъ доказываютъ, что они не достигли цѣли, не смогли убить своихъ эгоистическихъ страстей и, *побѣжденные, возненавидѣли самую природу человѣческую.*

Для этихъ еще не пробилъ часъ, и они еще такъ далеки отъ преображенія въ божественную чистоту, что для нихъ полезнѣе было бы устремить свои силы на *очеловѣченіе* своихъ страстей, а это достигается легче всего благодаря земнымъ привязанностямъ, черезъ семью и бракъ, черезъ сильную любовь къ близкимъ и особенно къ женщинѣ. Въ этой сильнѣйшей изъ страстей человѣческихъ особенно ярко выражается ступень, до которой достигла совѣсть человѣка: для дикаря съ еле пробудившимся сознаніемъ, исключительно чувственное отношеніе къ женщинѣ не вызоветъ угрызенія совѣсти, но какъ только человѣкъ поднялся надъ стихійною жизнью животнаго, такое отношеніе становится грѣхомъ, потому что онъ *можетъ поступать лучше.*

Какъ часто приходится слышать со всѣхъ сторонъ жалобы на тяжесть жизни, на море несправедливости, на сгущающуюся тьму... Въ отвѣтъ на всѣ эти жалобы хотѣлось бы посовѣтовать всѣмъ недовольнымъ провѣрить этимъ точнѣйшимъ изъ всѣхъ показателей состояніе своей собственной совѣсти...

Пока большинство находить терпимымъ сохранять свои отношенія къ женщинѣ *на животной ступени*, до тѣхъ поръ и вся жизнь не можетъ подняться и очеловѣчиться, потому что *въ этомъ* корень и основа общественной этики.

Пока челоѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ (и обратно) стремится къ собственной усладѣ, онъ еще не поднялся на челоѣческую ступень. На челоѣческой ступени животная страсть преобразуется въ личную любовь, которая стремится прежде всего къ счастью и удовлетворенію любимаго существа и лишь *черезъ это счастье и удовлетвореніе* получаетъ свою усладу.

На слѣдующей, высшей ступени, личная страсть уже не въ состояніи удовлетворить расширившееся и просвѣтленное сердце: на этой ступени страсть преобразуется въ сверхличную любовь, чаще всего къ божественному Идеалу, иногда къ челоѣчеству, ко всему міру. Сила, вѣрность и блаженство этой преобразенной страсти превышаютъ личную страсть на столько же, насколько послѣдняя превышаетъ животную.

Въ поэмѣ *Іоаннъ Дамаскинъ* дается намекъ на силу и восторгъ такой сверхличной страсти; здѣсь передъ нами уже *побѣдитель*, переплавившій всѣ личныя влеченія въ одну необъятную радость достигнутаго сліянія частичной своей жизни съ жизнью всего міра. «О, еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я, всю душу вмѣстѣ съ вами слить... о, еслибъ могъ въ мои объятія, я васъ, враги, друзья и братья, и всю при-

роду заключить!» А далѣе, поэтъ выражаетъ пламенное стремленіе любящаго сердца, его жажду отдать себя; онъ говоритъ: «зачѣмъ я не могу нести, о, мой Господь, Твои оковы, Твоимъ страданіемъ страдать и крестъ на плечи Твой пріять и на главу вѣнецъ терновый! О, еслибъ могъ я лобызать лишь край святой Твоей одежды, лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ, о, мой Господь, моя надежда, моя и сила и покровъ... Тебѣ хочу я всѣ мышленья, Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать, и думы дня, и ночи бдѣнья, и сердца каждое бѣенье, и душу всю мою отдать!»

Не отраженіемъ ли этого чистаго восторга служатъ лучшія земныя переживанія человѣка, его жажда отдать себя, свои силы, свою нѣжность и «сердца каждое бѣенье», которыя онъ испытываетъ на зарѣ чистыхъ радостей своей первой любви? Это—тѣ моменты, когда человѣку удается на многовеніе разрушить стѣны, отдѣляющія его личное *я* отъ жизни другого *я*—моменты, которые даютъ лишь слабое понятіе объ огненной силѣ, могучей полнотѣ и блаженствѣ истинной жизни, когда индивидуальность сливается съ жизнью остальнаго міра и, содрогаясь отъ ея безбрежности, принимаетъ въ свои объятія «и въ полѣ каждую былинку и въ небѣ каждую звѣзду!»

ПИСЬМО XXI

(Аскетизмъ монаха и оккультиста.)

Въ прошломъ письмѣ я старался выяснить, что прямая цѣль монашескаго аскетизма—уничтоженіе страстей—не можетъ быть достигнута; по законамъ духа человѣческія страсти не уничтожаются, а преображаются, или очень медленнымъ путемъ естественной эволюціи, или же огромнымъ напряженіемъ и такой героической борьбой, на какую способны лишь очень немногія, исключительныя натуры.

Но, какъ я уже упомянулъ, ни одно усиліе человѣческой воли не проходитъ безслѣдно, и монашескій аскетизмъ, несмотря на всю его видимую бесплодность, все же оставляетъ большіе и цѣнные слѣды въ невидимой лабораторіи внутренняго творчества.

Если принять ученіе теософіи о многочисленныхъ существованіяхъ на землѣ, тогда становится яснымъ, что аскетизмъ монаха, вся его трудная борьба съ своеволіемъ своей временной личности, то, что называется «послушаніемъ», а такъ-же и точное соблюденіе строгаго устава жизни, должны отразиться въ

будущемъ воплощеніи *сильно выросшей волей, самообладаніемъ и настойчивостью въ достиженіи намъ-цѣнныхъ цѣлей*; а мы знаемъ, насколько эти свойства дѣлаютъ земную дѣятельность болѣе цѣнной и болѣе энергичной; можно навѣрно сказать, что чѣмъ искреннѣе, неуклоннѣе и строже былъ аскетизмъ монаха, тѣмъ энергичнѣе и активнѣе будетъ его земная дѣятельность въ слѣдующемъ воплощеніи.

Насколько великъ трудъ истиннаго монаха, въ этомъ мы можемъ убѣдиться каждый разъ, когда намъ приходится отвыкать отъ какой нибудь установившейся привычки, или когда что либо заставляетъ насъ упорядочить сызнова строй нашей жизни. Иногда нездоровье требуетъ полной перемѣны въ распредѣленіи нашего дня, и мы всѣ знаемъ, до чего трудно бываетъ справляться съ своими недисциплинированными желаніями.

Сейчасъ мнѣ вспоминается знакомый, очень дѣятельный инженеръ, которому врачъ—какъ спасеніе отъ развивающейся болѣзни—прописалъ правильное вставанье и утреннюю прогулку; забавно было слышать, какъ этотъ энергичный, всегда властный человекъ стоналъ: «это хуже всякаго Мукдена! Легче неприступную крѣпость взять, чѣмъ продѣлывать надъ собой такое насиліе!» И отказался, объявилъ что *не* въ состояніи превозмочь себя.

Аскетическій строй жизни съ строгой дисциплиной и постояннымъ принужденіемъ себя не къ тому, чего хочется, вырабатываетъ чрезвычайно цѣнный

ритмъ въ организмѣ; и рядомъ съ этимъ, постоянная борьба аскета съ нежелательными мыслями и эмоціями, и необходимая для этого *внутренняя собранность* является такимъ могучимъ средствомъ для развитія воли, равнаго которому не найти въ современной жизни.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы монастыри, въ какую бы форму они ни вырождались, были явленіемъ желательнымъ. Въ нихъ, рядомъ съ положительной стороной, которая *достигается одинаково и внѣмонастырскимъ аскетизмомъ*, развилось столько отрицательныхъ сторонъ, что враждебное отношеніе къ нимъ сознательной части общества вполнѣ заслужено.

Но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, монастыри имѣютъ огромное значеніе: пока монастыри еще существуютъ и продолжаютъ притягивать къ себѣ народъ, необходимо понять, *въ чемъ* заключается тайна этого притяженія.

Тайна эта въ томъ, что только *сверхличныя, т. е. религіозныя идеи имѣютъ силу вдохновлять людей, вести ихъ впередъ, утоляютъ ихъ духовный голодъ*. И пока стремящіеся обновить русскую жизнь и двинуть ее впередъ, не внесутъ въ народную жизнь сверхличныхъ, т. е. религіозныхъ идей, народъ будетъ проходить мимо нихъ, жадно розыскивая хлѣбъ жизни въ скитахъ и монастыряхъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, мнѣ приходилось говорить съ моими читателями о томъ, какое вели-

кое значеніе придаетъ теософія *земной дѣятельности* человѣка; но въ то же время она учитъ, что нравственно недисциплинированный человѣкъ, не подчинившій свою личную волю *авторитету сверхличныхъ идей*, ничѣмъ не огражденъ отъ того, чтобы его дѣятельность не приняла характеръ эгоистическій, а слѣдовательно и неправедный.

Вотъ почему во всѣхъ эзотерическихъ школахъ, гдѣ посвященнымъ ученикамъ довѣрялись оккультные методы духовнаго саморазвитія и передавались тѣ ученія, которыя въ наше время обнародованы впервые подъ именемъ теософіи,—аскетизмъ, несмотря на то, что ученикъ оставался въ мірѣ, входилъ всегда какъ необходимое условіе духовнаго роста.

Въ главныхъ своихъ чертахъ онъ совпадаетъ съ высшими ступенями аскетизма, которому слѣдовали и христіанскіе подвижники, но цѣль его опредѣляется иначе: личное усовершенствованіе признается не цѣлью, а лишь *средствомъ для служенія міру*.

Въ кругъ такого аскетизма входитъ одинаково какъ очищеніе тѣла, такъ и очищеніе мыслей и чувствъ человѣка. Для очищенія тѣла требуется полное воздержаніе отъ мясной пищи и отъ алкоголя; это—первая ступень, не перейдя которую нельзя вступить въ область истинно духовной жизни: нельзя уже потому, что мясная пища и алкоголь вызываютъ въ тѣлѣ грубыя вибраціи, убивающія тонкія проявленія жизни духа; и еще потому, что построенные изъ грубыхъ матеріаловъ, мозгъ и нервная система не въ со-

стояніи стать хорошими проводниками энергичныхъ и быстрыхъ вибрацій высшей жизни.

Кромѣ того, расширяющееся сознание ученика, сильно раздвигая границы его *сочувствія*, вызываетъ такое бережное отношеніе ко всякой чужой жизни, при которомъ убивать животное для своего питанія или косвенно содѣйствовать этому убійству, становится уже *невозможнымъ*.

Рядомъ съ чистой пищей и умѣренностью въ ѣдѣ требуется и опредѣленный ритмъ жизни, строгій порядокъ въ чередованіи бодрствованія и сна, работы и отдыха. Безъ введенія строгаго порядка въ работу организма, послѣдній не можетъ стать послушнымъ орудіемъ духа. Чѣмъ беспорядочнѣе и произвольнѣе образъ жизни, тѣмъ деспотичнѣе становится тѣло, что мы и видимъ въ высшихъ классахъ общества, которые привыкаютъ жить въ полномъ рабствѣ у своихъ физическихъ вкусовъ, прихотей и влеченій и отдаютъ большую часть своего времени и силъ на ихъ удовлетвореніе.

Здѣсь мы опять имѣемъ двѣ сходящіяся крайности: монашество грѣшитъ тѣмъ, что оправдываетъ *недѣланье* ради *усмиренія* своей плоти, а современный матеріалистическій строй грѣшитъ тѣмъ, что оправдываетъ *чрезмѣрное дѣланіе* ради *удовлетворенія* своей плоти. И то, и другое одинаково чуждо истинной духовности.

Истинная духовность требуетъ не *ионенія* на плоть и не *обожествленія* плоти, а *преображенія* ея въ со-

вершенное и послушное орудіе духа. Изъ полного подчиненія тѣла духовному началу человѣка, въ послѣднемъ вырастаетъ такая могучая сила, о размѣрахъ которой мы можемъ судить лишь приблизительно по тѣмъ святымъ подвижникамъ и великимъ основателямъ религій, которые, побѣдивъ себя, становились Учителями и Руководителями человѣчества.

И все же, несмотря на всю свою самоотверженную любовь къ людямъ, и они стремились въ уединеніе и всѣ избѣгали людского шума. Останавливаюсь на этой чертѣ потому, что такъ часто раздаются несправедливые упреки: *почему* святые предпочитаютъ спасаться въ лѣсахъ и пустыняхъ вмѣсто того, чтобы жить въ тѣсномъ общеніи съ людьми?

На *очень* высокой ступени развитія это—не возможно, потому что у вполне очистившагося человѣка развивается такая утонченная чувствительность, которая дѣлаетъ для него невыносимыми грубыя вибраціи большихъ городовъ. Даже Францискъ Ассизкій, весь горѣвшій нѣжнѣйшей любовью къ людямъ, особенно къ угнетеннымъ и грѣшникамъ, и тотъ не могъ оставаться среди городского шума, а выбралъ для себя и своихъ учениковъ уединенную хижину вдали отъ города, поближе къ «сагсегі», къ тѣмъ лѣснымъ гротамъ, высѣченнымъ природой въ горѣ Субазіо, которые были почти недоступны по крутизнѣ вьющихся къ нимъ тропинокъ; туда онъ удалялся отъ времени до времени, чтобы остаться наединѣ съ Богомъ и съ своей душой.

Иначе физическій организмъ, потрясаемый грубыми вибраціями окружающей жизни, не смогъ бы удержать ту собранную цѣльность и гармонію и тотъ тихій свѣтъ сверхличной любви, которымъ живетъ побѣдившій духъ человѣка.

Безъ этихъ признаковъ нѣтъ истинной духовности, безъ нихъ не достигнута еще побѣда. Побѣдитель свѣтитъ своей ясностью и своей любовью. Словами яснаго Франциска Ассизкаго и закончу это письмо къ моимъ читателямъ. Онъ не любилъ мрачныхъ лицъ и замѣтивъ грустное лицо у своего ученика, сказалъ ему: «если ты совершилъ какой-либо грѣхъ, раскаивайся въ немъ, когда останешься наединѣ съ Богомъ. Съ людьми же сохраняй ясность духа, ибо не должно имѣть угрюмаго лица, когда находишься на службѣ у Господа».

П И С Ъ М О   ХХІІ

(О богостроительствѣ.)

Истинная поэзія міра въ исторіи его
духовной жпзни.

Том. Дэвидсонъ.

Сегодня мнѣ хочется поговорить съ моими читателями по поводу XXIII «Сборника Знанія»; въ немъ всѣ три повѣсти: «Исповѣдь» Горькаго, «Сказки земли» Гусева-Оренбургскаго и «Въ старой лаврѣ» Золотарева составляютъ нѣчто цѣльное. Всѣ три проникнуты тревогой исканія, во всѣхъ трехъ намѣчается стремленіе къ *единству*, осуществленному народомъ (въ смыслѣ низшихъ слоевъ общества), и всѣ три вставлены въ рамку религіозной жизни народа.

Странники, монахи, священники, семинаристы, на протоптанныхъ паломниками тропинкахъ, въ монастырѣ, въ Кіево-Печерской лаврѣ, *всѣ* дѣйствующія лица прикасаются такъ или иначе къ духовной жизни Россіи.

Особенно интересенъ со стороны формы разсказъ Гусева-Оренбургскаго «Сказки земли». Въ лицѣ сельскаго священника о. Геннадія, сохранившаго въ сердцѣ

своемъ священный огонь пастырскаго призванія и вѣру въ святость храма и чистоту домашняго очага,—передь нами уже не индивидуальное переживаніе: передь нами живой символъ глубоко потрясеннаго человѣческаго духа, съ воплемъ ужаса убѣгающаго отъ дѣйствительности, отъ поруганныхъ святынь своей души.

Но мы остановимся только на «Исповѣди» Горькаго. Разбирать этотъ разсказъ, весь испещренный интересными мыслями и яркими изрѣченіями, которыя передаютъ скрытыя радости и страданія жадно ищущей Бога человѣческой души, нѣтъ возможности въ письмѣ. Это требуетъ большой статьи. Мы же съ читателемъ подойдемъ къ нему съ иною цѣлью: мы попробуемъ разобрать, съ какимъ міросозерцаніемъ подходитъ представитель новыхъ духовныхъ вѣяній къ задачамъ жизни, какимъ свѣтомъ озаряетъ онъ распутье, къ которому подошла русская жизнь.

Никогда нравственная отвѣтственность любимаго писателя—а Горькій по праву принадлежитъ къ наиболѣе любимымъ и читаемымъ писателямъ—не бываетъ такъ велика, какъ именно во времена историческаго распутія народной жизни, и никогда вліяніе писателя на народное творчество не бываетъ такимъ сильнымъ и непосредственнымъ.

Но для того, чтобы это вліяніе было свѣтлымъ, нужно, чтобы самъ писатель строго различалъ между добромъ и зломъ и владѣлъ ясно выработаннымъ міросозерцаніемъ, которое опиралось бы не на временныя явленія и модныя теченія мысли, а на незыблемую

основу вѣчной истины, годной для всѣхъ временъ и народовъ.

Всѣ внѣшнія формы жизни временны: патриархальный строй и монархія, конституціонное правленіе и республика—все это лишь наружные признаки, которые могутъ скрывать за собой и благо и зло, и суть вовсе не въ нихъ.

Строй можетъ быть самый прогрессивный, и люди все же могутъ чувствовать себя неудовлетворенными и далекими отъ счастья, и наоборотъ, гораздо больше счастья можетъ дать самый первобытный строй, если въ немъ соблюдена внутренняя правда взаимныхъ человѣческихъ отношеній, о чемъ говорятъ легенды всѣхъ народовъ, упоминающія о «Золотомъ вѣкѣ», когда во главѣ націй стояли «Посвященные», поднявшіеся надъ личнымъ честолюбіемъ и личными интересами, двигаемые *однимъ* стремленіемъ: вести свой народъ къ *внѣшнему благоденствію и къ внутреннему благу.*

И народъ отдавалъ имъ свою волю и свою судьбу, основываясь не на хартіяхъ и писанныхъ договорахъ, а на незримомъ довѣріи, которое, пока оно не нарушено, представляетъ собой такую незыблемую твердыню, которая неразрушима ничѣмъ.

Но для того, чтобы дорасти до права на такое довѣріе, нужно стать *сверхличнымъ*. Нужно, чтобы у правителей любовь къ личному благу преобразилась въ любовь къ *общему* благу, а потребность личной власти превратилось въ потребность осуществить прав-

ду и справедливость во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Въ наше время, когда почти единственнымъ двигателемъ людей является эгоизмъ, а богомъ ихъ—матеріальное благо, кажется сказкой существованіе такихъ людей, которые были руководимы одной любовью къ Истинѣ, Добру и Красотѣ.

Но это не сказка. Это было и это *будетъ*. То человѣчество, передъ сознаниемъ котораго уже возникъ идеалъ, подобный Христу, *не можетъ* помириться съ жизнью, основанной на лжи; его тревога будетъ все болѣе расти и расти, и оно не успокоится, пока въ его жизни не водворится правда, которая вся сводится къ красотѣ взаимныхъ отношеній человѣка къ человѣку.

Низшія свойства, которыя толкаютъ людей къ нарушенію справедливости въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, могутъ окончательно побѣдить только тогда, когда во всемъ человѣчествѣ умретъ голосъ совѣсти, который въ минуты внутренней тишины говоритъ каждому изъ насъ настойчиво и внятно, что не можетъ быть счастья для людей, пока они не начнутъ жить *любя и доверяя другъ другу, какъ того требуетъ божественный законъ*.

Пока этотъ тихій голосъ не замолкъ, искра божественнаго огня все еще тлѣетъ въ душѣ человѣческой, и стоитъ лишь подуть благодатному вѣтру и искра разгорится въ великій очищающій огонь, который обновитъ всю жизнь земли. И если бы писа-

тели, голоса которыхъ доходятъ до сердца народовъ, не уставая призывали людей къ неумирающей красотѣ праведнаго отношенія человѣка къ человѣку, они несомнѣнно стали бы той «солью земли», о которой говорилъ Христосъ, тѣми «свѣтильниками», которые свѣтятъ во тьмѣ.

Если подойти къ «Исповѣди» Горькаго съ *такими* ожиданіями, мы не найдемъ удовлетворенія: новаго въ ней только то, что знакомыя соціалистическія ученія поднимаются здѣсь на другую ступень, чисто внѣшнія связи замѣняются сознаниемъ *внутренняю* единства народной массы, а въ исканія новыхъ путей жизни проникаетъ сверхличное начало преклоненія передъ *народной душой*. Вотъ это сверхличное, почти религіозное настроеніе и придаетъ значительность и даже красоту многимъ страницамъ его «Исповѣди».

Но если искать въ «Исповѣди» указанія на истинные пути, или вѣрнаго освѣщенія жизни, *этого* читатель въ «Исповѣди» не найдетъ. Основная идея Горькаго вложена въ уста странника Іоны, изреченіямъ котораго приписывается способность «окрылять на всю жизнь душу», «указывать вѣрный къ Богу путь».

Въ чемъ же эта идея? «Новой» она можетъ быть названа только потому, что выливается изъ подъ пера недавняго индивидуалиста; въ пламенныхъ изреченіяхъ Іоны повторяется то же преклоненіе передъ низшими слоями народа, которое русское общество переживало въ семидесятыхъ годахъ, то же обожествленіе народной массы.

Разсказъ ведется отъ лица странника, который повидимому долженъ выражать духовныя исканія русской души. Подкидышъ, онъ провель дѣтство у дьячка Ларіона—одинъ изъ немногихъ свѣтлыхъ образовъ разсказа—затѣмъ попалъ въ конторщики къ кулаку и самъ сталъ кулакомъ для того, чтобы разбогатѣвъ, жениться на его дочери Ольгѣ. Затѣмъ, короткое свѣтлое счастье съ любимой женщиной, ея смерть, безумная тоска, попытка на самоубійство. Это какъ бы прологъ къ исповѣди.

Затѣмъ начинаются исканія потрясенной души: хожденія по священникамъ, старицамъ, житье въ монастыряхъ. Передъ читателемъ проходитъ цѣлая вереница портретовъ, изъ которыхъ нѣкоторые—едва намѣченные абрисы, но все это, по словамъ самого автора, лишь «пыль позади толпы, охваченной тревогой богоисканія» (стр. 110).

«Толпа», невидимо стоящая за каждой мыслью исповѣди, проходящая незримо пстокомъ позади всей загаженной, темной дѣйствительности, и является героемъ «исповѣди», тѣмъ найденнымъ богомъ, котораго такъ страстно искала душа странника. Исповѣдь кончается гимномъ народу, «аладыкѣ, чудотворцу и богостроителю».

Вотъ этотъ гимнъ: «Ты еси мой Богъ и творецъ всѣхъ боговъ, соткавшій ихъ изъ красотъ духа своего въ трудѣ и мятежѣ исканій Твоихъ!» «Да не будутъ міру бози иніи развѣ тебе, ибо ты еси единъ Богъ, творяй чудеса! Тако вѣрую и исповѣдую!» (стр. 205).

Въ религіи Горькаго личность совсѣмъ исчезаетъ, она растворяется въ *ликъ народа*. Мало того, она является источникомъ всякаго зла. «Началась эта дрянная и недостойная разума человѣческаго жизнь съ того дня, какъ первая человѣческая личность оторвалась отъ чудотворной силы народа, отъ массы, матери своей, и сжалась отъ страха передъ одиночествомъ и безсиліемъ своимъ въ ничтожный и злой комокъ мелкихъ желаній, комокъ, который нареченъ былъ—«я». Вотъ это самое «я» и есть злѣйшій врагъ человѣка! На дѣло самозащиты своей и утвержденія своего среди земли оно бесполезно убило всѣ силы духа, всѣ великія способности къ созданію духовныхъ благъ» (стр. 163).

И далѣе еще сильнѣе: «Одиночество—суть отломленность твоя отъ родного цѣлаго, знакъ безсилія духа и слѣпота его; въ цѣломъ ты найдешь безсмертіе, въ одиночествѣ же неизбѣжное рабство и тьма, безутѣшная тоска и смерть» (стр. 174).

Въ яркости своего сознанія грѣха разъединенія, Горькій подходитъ близко къ истинѣ. И еслибы онъ довелъ свою идею до конца, онъ овладѣлъ бы вѣрнымъ пониманіемъ историческаго процесса. И тогда *весь народъ*, со всѣмъ своимъ историческимъ творчествомъ, изъ котораго постепенно сложился его государственный строй, предсталъ бы передъ нимъ какъ единый живой организмъ, расчленять который, какъ это дѣлаетъ Горькій, на внутренне чуждые одна другой части, и бесполезно и не выражаетъ истины.

Истина въ томъ, что такъ же, какъ организмъ состоитъ изъ клѣтокъ, тѣло народное состоитъ изъ отдѣль-

ныхъ личностей, говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну вѣру, несущихъ въ душѣ и въ крови своей результаты испытаній *всего* народа. Жизнь, силы и здоровье народнаго тѣла пополняются изъ одного источника, но отдѣльные органы его должны нести *различныя* функціи, одинаково необходимыя для *всего* организма. Отрицать этого нельзя, но можно и слѣдуетъ добиваться, чтобы все тѣло народное питалось равномерно и все было одинаково освѣщено со всѣхъ сторонъ.

Когда это не соблюдается и силы и здоровье всего организма приносятся въ жертву отдѣльнымъ его органамъ, не только эти послѣдніе, но и весь организмъ заболѣваетъ; плохо питаемое, въ потемкахъ хирѣющее народное тѣло страдаетъ отъ худосочія, теряетъ бодрость, силу, красоту.

Всѣ страданія народовъ и въ прошломъ и въ настоящемъ происходятъ *отъ нарушенія внутренняго единства, отъ неравномернаго распредѣленія жизненныхъ силъ внутри организма народнаго.*

Царящій эгоизмъ, борьба классовъ, несовмѣстимость сословныхъ интересовъ, отношеніе государства къ народу, создавшаго его своими трудами, какъ къ *средству*, а не какъ къ *цѣли* своего бытія,—все это довело людскія отношенія до предѣла, до цинически исповѣдуемой вслухъ «борьбы за существованіе»...

Какъ протестъ противъ этого «предѣла», исповѣдь Горькаго имѣетъ свое значеніе. Но вѣрнымъ указаніемъ на иную, лучшую жизнь, основанную на выс-

шемъ нравственномъ сознаниі, она не можетъ быть уже потому, что сама страдаетъ *црѣхомъ развѣденія*.

Горькій дѣлитъ народъ на «рабочій народъ земли, ея силу, единственный и вѣчный источникъ боготворчества» (стр. 148) и на «бѣлую кость, которая только *шлифовала* работу народа», на «баръ—чужихъ на землѣ» (151 стр.) и т. д. и т. д. Этимъ расчлененіемъ тѣла народнаго Горькій самъ вгоняетъ заразу разобщенія и ненависти внутрь народнаго сознаниа и самъ подрываетъ правду своей мысли.

И расчлененіе это особенно ненужно и искусственно въ демократической Россіи, гдѣ именно «бары», «бѣлая кость», представители привилегированныхъ сословій погибали во множествѣ за свою беззавѣтную любовь къ народу, а представители крестьянскаго и рабочаго сословіа—когда имъ удавалось разбогатѣть—нерѣдко становились угнетателями своихъ же братьевъ.

Здѣсь размахъ мысли Горькаго сразу понижается, изъ за большой идеи выглядываетъ знакомая «партійность», а фонарь, который держитъ странникъ Іона, начинаетъ тускнѣть и освѣщать лишь разорванные клочки историческаго процесса, оставляя въ тѣни всю истинную связь явленій.

Это роковое свойство всякой ненависти: проникнутая ею, мысль не въ состояніи подняться на высоту, откуда видны всѣ истинныя пропорціи и взаимодействія земной жизни. Лишь мысль, *окрыленная любовью*, способна подниматься надъ злобами дня и какъ солн-

цемъ освѣщать горизонты жизни, отчетливо указывая на связь явленій.

Отсутствіе объективной правды въ оцѣнкѣ историческихъ явленій заставляетъ Горькаго дѣлать и еще другіе ошибочные выводы. Его дѣленіе народа по внѣшнимъ сословнымъ признакамъ не можетъ привести къ вѣрному народному самопознанію. Внутри народа происходитъ постоянное передвиженіе клѣтокъ: вчерашній крестьянинъ сегодня можетъ стать барининомъ, а сегодняшній баринъ завтра можетъ потерять всѣ свои признаки.

Для вѣрнаго опредѣленія цѣнности «сына народа» необходимо найти *постоянный* признакъ, независимый отъ его сословнаго положенія. Этимъ признакомъ можетъ быть только одно: *полезность его дѣятельности для всего народа*, а не «бѣлая» или «черная» кость, которая сама по себѣ ровно ничего не значитъ, потому что можно быть крестьяниномъ и тормазить жизнь, и можно быть титулованнымъ барининомъ и вести ее къ свѣту и правдѣ.

За что можно и должно любить рабочій народъ? Въ *чемъ* тайна его обаянія надъ каждымъ великодушнымъ сердцемъ, и *почему* все лучшіе люди всегда стояли за интересы рабочаго народа? Того народа, который обрабатываетъ землю и ея продукты, который кормитъ и содержитъ государство въ мирное время, а въ дни опасности защищаетъ его жизнью своей?

Тайна эта лишь въ томъ, что, трудясь и напрягая свои силы, онъ дѣлаетъ это не для себя одного, а для

всѣхъ, слѣдовательно, онъ дѣлаетъ *сверхличное* дѣло, а вездѣ, гдѣ сверхличный мотивъ проникаетъ въ жизненное творчество, тамъ осуществляется божественная правда, тамъ земная жизнь осѣняется высшимъ началомъ, которое самому обыденному дѣлу придаетъ несомнѣнную печать достоинства и нравственной красоты.

Но та же самая печать очаровываетъ насъ и во всѣхъ другихъ областяхъ жизненнаго творчества, она приложима и къ умственнымъ и къ духовнымъ дѣятельностямъ, и къ дѣятельностямъ правящей власти, если послѣдняя, заботясь объ *общемъ* благѣ, творитъ *сверхличное* дѣло.

Но подобный нравственный критерій возможенъ лишь при религіозномъ міровоззрѣніи, когда для человѣка мѣриломъ добра является не *условная* человѣческая правда, которая сегодня—одна, а завтра—другая, которая растетъ и мѣняется вмѣстѣ съ растущимъ сознаниемъ,—а безусловная Божія Правда, *неизмѣнная для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ*.

Что она неизмѣнна и одна для всего человѣчества, въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто дастъ себѣ трудъ познакомиться изъ первоисточниковъ съ священными писаніями всѣхъ міровыхъ религій: вездѣ, начиная съ религіозныхъ вѣрованій древней Индіи и кончая ученіями исповѣдуемаго современной Европой Евангелія, вездѣ мы найдемъ одно и то же: что человѣкъ есть отраженіе Бога Творца, что его истинное я—вѣчно и едино съ Я вселенной, что оно ис-

ходить отъ Бога, отчего и не перестаетъ стремиться къ Богу, что воля Бога ведетъ человѣка къ единству, любви и совершенству...

Такое міросозерцаніе не совмѣстимо съ обожевленіемъ народа, которое составляетъ самую яркую черту «религіи» Горькаго. Оно знаетъ, что въ міровомъ историческомъ процессѣ каждый народъ выполняетъ свою опредѣленную задачу, принимая посредствомъ индивидуальнаго своего творчества участіе въ великой дѣятельности всего человѣчества, направляемой Волей Бога къ осуществленію Правды, Добра и Красоты на землѣ.

И точно также, какъ человѣкъ становится великимъ только тогда, когда онъ способенъ подняться надъ своими личными интересами и эгоистическими желаніями, такъ и народъ бываетъ великимъ только тогда, когда способенъ *преклоняться передъ началомъ безконечно болѣе высокимъ и совершеннымъ, чѣмъ онъ самъ.*

Къ сожалѣнію, размѣръ письма не позволяетъ подробно остановиться на идеѣ «народа-богостроителя», которая составляетъ вѣнецъ міросозерцанія Іоны—Горькаго. Идея эта не только не совпадаетъ съ истиной, не только понижаетъ всю общечеловѣческую этику, но она и не оригинальна.

Обожествлять народъ—значитъ перемѣщать эгоизмъ изъ сознанія отдѣльнаго человѣка въ сознаніе народа, изъ раздробленныхъ маленькихъ эгоизмовъ *творить одинъ общій, огромный эгоизмъ.*

Такимъ эгоизмомъ проникнута вся отживающая общественная этика западно-европейскихъ народовъ,

которые возвели свои національные интересы въ какой то священный культъ. Ихъ девизы: «нѣмцы для нѣмцевъ», «англичане для англичанъ», и т. д. едва-ли могутъ имѣть силу надъ русской душой, которая никогда не отличалась самодовольствомъ, а если загоралась, то отъ гораздо болѣе гордой мечты: служить *всѣмъ* народамъ, работать для *всѣхъ*, стремиться къ водворенію Царства Божія на всей землѣ.

П И С Ь М О   ХХІІІ

(Объ идеи Св. Троицы.)

Если хочешь познать невидимый міръ, отвори свои глаза на міръ видимый.

Талмудъ.

Законоу аналогіи—первый ключъ къ раскрытію загадокъ міра.

Е. П. Блаватская.

Одинъ изъ моихъ читателей желаетъ знать, какъ теософія понимаетъ идею Св. Троицы. Въ отвѣтъ на это желаніе, мнѣ хотѣлось бы дать моимъ читателямъ нѣсколько указаній на то, какой животрепещущій смыслъ кроется подъ великими религіозными идеями, какъ онѣ соприкасаются со всѣми корнями міровой жизни, въ которой мы всѣ—сознательно или безсознательно—принимаемъ участіе. По крайней мѣрѣ для меня идея св. Троицы послужила ключемъ къ самопознанію и живымъ доказательствомъ единства Божественной и человѣческой психологіи.

Для огромнаго большинства образованныхъ людей нашего времени религіозныя идеи потеряли весь свой внутренній смыслъ; на нихъ смотрятъ или какъ на

измышленіе мертвой метафизики, или какъ на такую отошедшую отъ жизни даль, которая не можетъ имѣть никакого значенія для земного прогресса. Но это заблужденіе. Не такъ относились къ этимъ идеямъ въ древности, не такъ будутъ къ нимъ относиться въ будущемъ.

Человѣческое сознаніе, какъ и все въ мірѣ, подлежитъ развитію, а слѣдовательно и переменѣ: постепенно въ немъ раскрываются новыя свойства, и по мѣрѣ того, какъ одни изъ нихъ, достигнувъ полного развитія, отступаютъ въ тѣнь, другія—стоящія на очереди—выступаютъ впередъ.

Говорю здѣсь не о субъективномъ сознаніи отдѣльной личности, а о томъ широкомъ общечеловѣческомъ сознаніи, въ которое одинаково входитъ и аналитическій умъ и интуиція, и ограниченная логика и безпредѣльное воображеніе, и вся гамма человѣческихъ чувствъ и воспріятій.

Въ этомъ широкомъ сознаніи, частица котораго имѣется во всѣхъ насъ, соединено духовное творчество всѣхъ вѣковъ и всѣхъ человѣческихъ расъ, и если въ наше время у европейскихъ народовъ отшлифовывается до совершенства лишь та грань, которую можно бы назвать *разсудочной стороною сознанія*, то это вовсе не значитъ, что остальные его стороны менѣе цѣнны. Онѣ лишь временно остались въ тѣни.

Если мы овладѣемъ этой точкой зрѣнія,—у насъ сложится совершенно иная оцѣнка современнаго способа мышленія: мы увидимъ, что въ особенностяхъ

нашего мышленія ярко выражается лишь та грань человѣческаго сознанія, развитіе которой стояло на очереди; понявъ же это, мы поневолѣ отдѣлаемся отъ сомнѣнія, которое заставляетъ насъ воображать, что нашъ аналитическій, раздробляющій умъ есть окончательная и наиболѣе совершенная форма мышленія, тогда какъ въ дѣйствительности, она—*лишь временная ступень въ непрерывно развивающемся сознаніи.*

Если мы постараемся на время погасить наши современные понятія и попробуемъ стать на точку зрѣнія древне-восточныхъ мудрецовъ, мы убѣдимся, что они мыслили совершенно иначе, чѣмъ представители нашей европейской мудрости.

Наше современное сознаніе создалось благодаря яркому развитію *личности* (отъ личина, маска); благодаря тому, что отдѣльный человѣкъ отходилъ все больше отъ великаго цѣлаго, все сильнѣе сосредоточивался на той крошечной точкѣ вселенной, которая въ непосредственной связи съ его *личными* переживаниями, связь съ душой всей природы становилась все слабѣе, а сила *само-отдѣленія* отъ остального міра возрастала съ каждымъ поколѣніемъ.

Совсѣмъ иначе мыслили древніе мудрецы; тогда сознаніе шло сверху внизъ, отъ общаго къ частному, оно еще не отрывалось отъ великаго цѣлаго, жило одной жизнью съ душою природы, поэтому и проникало въ ея тайны, закрытыя отъ насъ; оно вѣрило въ возможность сообщенія съ божественнымъ Разумомъ и, не обладая нашими аналитическими способ-

ностями, *чувствовало* шире и глубже, но не свое отдѣлившееся я, а всю міровую жизнь, и поэтому—было способно на болѣе свободное, болѣе независимое отъ внѣшнихъ формъ *воображеніе*.

Въ древности мистикъ, т. е. человѣкъ, въ которомъ наиболѣе ясно отражается божественный Разумъ, человѣкъ, который стремится внутри своей собственной сути пережить всѣ ступени вселенской жизни,—былъ первымъ человѣкомъ; тогда какъ для нашего сознанія, сосредоточеннаго на поверхности вещей, его стремленія кажутся какимъ-то бредомъ болѣзненнаго воображенія.

Для посвященныхъ въ жизнь духа, религіозныя идеи космогенезиса получаютъ глубокій смыслъ не только по своимъ соотвѣтствіямъ и аналогіямъ съ внутреннимъ человѣкомъ, но и потому, что онѣ открываютъ полное единство вселенной и разрушаютъ границы, которыя наше земное сознаніе построило между нашей отдѣльной жизнью и жизнью міра.

Наше современное мышленіе направлено все къ тому, чтобы еще болѣе утверждать эти границы, чтобы сдѣлать ихъ все болѣе непроницаемыми. Великія религіозныя идеи зовутъ человѣка переступить эти границы, обрѣсти свободу и войти въ единство вселенской Жизни.

Передо мною книга А. Безантъ *Esoteric Christianity* (Эзотерическое Христіанство). Руководствуясь этой книгой, въ которой съ обычною для ея автора гениальной ясностью изложены наиболѣе отвлеченныя рели-

гіозныя идеи, я постараюсь передать моимъ читателямъ теософическое пониманіе идеи св. Троицы. *)

Единый Богъ, при своемъ проявленіи, раскрывается въ трехъ аспектахъ, и эти аспекты отражаются какъ въ космической жизни, такъ и въ духовномъ существѣ человѣка.

Три Лица, три Впостаси св. Троицы нераздѣлимы. Функціи ихъ: *Воля*, *Мудрость*, (любовь и вѣдѣнье) и *творческій Разумъ*, могутъ быть мыслимы отдѣльно, но раздѣлима Троица быть не можетъ, и каждый изъ трехъ аспектовъ присутствуетъ и въ остальныхъ двухъ. И хотя раздѣленіе на Первое, Второе и Третье Лицо имѣетъ истинный смыслъ, такъ какъ Бытіе раскрывается въ трехъ видахъ, но—въ вѣчности они являются *нераздѣльными, взаимозависящими и соравными*.

Въ порядкѣ самораскрытія Единый является какъ Первое Бытіе, какъ Верховный Отецъ всего сущаго. Это первое самораскрытіе можетъ быть выражено вѣрнѣе всего понятіемъ *Воля* или *Сила*, ибо—пока не существуетъ проявленной воли, нѣтъ внутренней причины для дальнѣйшаго раскрытія.

---

*) Во всѣхъ религіяхъ повторяется та же идея Троичности Бога. Въ древнемъ Индусскомъ Браманизмѣ мы имѣемъ *Сатъ—Читъ—Ананда* (Бытіе, Разумъ, Блаженство), символизируемое въ народной религіи какъ *Шива—Вишну—Брама*; въ религіи Зороастра *Ахурамазда—„Близнецы“* и *Армаити*; въ сѣв. Буддизмѣ *Амитаба—Авалокитешвара—Манджусри*; въ древне-египетской религіи *Ра—Озирисъ—Горусъ*, у Халдейцевъ *Ану—Эа—Бэлъ*. У Евреевъ въ Каббалѣ *Кетеръ—Чохмаъ—Бинахъ*, у Христіанъ *Отецъ—Сынъ—Св. Духъ*.

Вселенная имѣетъ свои корни въ Божественной *Воли*. Затѣмъ—слѣдуетъ второй аспектъ Единаго—*Мудрость*. («Все черезъ него начало быть и безъ Него ничто не начало быть, что начало быть». Ion. 1, 3). Когда аспекты Воли и Мудрости раскрылись, Третій долженъ слѣдовать, чтобы сдѣлать ихъ дѣйственными: творческій *Разумъ*, божественная *Мысль* въ дѣйстви.

Еврейскій пророкъ сказалъ: «Господь сотворилъ землю *Силою* Своею, утвердилъ вселенную *Мудростью* Своею и *Разумомъ* Своимъ распростеръ Небеса» (пр. Іеремія 51, 15).

Пророкъ указываетъ здѣсь на три акта Божественной Жизни, единой по существу, троичной по проявленію.—Рядомъ съ идеей Троицы, эзотерическія религіозныя ученія раскрываютъ четвертое міровое начало. Это—женское начало, Мать, безъ котораго проявленіе было бы невозможно: начало это и составляетъ корень раздѣленія и ограниченія въ Единомъ, то, что въ проявленіи является *матеріей*, божественное—*не Я*, проявленная природа.

Если разсматривать жизнь какъ *единство*, матерія является четвертымъ началомъ, дѣлающимъ возможнымъ проявленіе Трехъ; Она—пѣприще Ихъ дѣятельности въ силу ея безконечной дѣлимости. Про нее сказано, что Она одновременно и «Раба Господня» (Лука, 1, 38), и Мать Его, дающая свое вещество для образованія Тѣла Его—Вселенной, когда «осѣнитъ Ее сила Всевышняго» (Лука, 1, 35).

Матерія, если изслѣдовать глубже, оказывается также *тройственной*, существующей въ трехъ нераздѣлимыхъ видахъ, безъ которыхъ она не могла бы быть. Первый ея видъ: *Инерція* (сопротивленіе); второй: *Движеніе* или энергія; третій—*Ритмъ* (гармонія)*. Только благодаря этимъ основнымъ свойствамъ матеріи, Духъ можетъ проявляться.

Инерція представляетъ основу, опорную точку рычага; проявленное *движеніе* или энергія—если она безудержна—способна произвести только хаосъ; но является *Ритмъ*, и тогда матерія начинаетъ вибрировать, дѣлаясь способной слагаться въ образы и формы. Когда всѣ три свойства въ равновѣсіи, тогда *вѣчная дѣйственная матерія остается непроявленной, она бесплодна*.

Но когда «Сила Всевышняго осѣнитъ Ее» и «дуновеніе Св. Духа низойдетъ на Нее», тогда ея три свойства выходятъ изъ состоянія равновѣсія и она дѣлается Матерью міровъ.

Первое взаимодѣйствіе происходитъ между Матеріей и Третьимъ Лицомъ Св. Троицы, Духомъ Святымъ. Явленіе это, т. е. порядокъ самораскрытія, при которомъ проявляется сперва Третье, а затѣмъ уже Второе Лицо Св. Троицы, повторяется во всемъ космическомъ процессѣ, если послѣдній разсматривается сообразно идеи Св. Троицы.

---

*) Въ индусскихъ Св. Писаніяхъ эти три свойства матеріи называются *Gunas* и именно это *триединство* и лежитъ въ основѣ *семиричного* состава нашей солнечной системы.

Жизнь исходитъ изъ Перваго Лица, являющаго волю къ проявленію; матерія, которой надлежитъ образовать нашу солнечную систему, отдѣляется этимъ актомъ Божественной Воли отъ безпредѣльнаго океана міровой матеріи, а затѣмъ—она подлежитъ воздѣйствію сперва Третьяго Лица, а затѣмъ уже Второго Лица Св. Троицы.

Вначалѣ имѣется только матеріаль, но онъ еще хаотическій, безъ формы, матерія еще не вышла изъ состоянія равновѣсія или безразличія. «Земля же была невидима и неустроена и тьма надъ бездною», (Бытіе 1, 2). Созиданіе начинается съ воздѣйствія творческаго Разума, Св. Духа, который «носился надъ водой» (Бытіе 1, 2), надъ великой бездною непроявленной матеріи, изливая на нее Свою Жизнь, чтобы оживотворить ее.

Въ древнихъ мистеріяхъ это творчество изображалось какъ подготовленіе міровой матеріи, образованіе атомовъ, соединеніе ихъ въ агрегаты, этихъ послѣднихъ въ элементы, а элементовъ—въ газообразные, жидкіе и твердые составы. При этомъ необходимо помнѣть, что творчество Св. Духа относится не только къ матеріи, именуемой физической, но и къ болѣе тонкимъ ея состояніямъ въ невидимыхъ для насъ мірахъ. Изливая Свою Жизнь, Св. Духъ, какъ «Духъ Разума», создавалъ одновременно идеи формъ, такъ называемые небесные первообразы. Именно къ этому акту творчества относятся слова пророка Іереміи: «Разумомъ Своимъ распростеръ небеса».

Образованіе изъ оживотворенной Св. Духомъ матеріи формъ, міростроительство, есть дѣло Второго Лица

Св. Троицы, Сына, который жертвует Собой, облакаясь въ ограниченья матеріи *). Сынъ, Логось, Слово, черезъ котораго «все начало бысть», который «своей Мудростью утвердилъ вселенную» (Іерем., 51, 15), организуетъ жизнь міровъ, и всѣ существа имѣють корень въ немъ. Но «устройство вселенной» возможно только послѣ того, какъ Третье Лицо Св. Троицы оживотворило матерію, излило въ нее Свою Жизнь, приготовивъ ее къ принятію жизни Логоса, облекшаяся въ нее какъ въ покровъ, для проявленія Своей энергіи. Здѣсь выступаетъ проходящій черезъ всѣ религіи великій миѣъ о воплощеніи.

Логось, мистическій Христось, облакаясь въ матерію, сходитъ воистину въ нѣдра Дѣвственницы, т. е. въ нѣдра матеріи, дотолѣ безплодна, и проявляетъ жизнь, ту жизнь, которая созидаетъ, охраняетъ и содержитъ всѣ формы, ибо Онъ есть *Любовь*, та сила, которая даетъ связь формамъ; такимъ образомъ Онъ является Тѣломъ вселенной, въ которомъ существуютъ всѣ формы не распадаясь.

Теперь можно увидѣть, *почему* Второе Лицо Св. Троицы всегда двойственно: Оно облакается въ матерію, и дѣлается посредникомъ, связующимъ въ Своемъ Лицѣ Духъ и Матерію. Вотъ почему Его свойствомъ является *Мудрость*: ибо Мудрость со стороны Духа есть *чистый Разумъ*, сознающій Себя какъ единое «Я» и всѣ вещи заключенными въ этомъ «Я», а со стороны матеріи она есть *Любовь*, начало, взаимно притягивающее

---

*) Агнецъ закланный до начала міра.

составы бесконечно разнообразныхъ формъ, дѣлающее каждую форму *единицей*, а не простымъ соединеніемъ частицъ, и содержащее всѣ міры и все сущее въ этихъ мірахъ въ полномъ порядкѣ и равновѣсіи. Мудрость, о которой сказано: «распростирается отъ одного конца до другого и все устрояетъ на пользу» (кн. Прем. 8, 1). Вотъ почему «Ему все покорно» (1-е посл. къ Кор. 15, 27) и почему «никто не приходитъ къ Отцу, какъ только черезъ Него» (Іоан. 14, 6). И только черезъ Него открывается Первая Впостась Св. Троицы, какъ Отецъ «Всѣхъъ Духовъ» (Посл. къ Евр. 12, 9). Дѣло Отца слѣдуетъ за дѣломъ Сына, какъ дѣло Сына слѣдуетъ за дѣломъ Духа Святаго. Отъ Отца—даръ Божественнаго Духа въ человѣкѣ, его истинное «Я».

«Духъ человѣческой есть жизнь Отца, изліянная въ сосудъ, уготованный Сыномъ изъ матеріаловъ, животворенныхъ Духомъ Святымъ».

И духъ человѣческой—происходя отъ Отца—сходенъ съ Нимъ и обладаетъ также тремя аспектами въ одномъ *); ибо онъ во истину «созданъ по образу и подобію Божію» (Бытіе 1, 26) и способенъ стать «совершеннымъ какъ совершенъ Отецъ Нашъ Небесный» (Матѳ. 5, 48).

Первый видъ Троицы человѣческаго духа есть *сила*; ея высшее проявленіе—*воля*, низшее—*желаніе*, которое въ первой половинѣ человѣческой эволюціи служить

---

*) *Atmâ-Buddhi-Manas*, выраженіе, принятое въ теософической литературѣ для обозначенія высшаго начала человѣка, которое есть отраженіе Божественной Троицы.

могучимъ импульсомъ къ раскрытію непроявленныхъ свойствъ духа; второй ея видъ—*мудрость*, чистый разумъ, выражающійся въ мірѣ формъ какъ *любовь*, и третій видъ: *интеллектъ*, активная созидающая энергія ума.

И въ человѣкѣ всѣ три вида его духовной троичности не могутъ быть раздѣлимы, они взаимно пополняются и проникаются одинъ другимъ, но *полное* раскрытіе каждаго изъ трехъ видовъ происходитъ въ томъ же порядкѣ: отъ третьяго вида (интеллектъ) ко второму (мудрость или духовность, любовь), и уже отъ второго къ первому (творческая воля).

Чтобы выяснитъ себѣ эту идею постепеннаго раскрытія трехъ аспектовъ человѣческаго духа (монады, какъ его называютъ философы), не только умозрительно, но и въ историческомъ процессѣ,—нужно помнить, что на зарѣ своей эволюціи человѣчество было руководимо сверхчеловѣчествомъ; на это указываютъ всѣ древнія св. Писанія *). Слѣдовательно, въ историческомъ процессѣ древнихъ народовъ отражалась не столько самостоятельная человѣческая дѣятельность, сколько указанія, шедшія извнѣ, отъ сверхчеловѣческой Мудрости Руководителей юнаго человѣчества. Самостоятельное историческое творчество появляется лишь много позднѣе, когда человѣчество выросло и было предоставлено своимъ собственнымъ силамъ. Эта

---

*) Древніе индусы называютъ своего Руководителя *Ману*, древніе египтяне—*Горусъ*, вавилоняне—*Оаннесъ* и т. д.

новая ступень жизни совпадаетъ съ развитіемъ *личности*, личнаго начала въ человѣческой дѣятельности.

Въ данный періодъ эволюціи огромное большинство человѣчества развило только *третій* аспектъ человѣческой троицы: *дѣятельный умъ*. Изъ этого уже читатель можетъ увидѣть, какъ невѣрно представленіе о «дряхлѣющемъ» человѣчествѣ. Народы, государства, даже цѣлыя расы могутъ приходить въ упадокъ, дряхлѣть и вырождаться: это означаетъ лишь то, что временныя задачи общей эволюціи, возлагавшіяся на нихъ, уже закончены и на очередь становятся новыя задачи. Но само человѣчество, какъ цѣлое, остается во всей полнотѣ своихъ силъ, неустанно растущимъ, медленно подвигающимся къ совершенству.

Если продолжать аналогію, мы увидимъ, что роль дѣятельнаго ума въ процессѣ человѣческаго развитія та же, что и роль Св. Духа въ міровомъ творествѣ: *мысль* человѣческая должна подготовить матеріалы, пройти весь долгій путь земнаго опыта, и только послѣ этого подготовительнаго періода можетъ раскрыться второй аспектъ человѣческой троицы—*мудрость*, которая изъ заготовленныхъ матеріаловъ начнетъ строить истинно *человѣческое* существованіе.

И лишь послѣ того, какъ мудрость раскроется внутри человѣка и въ душѣ «родится Христось», станетъ возможнымъ и соединеніе человѣка съ Отцомъ. Человѣкъ явится тогда живымъ, самознающимъ духовнымъ центромъ въ жизни Бога, способнымъ существовать какъ таковой, не нуждаясь болѣе въ ограниченіи

матеріи, съ проявленнымъ божественнымъ сознаниємъ, для котораго раскроются всѣ пройденные пути и всѣ цѣли.

Идея Троицы глубоко мистична и въ то же время реальна, вотъ почему она встрѣчается во всѣхъ откровенныхъ религіяхъ міра. Она мистична для нашего ограниченнаго земнаго ума, который не способенъ постигнуть ее, и она же реальна для интуиціи, для духовнаго созерцанія вполнѣ пробудившагося духа. Ясно выражаясь въ его глубинѣ, Св. Троица *раскрывалась* для всѣхъ вдохновенныхъ пророковъ и учителей челоуѣчества какъ *реальный фактъ*. На этомъ фактѣ основана вся наша надежда познать Бога.

Познавшій Троицу въ себѣ—позналъ истину.

ПИСЬМО XXIV.

(О радости.)

Дайте величайшія блага человѣку, нарушающему законъ Бога, и онъ будетъ несчастенъ. Отнимите у человѣка, положившаго свое благо въ исполненіи божественнаго закона все, что людьми считается за благо, и онъ все-таки будетъ счастливъ.

Л. Толстой.

Радость духа есть признакъ его силы.

Эмерсонъ.

Я хочу говорить сегодня на тему, самую рѣдкую въ нашъ вѣкъ. Кто въ наши дни не только говоритъ, но даже мелькомъ упоминаетъ о наиболѣе свѣтломъ, наиболѣе окрыленномъ изъ всѣхъ даровъ человѣческой души, о радости?

Да и возможно ли говорить о ней въ наше темно-скорбное время, послѣ всего, что прошло передъ нашими глазами на зарѣ новаго вѣка?

И не навсегда ли погасъ ея свѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ для человѣческаго сознанія зажегся Прометеевъ огонь пытливаго проникновенія въ тайны Бога, горда-

го страданія отъ добровольнаго одиночества, неутолимой тоски по утерянной красотѣ отвергнутаго неба?

Нѣтъ, радость безсмертна, она—отраженіе Жизни Бога и потому погаснуть она не можетъ никогда. Правда, бываютъ темныя времена подобно нашимъ, когда свѣту радости не въ чемъ отражаться, но она тѣмъ не менѣе здѣсь, около насъ, незримая и неосязаемая, и отъ нашей воли зависитъ воплотить ее въ жизнь нашей души.

Чтобы понять существо радости, нужно проникнуть въ большія глубины. Посмотрите кругомъ, *кто* способенъ испытывать непримѣсную радость? Малыя дѣти и святыя. Что же общаго между этими противоположными полюсами человѣческаго возраста? Можетъ быть уловивъ это общее, мы лучше поймемъ тайну радости.

Три одинаковые признака отличаютъ и дитя, и святого. Ребенокъ радуется потому, что еще не выдѣлилъ свое личное *я* изъ общей жизни, не построилъ еще стѣну между собой и остальнымъ міромъ; его душа открыта и онъ раздѣляетъ стихійную жизнь міра. То же и у святого: онъ побѣдилъ свое личное *я* и *уничтожилъ* стѣну, отдѣлявшую его отъ остального міра, онъ перенесъ центръ жизни изъ своего крошечнаго эгоистическаго *я* въ широкій просторъ общей міровой жизни, онъ раскрылъ свое сердце и заключилъ въ него все живое.

Ребенокъ радуется еще и потому, что въ его душу еще не проникло сомнѣніе, онъ еще полонъ без-

сознательной вѣры; не менѣе исполненъ вѣры и святой, но вѣры сознательной, закаленной въ огнѣ страданія, прошедшей черезъ всѣ тяжелые искусы земной жизни.

Третій признакъ, сближающій дитя и святого, это—отсутствіе заботъ. Ничто такъ не разѣдаетъ здоровую радость бытія, какъ безконечныя заботы, все болѣе усложняющіяся съ возрастомъ человѣчества. Его творчество расширяется, предметы этого творчества умножаются до безконечности и жадное желаніе современнаго человѣка всѣмъ воспользоваться, все захватить для себя и для своихъ, становится все ненасытнѣе и острѣе, дѣлаетъ его рабомъ и гонить покой изъ его души.

А радость требуетъ *свободы и внутренней тишины*. На шумныхъ площадяхъ, въ суетѣ повседневныхъ заботъ, въ безпокойномъ исканіи все новыхъ впечатлѣній, нельзя уловить свѣтлую гостью и нельзя удержать ее въ сердцѣ своемъ. Для этого нужно отойти отъ житейской суеты не физически, а внутренно.

Ибо возможно стоять въ самомъ водоротѣ земной жизни и все же испытывать внутреннюю тишину. Это бываетъ, когда человѣку удается временные интересы замѣнить вѣчными и прогнать заботы изъ сердца своего—*стать какъ дитя*. Мудрецъ и Святой достигаютъ такой тишины именно тѣмъ, что они живутъ вѣчнымъ, отчего земныя заботы теряютъ свою силу надъ ними.

Это очень трудно понять человѣку на всемъ ходу современной жизни, главный признакъ которой безко-

нечная сложность внѣшнихъ интересовъ и отсюда—все болѣе растушія заботы о завтрашнемъ днѣ.

Но это—временное явленіе, а не норма жизни. Это—признакъ молодости человѣческихъ массъ, а не свойство человѣческой природы самой по себѣ, и не неизбѣжное условіе земного бытія. Сложность эта нужна, пока человекъ *растетъ*, какъ нужна школа для дѣтей, и если школа, въ которой должны развиваться молодыя силы дѣтей, превращается въ мѣсто пытки, кто рѣшится сказать, что это *норма обученія*? Что жестокія англійскія школы, увѣковѣченныя Диккенсомъ въ его романахъ, или наши старинныя кадетскіе корпуса и наши бурсы сороковыхъ годовъ, есть нѣчто неизбѣжное?

На всемъ этомъ люди выучились, какъ *не* слѣдуетъ поступать, все это уже пережито и наши *теперешніе* педагогическіе приемы замѣнятся со временемъ настолько болѣе совершенными, что современная школа будетъ вспоминаться, не далѣе какъ черезъ столѣтъ, такъ же, какъ англичане вспоминаютъ школу временъ Давида Коперфильда, или какъ мы вспоминаемъ описанную Помяловскимъ бурсу.

Изъ этого вытекаетъ, что всѣ несовершенства жизни временны, что они—*неизбѣжное условіе эволюціоннаго процесса*.

Неизбѣжно и то, что отъ этого несовершенства страдаютъ болѣе всего два крайніе полюса человѣческой семьи: передовой, который состоитъ изъ наиболѣе развитыхъ и тонко воспринимающихъ людей, стра-

даетъ отъ того, что несравненно болѣзненнѣе чувствуетъ недостатки своего времени, а нижній полюсь, состоящій изъ народныхъ массъ, страдаетъ въ силу того, что несетъ на себѣ всю главную тяжесть этихъ недостатковъ.

Темнота, озлобленіе, предразсудки, вотъ что болѣе всего портитъ жизнь. Но темнота уничтожается просвѣщеніемъ, озлобленіе—нравственнымъ развитіемъ, предразсудки—расширеніемъ кругозора. Это—временные гасители радости.

Насъ болѣзненно рѣжетъ мучительный разладъ современной жизни. Эта боль—хорошее чувство, но она должна толкать къ *бодрой дѣятельности*, а не къ унынію и сомнѣнію. Мы *должны* стремиться къ болѣе совершеннымъ формамъ жизни, но въ то же время твердо помнить, что суть не въ формахъ.

Суть въ той нетлѣнной *красотѣ*, къ которой не перестаетъ стремиться наша душа. Всѣ видимыя формы лишь несовершенныя попытки выразить эту красоту. Мы ловимъ ея отблески всюду, мы жадно ищемъ ихъ въ жизни, въ людяхъ, въ природѣ, въ искусствѣ, и никогда не удовлетворяемся потому, что находимся въ процессѣ развитія.

Вся земная жизнь есть неустанное *достиженіе*. Чего? *Совершенной красоты, которая даетъ совершенную радость*.

Но пока мы будемъ искать этой красоты въ однихъ внѣшнихъ формахъ, а духовное содержаніе, отъ котораго зависитъ *нравственный* порядокъ жизни,

останется въ состояніи зачатка, радости не будетъ на землѣ.

И вотъ здѣсь мы подходимъ къ происхожденію радости: радость исходитъ изъ высшей природы человѣка, изъ его *духа*, а не изъ интеллекта и даже не изъ чувства: можно быть первокласснымъ мыслителемъ, обожать *своихъ* дѣтей, быть самоотверженнымъ членомъ *своей* партіи, даже жертвовать жизнью для осуществленія *своей* идеи, и все же быть внутренне темнымъ и несчастнымъ, и совсѣмъ не знать радости. Ибо все, что служить *лично*му началу, хотя бы и чрезвычайно расширенному, бессильно вызвать истинную радость и удержать ее.

Радость—*сверхлична*. Это—ея коренной признакъ. Этимъ она отличается отъ эгоистическихъ удовольствій и наслажденій. Но въ такомъ случаѣ она недоступна для большинства людей? Для большинства *нашей* времени, не признающаго ничего выше своей воли, ставящаго свои личныя мнѣнія и вкусы высшимъ закономъ, она недоступна.

Все сверхличное предполагаетъ существованіе высшаго Начала, не подверженнаго перемѣнамъ и колебаніямъ. Начало это должно стоять *надъ* эволюционнымъ процессомъ и оставаться неизмѣннымъ, какія бы бури не потрясали внѣшній строй земной жизни.

Признаніе высшаго Начала, другими словами—Бога и *нравственнаго порядка*, независимаго отъ текущаго и постоянно мѣняющагося эволюціоннаго процесса, есть основа *религіознаго сознанія*. А религіоз-

ное сознание и опытное переживание радости стоятъ въ такой непосредственной связи, что одно безъ другого невозможно.

Только религиозное сознание въ силахъ побороть эгоизмъ нашего *я*, изгоняющій радость изъ человѣческаго сердца. Мудрецъ и Святой—разница между ними та, что послѣдній *чувствуетъ* свое единство съ Богомъ и міромъ, а первый *сознаетъ* это единство—не знаютъ унынія, потому что они побѣдили главный источникъ всѣхъ душевныхъ тревогъ, *свое личное я*. Они живутъ поднявшись надъ этими тревогами, они опытно пріобшились къ широкой жизни міра, отсюда—свобода, свѣтъ и полнота ихъ внутренней жизни.

На это могутъ возразить: они могли подняться надъ тревогами своего личного *я*, но имѣютъ ли они право подниматься надъ *чужими* тревогами и страданьями? Не приведетъ ли это человѣка къ равнодушію, а самую жизнь къ застою? И не видимъ ли мы, что какъ разъ наиболѣе добрые и отзывчивые приходятъ въ отчаніе при видѣ чужихъ страданій?

Несомнѣнно, что отзывчивость выше равнодушія, но есть нѣчто еще высшее. Можно быть *очень* добрымъ и не умѣть проникать въ глубь явленій.

Человѣкъ, желающій познать истину своимъ *собственнымъ* разумомъ, долженъ еще дорасти до такого познания. Пока же онъ не доросъ, онъ неизбежно будетъ заблуждаться, измѣряя огромныя величины своимъ маленькимъ личнымъ масштабомъ. Если же онъ захочетъ мѣрять соотвѣтствующей мѣрой, онъ неиз-

бѣжно поднимется до религіознаго сознанія, которое обнимаетъ всю міровую жизнь, всѣ времена и всѣ этапы человѣческаго опыта и приводитъ къ свѣтлой увѣренности что все, переживаемое міромъ, а слѣдовательно и нами—разумно, необходимо и ведетъ къ конечному благу.

Нѣтъ ни одного ненужнаго явленія, ни одного излишняго страданія, все хаотическое—временно и въ концѣ превратится въ гармонію. И эта увѣренность не только возможна, она неизбежна для выросшаго и углубленнаго сознанія. Но она ведетъ не къ равнодушію, а къ расширенной отзывчивости, не къ застою, а къ сознательному участию въ міровомъ творествѣ.

Возьмите человѣческое творчество: всё, что человѣкъ создаетъ цѣннаго и прекраснаго, проходитъ черезъ тяжелые процессы: камень разбивается въ дребезги, желѣзо накаливается до красна, мраморъ обтесывается, но вѣдь это дѣлается не безцѣльно, а для того, чтобы и камень, и желѣзо перешли въ болѣе высокое состояніе, стали проводниками человѣческаго творчества.

Нѣчто подобное происходитъ и въ процессѣ духовной эволюціи, черезъ которую проходитъ человѣческая душа. Она переноситъ мучительныя переживанія и скорбные опыты для того, чтобы не останавливаясь на достигнутыхъ ступеняхъ, подниматься все выше и выше.

Поднятіе это трудно и требуетъ большаго напряженія; но это потому, что достигаемая вершина *чрезвычайно высока*. И неужели пожелаемъ мы, чтобы она спустилась до нашего уровня?

Если же такой уровень насъ не прельщаетъ, необходимо помириться и съ тѣмъ напряженіемъ, и съ тою болью, которыя испытываетъ наша низшая природа, когда незримый Художникъ отбиваетъ отъ нея безпощадно кусокъ за кускомъ для того, чтобы выявилась скрытая за ней красота нашей божественной природы.

Эта боль и это напряжение особенно мучительны въ переживаемую эпоху. Потому что наша эпоха—*расцветъ личнаго начала, завершеніе внутренней обособленности*, какихъ міръ еще не видалъ никогда. Отсюда—чувство душевнаго одиночества у современнаго интеллигентнаго человѣка.

Но и это—явленіе временное. Яркое переживаніе личныхъ эмоцій, острое ощущеніе всего, что соприкасается съ собственнымъ *я*—лишь ступень, необходимая для развитія индивидуальности, для построенія отчетливаго индивидуальнаго центра сознанія. И эта ступень минуетъ, и настанетъ конецъ душевному одиночеству человѣка, которое выросло до такихъ мучительныхъ размѣровъ въ наше время.

Кто испытывалъ восторги молодой любви, тотъ знаетъ, какое блаженство заливаетъ сердце, раскрывшееся для того, чтобы принять въ себя другую жизнь; на короткое время стѣна, замыкающая наше отдѣльное *я*, падаетъ, и вмѣстѣ съ жизнью другой души вливается и радость въ наше сердце.

Но эта стихійная радость не въ нашей власти, и длится она не долго: пламенное чувство остываетъ и

человѣческая душа снова замыкается въ своемъ одиночествѣ.

Чтобы радость не переставала свѣтить человѣку и оставалась въ его власти, необходимо, чтобы *единство жизни* проникло въ его сознаніе и онъ позналъ, что его одиночество—иллюзія, что его собственная жизнь и жизнь остального міра связаны такими безчисленными нерасторжимыми нитями, что всякая попытка оторвать себя отъ общей жизни приведетъ лишь къ *страданію и къ внутреннему оскуденію*.

Другого пути для водворенія радости въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ: разрушайте свой эгоизмъ, принимайте въ свою душу жизнь окружающаго міра, сознавайте свое единство, какъ съ самымъ великимъ, такъ и съ самымъ малымъ, и радость не будетъ покидать васъ.

Мало того: вы сдѣляетесь свѣточами и для другихъ, потому что духовная радость—великая сила, разгоняющая всякій мракъ изъ души человѣка, и прежде всего, его сомнѣніе въ себѣ самомъ, въ *своей божественности, въ вѣчной цѣнности своей безсмертной души*.

П И С Ь М О XXV.

(О красотахъ.)

Красота спасетъ міръ.
Достоевскій.

Всю жизнь меня потрясали таинственные слова Евангелія: *Будьте совершенны какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный.*

«Будьте прекрасны, будьте всевѣдущи, будьте свободны и всесильны» переводилъ я смыслъ этихъ таинственныхъ словъ и передъ моею душою занималась заря невѣдомаго свѣта, словно приподымалась завѣса, скрывающая тайну будущаго.

А между тѣмъ, двѣ тысячи лѣтъ твердили человѣку, что онъ—тлѣнъ и прахъ, что онъ—сосудъ грѣха, и что самое спасеніе его души возможно только благодаря божественному милосердію.

Я не знаю ничего патетичнѣе старенькой крестьянки-бабушки, всю жизнь работавшей не менѣе своей измученной клячи, не имѣвшей никакихъ радостей и бездну всякихъ заботъ и горя, когда она—глубоко вздыхая и благоговѣйно крестясь—молитъ Царицу Небесную спасти ее, грѣшную, отъ заслуженной гибели.

Это патетическое настроеніе легло въ основу духовной жизни всего христіанскаго міра, оно обезсилѣло душу людей недовѣріемъ къ себѣ, превратило въ какую то мертвую фѣкцію идею Бога-Отца, а у потерявшихъ вѣру интеллигентныхъ слоевъ общества совсѣмъ заглушило сознаніе своей божественности.

Но—и это результаты временнаго заблужденія. Все наше тревожное отчаянье за судьбу человѣка прекратится какъ неразумный лепетъ ребенка, когда мы будемъ больше знать нашу собственную природу, подойдемъ къ ея незатронутымъ еще глубинамъ и начнемъ сознательно развивать скрытыя въ ней возможности.

Помню, какъ меня много лѣтъ назадъ взволновало письмо, помѣщенное въ одномъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ которомъ авторъ, въ отвѣтъ на статью, освѣщавшую религіозный вопросъ съ догматической точки зрѣнія, спрашивалъ съ волненіемъ и душевной мукой: *идѣ* искать ключа къ евангельскимъ тайнамъ, *какъ* понять призывъ Христа къ совершенству, какъ понять Его обѣщаніе «горы сдвигать», возвращать зрѣніе слѣпымъ, слухъ глухимъ, здоровье страждущимъ?

Онъ видѣлъ въ этихъ словахъ Христа указаніе на *безграницныя возможности внутри самого человѣка*, на какія-то скрытыя въ немъ силы, которыя могутъ сдѣлать его *богоподобнымъ* и о которыхъ мы ровно ничего не знаемъ

«Гдѣ же скрываются эти силы? Какъ вызвать ихъ къ жизни? Кто укажетъ намъ»? Вопросы эти были постановлены авторомъ письма съ большимъ огнемъ

и все письмо было проникнуто твердой рѣшимостью искать и стучаться до тѣхъ поръ, пока не раскроется тайна обѣтованія Божественнаго Учителя, предъ которымъ все было открыто—и прошедшее и будущее—и который не могъ обѣщать *неисполнимаго*.

Меня потрясло это письмо потому, что въ немъ былъ громко и опредѣленно поставленъ вопросъ о томъ самомъ главномъ во всемъ ученіи Христа, что въ теченіе двухъ тысячелѣтій замалчивалось вольно или невольно, а если и затрагивалось, то на такихъ туманныхъ высотахъ мысли, которыя совершенно недоступны въ долинѣ жизни, гдѣ живутъ обыкновенные люди. А вѣдь слова Христа были сказаны для всѣхъ, они *всѣмъ* обѣщали, что человѣкъ *можетъ* достигнуть божественнаго совершенства.

Хотѣлось бы мнѣ знать, удалось ли автору письма найти ключъ къ тайнѣ Христовыхъ словъ? Возможно, что да, потому что его душа загорѣлась тѣмъ огнемъ, который заставляетъ человѣка сойти съ привычныхъ тропинокъ мысли, искать новыхъ путей и доходить до конца; и есть много признаковъ, что это—не исключительное явленіе, что уже много человѣческихъ душъ начинаетъ искать того же ключа.

Судя по этимъ признакамъ, мы подходимъ къ новой міровой задачѣ, къ задачѣ *внутренняго строительства*, вызывавшей къ себѣ до сихъ поръ такъ мало вниманія потому, что люди были слишкомъ поглощены внѣшнимъ строительствомъ.

Задачу эту можно бы обозначить тремя словами,—*раскрытіе тайны человѣка*.

Мы уже вырвали много тайнъ у природы, но намъ не удастся постигнуть тайну Бога, пока мы не овладѣемъ «тайной человѣка». Ибо не внѣ себя, а только *внутри себя можетъ человѣкъ познать Бога.*

Читатель можетъ спросить: какіе же признаки я вижу, что люди подходятъ къ этой новой задачѣ? Виднѣе всего эти признаки въ искусствѣ, которое все болѣе и болѣе стремится передать не то, что внѣ человѣка, а то, что внутри его. И еще замѣтнѣе это въ томъ вдохновеніи и подъемѣ, которые художникъ вызываетъ каждый разъ, когда ему удается выразить въ звукахъ или краскахъ ту таинственную, невыразимую для нашихъ трехмѣрныхъ понятій жизнь души, которую всѣ мы носимъ внутри себя.

Мы смотримъ на картину талантливаго художника, которому удалось въ прекрасныхъ воздушныхъ символахъ выразить глубочайшія переживанія своего духа, которымъ нѣтъ имени на земномъ языкѣ, и мы испытываемъ вмѣстѣ съ нимъ его глубокія и свѣтлыя волненія, которыя переносятъ насъ на высшій планъ бытія.

Мы слушаемъ одухотворенную музыку и на время перестаемъ жить нашимъ обычнымъ сознаниемъ во времени и пространствѣ, мы начинаемъ жить *высшимъ сознаниемъ*: гармонія, созданная такой же человѣческой душой, какъ наша, будить въ насъ отвѣтныя вибраціи и поднимаетъ насъ въ высшіе міры, гдѣ кончаются наши земные диссонасы и начинается непрерывная гармонія.

Въ такія минуты въ насъ проявляются силы, которыя въ обыденное время спятъ. Искусство будить ихъ, потому что оно одно способно выразить красоту духа, а ничто не дѣйствуетъ такъ сильно на нашу душу, какъ напоминаніе объ этой красотѣ. Мы такъ долго жили сознаніемъ на одномъ физическомъ планѣ и такъ привыкли къ его шумнымъ и рѣзкимъ вибраціямъ, что когда намъ удастся подняться на высоту, гдѣ раскрывается вся тонкая красота нашей духовной природы,—насъ потрясаетъ внезапное прикосновеніе къ ней.

Прошлой зимой мнѣ пришлось быть на лекціи-концертѣ піаниста Шора. Концертъ давался въ провинціальномъ городѣ; залъ былъ переполненъ. Лекторъ говорилъ о томъ, какъ создавалась музыка, какъ она прежде всего служила для выраженія религіознаго чувства людей: говорилъ о судьбѣ русской музыки и объ ея особенностяхъ, затѣмъ знакомилъ аудиторію съ характеромъ музыки Чайковского, демонстрируя ее съ помощью туманныхъ картинъ, рояля и пѣнія. Все это было очень интересно, но всеобщій подъемъ и напряженное вниманіе начались тогда, когда лекторъ заговорилъ о душѣ русскаго народа.

Онъ говорилъ, что душа народа, создавшая такую музыку какъ наша, музыку, въ которой соединилась глубина и одухотворенность, необъятная ширина настроенія и тонкая отзывчивость,—такая душа таитъ въ себѣ великія духовныя возможности. Она создастъ своихъ Бетховеновъ и своихъ Моцартовъ, но еще болѣе могучихъ и прекрасныхъ. На это ей даютъ право ея страданія и ея размѣры.

Но что такое *народная душа*? Гдѣ она?

Эта душа—*мы сами*, нашъ собственный духъ, и если мы хотимъ, чтобы душа нашего народа создала высокую красоту, *мы* должны растить красоту въ себѣ самихъ, *мы* должны очищать нашъ внутренній міръ, сознательно оберегать его отъ дурныхъ вторженій, строить его по линіямъ той чистой красоты, которая раскрывается передъ нами, когда мы перестаемъ подчиняться велѣніямъ нашей низшей природы и начинаемъ слышать голосъ нашего *Высшаго Я*.

Я могу не точно передать слова лектора, но смыслъ ихъ былъ именно такой. Смыслъ этотъ и былъ той электрической искрой, которая зажгла всѣхъ присутствовавшихъ; когда мы расходились, чувствовалось совершенно необычайное настроеніе, словно произошло какое-то важное и радостное событіе. А произошло только то, что людямъ напомнили, *что они могутъ быть прекрасны*.

Мы такъ привыкли, что всѣ призывы обращены къ нашему интеллекту и изрѣдка къ нашимъ чувствамъ, и такъ необыченъ для насъ призывъ къ вѣчной красотѣ нашего духа, а тѣмъ болѣе—твердо выраженная вѣра въ эту красоту, что это для насъ такіе же «невѣдомые звуки», какіе когда-то потрясали нашихъ далекихъ предковъ, правившихъ кровавыя тризны, когда они впервые услышали проповѣдь всепрощающей любви и кроткаго милосердія.

Во время лекціи-концерта Шора можно было ясно видѣть по загорѣвшимся глазамъ и просвѣтленнымъ

лицамъ, что «невѣдомые звуки» падаютъ не на безплодную почву, а на вспаханную ниву.

Такое же впечатлѣніе можно было вынести и изъ другого общественнаго собранія, на которомъ демонстрировалась хотя и совершенно иначе, но по существу все та-же скрытая красота человѣка. Я говорю о вечерѣ въ петербургскомъ Михайловскомъ театрѣ, на которомъ столичная публика знакомилась съ чрезвычайно интереснымъ явленіемъ, носящимъ скромное названіе *ритмической гимнастики*.

Жакъ Далькрозъ, изобрѣтатель этой новой области искусства, показалъ въ наглядныхъ примѣрахъ, что гармонія живетъ въ душѣ cadaго человѣка; *нужно только разбудить ее и перевести изъ скрытаго состоянія въ явное*.

Вызванное посредствомъ музыки чувство гармоніи выражается у учениковъ Далькроза необыкновенной красотой движеній: легкость, грація, благородство и свобода этихъ движеній заставляла мечтать, что на сцену Михайловскаго театра спустился греческій Олимпъ, и не простые смертные, а молодые боги двигаются подъ ритмъ музыки—то легкіе какъ духи природы, то величественные какъ пророки, то нѣжные и мечтательные, то суровые какъ древніе воины.

А между тѣмъ, ученики Далькроза—простые работники и работницы изъ Hellgau вблизи Дрездена, гдѣ онъ основалъ свой «Институтъ Ритмической Гимнастики». Не мудрено, что зрители, привыкшіе смотрѣть на себя, какъ на «продуктъ наслѣдственности

и среды», должны были невольно задуматься: откуда эта неожиданная красота? Какъ объяснить эту грацію, и достоинство, и высокую одухотворенность въ движеніяхъ самыхъ обыкновенныхъ людей?

И что самое главное, эта гармонія и красота—не результатъ искусственной тренировки, какая бываетъ въ хореографическихъ школахъ, гдѣ совершенство движеній у танцующихъ достигается путемъ упорнаго и часто мучительнаго труда. Всѣ, присутствовавшіе при занятіяхъ Далькроза, говорятъ о чувствѣ удовлетворенія и радости, которое испытываютъ его ученики.

Разсказываютъ, что пожилые люди, сбѣгающіеся толпами, чтобы посмотреть на упражненія въ «Институтѣ» Далькроза, горюютъ, что имъ уже поздно учиться и не придется испытать тѣхъ радостей, какими пользуется ихъ молодежь.

Это чувство радости есть ясное указаніе на то, что Далькрозь напалъ на путь прямого воздѣйствія на *высшую природу* человѣка, на его духъ или его «Высшее Я», какъ называетъ болѣе тонкая восточная психологія внутренній центръ человѣка.

Музыкальная гармонія—принадлежность высшаго, духовнаго плана, а не нашего физическаго плана; тамъ нѣтъ диссонансовъ, слѣдовательно нѣтъ и страданій, тамъ царитъ гармонія и ея спутница—радость. Наше Высшее Я живетъ или вибрируетъ—что одно и то же—по законамъ этого высшаго плана (или духовнаго міра, какъ принято называть на Западѣ); ему свойственна та же гармонія и радость, и это

хорошо знаютъ всѣ гени, мистики и великіе художники, которые тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ людей, что они приходятъ въ прямое соприкосновеніе съ этимъ высшимъ планомъ бытія; но и обыкновенные люди приходятъ съ нимъ въ соприкосновеніе, когда музыкальная гармонія заставляетъ вибрировать ихъ Высшее Я.

Подобное дѣйствуетъ на подобное: подъ вліяніемъ однородныхъ вибрацій человѣческой духъ пробуждается и овладѣваетъ своимъ орудіемъ—земнымъ сознаниемъ, въ которомъ на эти минуты сліянія съ его высшей природой погасаютъ всѣ рѣзкія, земныя вибраціи и возникаютъ отзвуки неземной красоты невидимаго духовнаго міра.

Этого и достигаетъ Далькрозъ: онъ будитъ высшую природу своихъ учениковъ, которая заставляетъ тѣло двигаться по законамъ собственной гармоніи; отсюда—красота движеній и красота настроенія, которую мы называемъ *радостью*.

Такую же радость мнѣ приходилось наблюдать на урокахъ музыки А. В. Унковской, также какъ Далькрозъ умѣющей будить духъ своихъ учениковъ и также пролагающую новые пути для искусства своей «цвѣто-звуковой методой» обученія дѣтей музыкѣ.

Такая радость будетъ частой гостьей въ школахъ будущаго, когда педагоги узнаютъ истинную природу человѣка и начнутъ дѣйствовать не *вопреки* ея законамъ, какъ они дѣйствуютъ теперь, а *въ согласіи съ этими законами*.

Всѣ такія явленія, какъ обращенная къ «Высшему Я» лекція-концертъ Шора, какъ будящіе интуицію цвѣто-звуки Унковской, какъ раскрывающая красоту человѣка ритмическая гимнастика Далькроза, все это—приближеніе къ той грани между видимымъ физическимъ міромъ и міромъ невидимымъ, которая становится съ каждымъ днемъ все прозрачнѣе и тоньше.

Еще нѣсколько такихъ наглядныхъ уроковъ и передовая волна человѣчества вступитъ въ новую эру; въ этомъ недалекомъ будущемъ форма будетъ признаваться орудіемъ духа, а новая общественная этика потребуетъ отъ человѣка, чтобы онъ подчинялъ свое творчество велѣніямъ духа, а не требованіямъ эгоистическихъ инстинктовъ своей низшей природы.

Прелюдией къ этому новому акту человѣческой драмы будетъ пробужденная вѣра въ *красоту человѣка, въ безпредѣльныя возможности ея эволюціи, въ божественныя свойства ея безсмертнаго духа.*

Воистину, красота спасетъ міръ.

П И С Ъ М О XXVI

(О трудѣ.)

Безкорыстный трудъ есть тотъ фундаментъ, на которомъ можетъ быть возведено зданіе справедливой общественной этики.

Недавно мнѣ пришлось прослушать докладъ, который по новизнѣ идей и по прогрессивному значенію основной мысли можно назвать однимъ изъ предвѣстниковъ пробуждающагося общественнаго сознанія, которому предстоитъ по новому перестроить всю нашу современную жизнь.

Докладчицей была Александра Логиновна Погосская, случайная гостя въ Россіи, уже давно переселившаяся въ Лондонъ, гдѣ ея идеи нашли болѣе понятливыхъ слушателей, чѣмъ въ Россіи; возможно, что это произошло потому, что идейная пропаганда В. Морриса и Джона Рескина подготовила сознаніе англичанъ къ воспринятію ея идей, далеко опередившихъ свое время.

Нѣтъ доли болѣе трудной, чѣмъ доля человѣка, далеко опередившаго своихъ современниковъ; его не понимаютъ, часто высмѣиваютъ, онъ всегда одинокъ

и всегда борется съ безчисленными препятствіями, вырастающими на каждомъ шагу, когда приходится прокладывать новые пути.

Для такой работы нужны большія силы и необыкновенная энергія и, прежде всего, глубокая вѣра въ правду своей идеи. Такой большой силой и такой глубокой вѣрой былъ проникнутъ докладъ г-жи Погосской; въ немъ не было ни одного заимствованнаго слова, никакихъ компромиссовъ мысли, онъ былъ оригиналенъ отъ начала до конца и отъ него вѣяло свѣжестью новой, только что прокладываемой стези мысли.

И сама г-жа Погосская настолько выдающееся явление, что, говоря о ея докладѣ, хочется хотя бы двумя-тремя штрихами очертить ея обликъ. Ея высокая, прямая фигура, нѣсколько суровая голова съ серебрянными волосами и съ молодымъ огнемъ часто загорающихся умныхъ черныхъ глазъ, ея образная рѣчь, въ которой каждое слово является результатомъ глубокихъ внутреннихъ переживаній, тяжелой жизненной борьбы и страстнаго протеста противъ всей фальши и условности современной жизни,—все это невольно притягиваетъ и вызываетъ интересъ къ ней самой и къ ея мыслямъ.

Когда мнѣ посчастливилось ближе узнать г-жу Погосскую и ея прошлое, для меня стало ясно, въ какомъ огнѣ выковывалась ея непоколебимая нравственная энергія и какъ возникали ея смѣлыя новаторскія идеи, которыя и отразились въ ея докладѣ. Еще молодой

женщиной, не стерпѣвъ мертвящихъ условій, которыми отличалась русская жизнь 80-хъ годовъ, г-жа Погосская уговорила своего мужа эмигрировать въ Америку. Когда она пріѣхала во Флориду съ четырьмя малолѣтними дѣтьми и попала въ совершенно первобытныя условія, ей пришлось взяться за всѣ отрасли труда: помогать при постройкѣ дома, копать колодець, выращивать овощи и относить ихъ за нѣсколько миль на рынокъ, стирать, растить своихъ дѣтей, а для пополненія бюджета шить негритянкамъ платья и давать уроки музыки, и все это дѣлалось одной парой рукъ.

Если прибавить, что все это происходило въ рамѣ первобытнаго флоридскаго лѣса, на невоздѣланной почвѣ, въ сосѣдствѣ съ дикими звѣрями, подъ періодическими ливнями, которые застали переселенцевъ, когда еще не было крыши надъ ихъ головой, то можно себѣ представить весь размѣръ той героической школы труда, черезъ которую прошла г-жа Погосская. И она прошла ее не даромъ: она вынесла изъ нея уваженіе къ личному труду и привычку «не сбрасывать свою ношу на чужія плечи», какъ это дѣлаютъ, по ея выраженію, обезпеченные классы европейскаго общества.

Г-жа Погосская остается вѣрна своимъ завѣтамъ и до сихъ поръ; несмотря на свои 64 года, она не держитъ прислуги, все дѣлаетъ для себя сама и нисколько этимъ не тяготится, несмотря на огромный трудъ, который несетъ въ своемъ лондонскомъ складѣ, гдѣ ей приходится руководить большимъ торговымъ дѣломъ и въ то же время неустанно вести пропаганду своихъ идей.

Она утверждаетъ, что многіе виды болѣзней, невращеніи и дурныхъ настроеній поддерживаются въ нашихъ культурныхъ классахъ недостаткомъ физическаго труда, и что представители этихъ классовъ были бы здоровѣе, жизнерадостнѣе, счастливѣе и энергичнѣе, если бы они побольше работали своими руками. Трудъ, по ея убѣжденію, обладаетъ огромной цѣлительной силой, онъ вызываетъ обмѣнъ между нашимъ организмомъ и жизненной силой невидимаго міра.

Возвратившись изъ Америки, г-жа Погосская, всегда интересовавшаяся крестьянскимъ ручнымъ трудомъ, принялась работать въ этой области. Она начала разыскивать старинные узоры, въ которыхъ еще отражалась ненарушенная связь съ природой и сказывалась самобытность непосредственнаго народнаго творчества; а когда она убѣдилась, что красота этихъ образцовъ зависитъ болѣе всего отъ растительной окраски, она рѣшила возобновить это почти утерянное крестьянами искусство. Соприкосновеніе съ свѣтлымъ родникомъ народнаго творчества дало ей возможность возстановить много художественныхъ старинныхъ образцовъ ручного труда, начиная съ цвѣтныхъ вышивокъ и кончая издѣліями по дереву, металлу и т. д.

Въ началѣ она работала для русскаго земства, создала въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи нѣсколько пунктовъ, гдѣ крестьяне работали по ея художественнымъ образцамъ. Но въ Россіи ей было слишкомъ трудно работать въ рамкахъ чиновничьяго отношенія

къ задуманному широкому дѣлу, и она перенесла свою дѣятельность въ Англію, гдѣ нашла гораздо больше сочувствія и пониманія.

Въ самое послѣднее время ей удалось заинтересовать своими идеями нѣсколько выдающихся людей и съ ихъ помощью создать *Международный Союзъ Ручнаго Труда*, представителемъ котораго избранъ Вальтеръ Крэнъ, извѣстный въ Англіи художникъ, отецъ декоративнаго искусства Англіи, другъ и послѣдователь Морриса. Цѣль союза—поднять идею труда, создать новое отношеніе къ труду, *какъ къ выраженію любви и взаимопомощи*. Для достиженія этой цѣли предполагается: а) идейная пропаганда; б) огражденіе національныхъ ремеслъ и искусствъ и поощреніе всѣхъ формъ ручнаго труда, въ которыхъ проявляется народное творчество; в) объединеніе—посредствомъ періодическихъ выставокъ, конференцій и другихъ средствъ—ручнаго труда всѣхъ странъ въ такихъ образцахъ, въ которыхъ бы наиболѣе полно выразилась вся красота народнаго творчества.

Образецъ такой выставки былъ устроенъ г-жей Погосской въ прошломъ году въ Англіи. Выставка эта должна была доказать, что всякое самобытное народное творчество, сохранившееся въ своей чистотѣ, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы красоты и что единеніе народовъ на почвѣ труда можетъ быть могущественнымъ средствомъ для водворенія международнаго мира. Англійскіе кустари, ткущіе изъ русской пряжи, сицилійскія вышивальщицы, работающія по тканямъ, сдѣ-

ланнымъ уэльскими ткачами, шелковыя вышивки жителей города Лидса по холсту, вытканному въ костромскихъ деревняхъ, это—такія явленія, которыя, проникнувъ въ сознаніе трудящихся, могутъ стать прочнымъ фундаментомъ для дружественныхъ международныхъ отношеній.

По поводу русскихъ народныхъ издѣлій докладчица дала намъ интересную справку относительно того, что русскія ручныя издѣлія стали на одно изъ первыхъ мѣстъ на европейскихъ рынкахъ съ тѣхъ поръ, какъ издѣлія Японіи вышли изъ моды. Это случилось благодаря тому, что Японія перешла къ машинному производству и вмѣсто прежнихъ чудныхъ ручныхъ издѣлій, вырабатываетъ для иностранныхъ рынковъ такое колоссальное количество плохой дешевки, которое уничтожило всю ея былую славу.

Главная мысль доклада г-жи Погосской сводится къ *необходимости безкорыстнаго труда, какъ фундамента для новой общественной этики*. По мнѣнію докладчицы, трудъ не всегда носилъ тотъ характеръ принудительности и эксплоатации, который онъ носитъ теперь. Когда-то трудъ былъ въ гармоніи съ природой и съ творческими силами самого человѣка, и тогда онъ былъ не проклятіемъ, а желаннымъ и любимымъ проявленіемъ человѣческихъ силъ и способностей.

И въ наше время, тамъ, гдѣ крестьянскій трудъ поставленъ въ сносныя политическія и экономическія условія, онъ все еще является такимъ любимымъ трудомъ.

Когда народы еще не переходили къ машинному производству и капиталистическому строю, и каждая семья производила большинство всѣхъ нужныхъ для нея вещей сама, въ ея трудъ вкладывалась любовь и творческая изобрѣтательность, отчего и трудъ носилъ характеръ красоты и оригинальности.

Когда же совершилось *первое* преступленіе, повлекшее за собой настоящее положеніе вещей? Оно совершилось тогда, когда человѣкъ впервые *взвалилъ на плечи другою свой трудъ, пользуясь своей силой*. Это сложеніе своей ноши на плечи другого и положило основаніе рабству (откуда и самое названіе работа) и, по мѣрѣ того, какъ эгоизмъ однихъ за счетъ другихъ былъ возводимъ въ законъ, начали вводиться и всѣ грѣхи въ нашу европейскую культуру.

Трудъ во всѣхъ своихъ видахъ отражаетъ всегда и вездѣ нравственный обликъ своего творца—человѣка. Въ настоящее время идея труда понизилась до такой степени, что его начинаютъ считать чуть не за «зло и проклятье», и это немудрено: все принудительное, все основанное на эгоистическихъ соображеніяхъ, не можетъ заключать въ себѣ элементовъ привлекательности, а слѣдовательно и любви. И до тѣхъ поръ, пока въ основу человѣческаго труда не будетъ положенъ законъ любви и взаимопомощи, никакія реформы и внѣшнія улучшенія не помогутъ. Болѣе грубыя формы эксплоатаціи будутъ замѣняться болѣе тонкими формами, а принципъ останется тотъ же. Большинство будетъ попрежнему стремиться по-

лучать для себя—при наименьшей затратѣ—какъ можно больше продуктовъ чужого труда, и это одинаково приложимо и къ богатымъ и къ бѣднымъ, и къ хозяевамъ, и къ работникамъ; разница только въ масштабѣ вождельній, а основа, самое *настроение*—одно и то же какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ.

Чтобы этого не было, *необходимо, чтобы люди трудились не за плату, а добровольно, не для себя, а для другихъ*. Другого исхода нѣтъ и быть не можетъ. Все остальное будетъ палліативомъ, смягченьемъ грѣха, а не устраненіемъ его. Въ наше время непониманіе необходимости и святости труда дошло до того, что стали избѣгать самаго слова «трудъ». Его замѣнили «дѣятельностью», а трудъ оставили для простонародья.

Идеаломъ для современныхъ людей сдѣлалось *возможно* меньшее количество труда и *возможно* бѣльшее вознагражденіе. Въ другихъ сферахъ жизни этика поднялась несравненно выше. Такъ, когда молодая дѣвушка выходитъ замужъ за богатаго старика съ единственной цѣлью имѣть хорошую обстановку, къ этому всѣ относятся неодобрительно и она сама старается скрыть свой мотивъ. Ей стыдно. А взять послѣ «молодыхъ» мечтаній о служеніи общему благу, о наукѣ и т. п. должность продавщицы водки или собирателя акциза, это—не стыдно, это дѣлается открыто и такая «дѣятельность» считается выше труда кухарки или дворника. И это естественно, потому что для современнаго человѣка главный вопросъ вовсе не въ *самомъ трудѣ*, а въ *размѣрѣ заработка*.

Все въ земной жизни дается опытомъ, и трудъ человѣческій прошелъ черезъ большой циклъ опыта, черезъ длинный рядъ ошибокъ и искаженій и привелъ человечество къ тому положенію, въ которомъ оно страдаетъ и бьется въ настоящее время. Ошибки и искаженія не проходятъ даромъ, они ведутъ къ диссонансамъ жизни, а диссонансы не перестанутъ мучить насъ, пока мы не *разрѣшимъ ихъ въ гармонію*.

Что же могутъ сдѣлать усилія отдѣльныхъ людей въ такомъ коренномъ вопросѣ жизни? Мы можемъ *измѣнить наше отношеніе къ труду*.

Трудъ, который совершается изъ-за заработка, *безъ любви, безъ признанія его цѣнности для встѣхъ*, есть рабскій трудъ; онъ тотъ же рабскій и въ наше время, хотя современные рабы не ходятъ голые и не носятъ цѣпей, какъ въ древности. Всѣ, кто имѣетъ возможность, сваливаютъ свой трудъ на чужія плечи и не только не отвѣчаютъ за это благодарностью, но въ большинствѣ случаевъ относятся съ презрѣніемъ или по меньшей степени съ равнодушіемъ къ тѣмъ, которые работаютъ за нихъ. Это несправедливое отношеніе отражается на трудящихся, и они начинаютъ смотрѣть на свой трудъ, какъ на «зло и проклятіе» и ненавидѣть его.

Кто не хочетъ жить какъ бессмысленный винтъ въ дѣйствующей машинѣ, а желаетъ отвѣчать за свои поступки передъ своей совѣстью, тотъ *долженъ* измѣнить это неправильное отношеніе къ труду по крайней мѣрѣ въ своей личной жизни.

Нужно начать съ того, чтобы уничтожить рѣзкую грань, которая отдѣляетъ физическій трудъ отъ умственнаго и побольше дѣлать собственными руками; а затѣмъ, приучить себя относиться съ благодарностью къ тѣмъ, кто работаетъ на насъ и считать денежное вознагражденіе лишь временнымъ зломъ, которое съ развитіемъ нравственнаго сознанія должно замѣниться чувствомъ любви и взаимопомощи и свободнымъ служеніемъ на пользу всѣхъ.

Трудъ, какъ товаръ на рынкѣ, есть такое же рабство, какъ и трудъ древнихъ рабовъ, онъ только замаскированъ заработной платой. Единственный свободный трудъ есть тотъ, который дѣлается *безъ кофрысти, съ любовью къ труду, совершенно независимо отъ прибыли, которую онъ принесетъ для своего творца.* Въ такомъ трудѣ будутъ всѣ элементы, придающіе творчеству красоту: *любовь, гармонія съ законами природы, свободное служеніе.*

Таково, въ короткихъ словахъ, содержаніе интереснаго доклада г-жи Погосской. Въ слѣдующемъ письмѣ постараюсь дать нѣсколько указаній на то правильное отношеніе къ человѣческому труду, котораго требуетъ теософическое міропониманіе.

П И С Ь М О XXVII

(Характеръ труда въ будущемъ.)

Созданіе самого малочисленнаго трудового союза будетъ имѣть для историка культуры большую цѣнность, чѣмъ битва при Садовой.

Иоанъ Якоби.

Докладъ г-жи Погосской, изложенный вкратцѣ въ предыдущемъ письмѣ, доступенъ далеко не для всѣхъ. Большинство, признающее современное положеніе вещей роковой неизбѣжностью всякаго человѣческаго общежитія, а людской эгоизмъ неизмѣнной основой человѣческой природы,—отнесется къ мыслямъ г-жи Погосской какъ къ безплодному идеализму.

Но не всѣ думаютъ такъ. Есть люди—и ихъ будетъ становится все больше—начинающіе выходить изъ подъ гипноза, который возвелъ слабыя стороны развивающагося человѣка въ неизмѣнный законъ его природы, а несовершенство его учреждений въ «железныи законъ необходимости».

Точно также начинаетъ вызывать сомнѣніе и другое, не менѣе распространенное общее мѣсто, которое утверждаетъ, что характеръ человѣка строится не имъ самимъ, а окружающими условіями.

Первый предразсудокъ служитъ къ поддержанію недостойной человѣка «борьбы за существованіе», а второй загналъ нашу мысль въ такой безвыходный кругъ, изъ котораго она не въ состояніи выбиться и до сихъ поръ.

А между тѣмъ это вовсе не неизбѣжный порядокъ вещей; его поддерживаеъ *временное* несовершенство человѣка и его эгоизмъ, съ которымъ уже вступило въ борьбу его высшее сознание; точно также и безсиліе человѣка передъ обстоятельствами замѣняется каждый разъ активной силой, когда онъ *не хочетъ* болѣе подчиняться имъ. Мы постоянно видимъ, какъ человѣкъ, знающій *что* ему нужно, побѣждаетъ обстоятельства и приспособляетъ ихъ къ своему вкусу; если же это можетъ сдѣлать одинъ, могутъ сдѣлать это и другіе.

Всѣ, раздѣляющіе вредный предразсудокъ относительно безсилія людей передъ окружающими условіями—забываютъ, что условія, въ которыхъ живутъ современные люди, созданы такими же людьми, какъ и они, только жившими ранѣе ихъ. А разъ они построены людьми, люди же и измѣняютъ ихъ, какъ только появится желаніе создать новыя условія. Весь вопросъ въ томъ: *когда* появится это желаніе?

Большимъ тормазомъ для его появленія служитъ *неясность нашего сознанія*, вѣчное вращеніе мысли на поверхности вещей, непривычка углубляться въ источники переживаемыхъ явленій.

Въ дѣйствительности человѣческой трудъ проходилъ черезъ такія же эволюціонныя ступени, какъ и

все въ мірѣ. Въ началѣ трудъ служилъ для удовлетво-
ренія личныхъ потребностей человѣка и его семьи.
Когда же начались распри и войны, *дань побѣжден-
наго въ пользу побѣдителя* создала *трудъ раба* и
это положеніе вещей длилось до тѣхъ поръ, пока са-
ми люди не положили ему конецъ, *какъ несправед-
ливости, которую они переросли*.

Затѣмъ возникъ *продажный трудъ* со всѣми при-
знаками обращающагося на рынкѣ товара, и *эту* фор-
му труда создали сами люди.

Естественное теченіе жизни приведетъ къ тому,
что и ему будетъ положенъ конецъ какъ *несправед-
ливости*, которую люди переростутъ такъ же, какъ
они переросли рабскій трудъ.

Развитіе сознанія идетъ всегда впереди жизненной
практики, и уже по тому направленію, которое при-
нимаетъ мысль лучшихъ людей нашего времени, мож-
но предвидѣть, что грядущая форма человѣческаго
труда будетъ основана на *внутренней свободѣ чело-
вѣка* и на *признаніи великаго культурнаго значенія
безкорыстной взаимопомощи во всѣхъ отдѣлахъ об-
щественной жизни*.

Наши мысли въ области труда чрезвычайно спута-
ны благодаря тому, что мы возводимъ временныя яв-
ленія въ *законъ* и судимъ обо всемъ по внѣшнимъ
признакамъ вещей, а не по истинной ихъ сути. Возь-
мемъ примѣръ. Мы постоянно смѣшиваемъ богатство
съ эксплуатаціей и считаемъ эксплуатацію неизбѣж-
ной спутницей богатства. Изъ этого строится невѣр-

ный выводъ, что стоитъ лишь упразднить богатыхъ фабрикантовъ и сдѣлать рабочихъ хозяевами фабрикъ, какъ зло немедленно устранится. Такъ думаетъ большинство.

А между тѣмъ, это—чистѣйшая иллюзія. Будетъ ли человѣкъ фабрикантъ или рабочій, богатый или бѣдный, онъ дѣлается эксплуататоромъ каждый разъ, когда *стремится заплатить какъ можно дешевле за продукты чужого труда*. А къ этому при современномъ порядкѣ вещей стремятся рѣшительно всѣ. Какъ богачъ, носящій дорогую одежду, такъ и бѣднякъ, принужденный довольствоваться дешевой, оба становятся въ положеніе *эксплуататоровъ*, когда стремятся заплатить какъ можно меньше за приготовленную для нихъ одежду. Ни тотъ, ни другой совсѣмъ не желаютъ страданія для портныхъ, но оба одинаково стремятся *удержать для себя какъ можно больше и отдать другимъ какъ можно меньше*.

Богатство и бѣдность—признакъ второстепенный и переходный: сегодняшній богачъ можетъ быть завтра бѣднякомъ, бѣднякъ можетъ сдѣлаться миллионеромъ, дѣло не въ этомъ, а въ томъ *неизмѣнномъ* признакѣ, который лежитъ въ основѣ всего современнаго общественнаго строя.

Признакъ этотъ: *личная корысть*, которая служитъ скрытой пружиной для дѣятельности, какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ, какъ богачей, такъ и бѣдняковъ.

Огромное большинство современныхъ людей работаетъ ради корысти, чтобы приобрѣсти лично для се-

бя какъ можно болѣе предметовъ, а *какъ* эти предметы изготовляются, до этого ему дѣла нѣтъ. Отсюда—*отсутствіе любви къ своему собственному труду и бездушное отношеніе къ чужому.*

А между тѣмъ, нелюбимый трудъ влечетъ за собой не только паденіе творчества и оскудѣніе талантовъ, но онъ придаетъ тяжелый характеръ *всей* жизни человѣка. Изъ нелюбви къ тому труду, который дѣлается человѣкомъ, вытекаетъ нелюбовь къ самой жизни.

Какъ для здоровья тѣла необходимъ правильный обмѣнъ веществъ, такъ и для здоровья *внутренняго* человека необходимъ правильный обмѣнъ его душевныхъ силъ, свободное проявленіе его дарованій и способностей. *Отъ этого зависитъ все настроеніе человѣка.*

Это—азбучная истина, первые слоги въ алфавитѣ жизни, а между тѣмъ съ ними никто не считается и результатомъ является нездоровое настроеніе, пессимизмъ, тоска, отсутствіе достоинства и жезнерадости, а затѣмъ и пониженіе интереса къ самой жизни.

Въ такой же степени подрываетъ самую основу здоровой общественной этики и бездушное отношеніе къ чужому труду. Отсутствіе интереса къ счастью ближняго, легкомысленное равнодушіе къ благосостоянію тѣхъ, которые трудятся надъ изготовленіемъ предметовъ, необходимыхъ для поддержанія нашего существованія,—и есть то зло, которое создало такія уродливыя явленія, какъ «безпощадная борьба за существованіе» и эксплуатация однихъ людей другими.

Рабскій трудъ мы пережили. На смѣну ему появился капиталистическій строй. Но и его мы уже начинаемъ перерастать. Лучшие люди вынесли ему смертный приговоръ какъ *несправедливому*, а современные экономисты стремятся выработать такія экономическія условія, при которыхъ рабочіе получали бы для себя самихъ *всю* прибыль отъ своего труда, т. е. работали бы исключительно *для себя*.

Далѣе этого идеала не идутъ ихъ мечты. А между тѣмъ осуществленіе этой мечты не устранитъ *корня зла*; онъ будетъ по прежнему жить и пускать новые побѣги.

Корень въ *эгоизмъ людей*, въ ихъ *корысти* и все, что построено на этомъ фундаментѣ, все равно—проявляется ли эгоизмъ единичнымъ человѣкомъ или цѣлымъ классомъ и даже цѣлымъ народомъ,—должно неизбѣжно вести къ несправедливости, а слѣдовательно и къ бѣдствіямъ.

И пока мы будемъ бороться съ этимъ корнемъ всѣхъ человѣческихъ страданій наружными мѣрами, мѣняя формы и учрежденія и не мѣняя *самою* *человѣка*, до тѣхъ поръ мы никакого серьезнаго измѣненія въ общемъ благополучіи не дождемся.

Измѣниться долженъ *самъ* *человѣкъ*, и на это измѣненіе *его внутреннихъ свойствъ*, дающихъ *директивы* *его поведенію* и должно быть обращено вниманіе всѣхъ, кто желаетъ вліять на строительство жизни.

Д-ръ Штейнеръ освѣщаетъ внутренній законъ человѣческаго труда съ точки зрѣнія оккультиста въ

такихъ выраженіяхъ: «*Благо общества, состоящаго изъ совмѣстно-работающихъ людей тѣмъ больше, чѣмъ меньше каждый работающій претендуетъ на результаты своихъ собственныхъ трудовъ; результаты эти должны отдаваться друимъ, а потребности самого работающаго удовлетворяться не собственными усиліями, а усиліями друихъ.*»

«Этотъ главный законъ дѣйствуетъ съ такой же математической необходимостью, какъ любой естественный законъ природы», говоритъ д-ръ Штейнеръ далѣе. «Въ общественной жизни законъ этотъ долженъ проявиться въ томъ, чтобы людямъ удалось создать такія учрежденія, при наличности которыхъ никто не будетъ претендовать на плоды своей собственной работы; плоды эти будутъ итти по возможности цѣликомъ на пользу *всей* общины. Самъ же работающій долженъ поддерживаться работой своихъ ближнихъ».

Этимъ будетъ положенъ конецъ вредной зависимости труда отъ тѣхъ средствъ, которыя обеспечиваютъ личное благосостояніе трудящагося; иными словами, освобожденный трудъ пріобрѣтаетъ *характеръ безкорыстія* и только благодаря этому *измѣненію мотива человѣческаго труда* могутъ кореннымъ образомъ измѣниться и всѣ отношенія между людьми.

Въ сущности всѣ мы существуемъ и *должны* существовать на счетъ труда своихъ ближнихъ. Все, что мы ѣдимъ, во что одѣваемся, дома, въ которыхъ живемъ и т. д. все это сдѣлано трудами другихъ, а

не нашими; это вполне естественно и было бы *хорошо*, если бы только человѣческой эгоизмъ не внесъ въ общественный трудъ *дурное стремленіе* получить какъ можно больше для себя и свалить какъ можно больше *на чужія плечи*. Вотъ это *дурное стремленіе* и внесло всѣ бѣдствія и страданія въ человѣческое общество.

Всевозможныя преобразованія и самыя искреннія усилія реформаторовъ, какъ бы они не были благородны, останутся тщетными, пока люди не убѣдятся, что борьба должна быть направлена *не на учрежденія, а на человѣческой эгоизмъ*.

Нужно воспитать сознаніе людей такъ, чтобы измѣнились самыя *мотивы* человѣческой дѣятельности. Мотивомъ должно быть *благое всѣхъ, а не отдѣльное благо личности*.

Едва ли кто станетъ спорить, что человѣкъ есть результатъ своего сознанія; все равно, будетъ ли оно выработано самимъ человѣкомъ, или привито ему извнѣ, всѣ его проявленія исходятъ изъ того, *какъ* онъ смотритъ на міръ божій. Стоитъ поставить рядомъ двухъ представителей противоположныхъ общественныхъ взглядовъ, чтобы убѣдиться, какую *различную породу* людей создаетъ то или другое міросозерцаніе: въ буквальномъ смыслѣ все, что достойно и желательно для одного, то недопустимо и ненавистно для другого.

Человѣкъ по существу не можетъ любить грѣха. Въ большинствѣ случаевъ онъ поступаетъ дурно *по*

невѣдѣнію; грѣхъ начинается только тогда, когда не-
вѣдѣніе кончается, когда человѣкъ узналъ, что *можно поступать лучше*.

На этомъ основана великая отвѣтственность интеллегенціи; она прежде другихъ сознаетъ, что «можно поступать лучше» и потому первая должна отказаться отъ тѣхъ отживающихъ формъ, которыя въ свое время были умѣстны, а теперь становятся грѣхомъ, потому что задерживаютъ здоровое развитіе жизни.

Ничто не подрываетъ въ такой степени человѣческой эгоизмъ, какъ *сознаніе единства*. Развивайте въ себѣ и въ другихъ это сознаніе и оно неизбежно измѣнитъ самое *настроеніе людей*; силы и способности начнутъ развиваться по совершенно другому направленію, которое естественнымъ образомъ поведетъ и къ измѣненію всѣхъ общественныхъ учреждений; послѣднія перестанутъ быть выразителями *корысти и сдѣлаются проводниками дружественной взаимопомощи и безкорыстнаго служенія*.

Что это не утопія, а грядущая дѣйствительность, за это говорятъ начинающія возникать новѣйшія формы коопераціи.

Потребительныя товарищества, раздѣляющія дивиденды между своими членами по размѣру паевъ или закупаемаго товара, служатъ той же корысти; но дальнѣйшее развитіе кооперативныхъ товариществъ дѣлаетъ замѣтный шагъ на встрѣчу общественнаго характера труда. Какъ примѣръ можно привести гам-

бургское товарищество «Продукціонъ», основанное въ 1898 году сознательной группой рабочихъ. Вначалѣ членовъ союза было 800 съ оборотнымъ капиталомъ въ 80.000 рублей, а черезъ 10 лѣтъ число ихъ возросло до 35 тысячъ съ оборотомъ въ 4 милліона рублей. Союзъ этотъ, называющійся «потребительнымъ, строительнымъ и сберегательнымъ», поставилъ своей цѣлью съ самаго начала не только совмѣстную закупку предметовъ потребленія, но и ихъ производство и обработку. Отличительная черта этого кооператива въ томъ, что рабочіе не берутъ себѣ дивиденда, который получается съ кооперативныхъ имуществъ. Дивидендъ этотъ идетъ на постройку удобныхъ жилищъ и на улучшеніе всѣхъ сторонъ общественной жизни членовъ союза. *) Они продолжаютъ получать плату за трудъ, но всѣ доходы съ коопер. капитала идутъ на общее благосостояніе: *это уже побѣда надъ личной корыстью*. А такъ какъ въ результатѣ получилось возрастаніе общаго довольства, то ничего нѣтъ утопичнаго въ надеждѣ, что будетъ

---

*) У союза къ 1910-му году было не менѣе ста лавокъ, образцовая пекарня, нѣсколько мастерскихъ и 19 домовъ съ 1,139 благоустроенными квартирами. Во главѣ cadaго кооперативнаго дома стоитъ «комиссія», которая завѣдуетъ всѣми общественными дѣлами жильцовъ дома, устраиваетъ лекціи, вечеринки, дѣтскіе праздники, организуетъ совмѣстную закупку цвѣтовъ и др. украшеній. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи такая коперация должна неизбѣжно сдѣлаться и просвѣтительной.

сдѣланъ и второй рѣшительный шагъ въ пользу освобожденія труда отъ личной корысти.

Шагъ этотъ будетъ сдѣланъ тогда, когда *вся планта* за трудъ будетъ поступать въ общую кассу и затрачиваться на общія нужды членовъ союза. Выгода такой взаимопомощи до того очевидна, что казалось бы все дѣло въ *недомыслии*: достаточно *глупый* эгоизмъ превратить въ *умный* и убѣдить человѣка въ той очевидной истинѣ, что ему *самому* будетъ гораздо лучше, если всѣмъ будетъ хорошо.

Но дѣло не такъ просто, какъ кажется. Человѣкъ существо очень сложное: умъ можетъ подсказывать одно рѣшеніе, а страсти и желаніе могутъ потянуть въ другую сторону. Сознаніе можетъ стоять за единеніе, а личный мотивъ дѣятельности поведетъ роковымъ образомъ къ разъединенію.

Вся исторія человѣческаго общежитія доказываетъ, что мало *понимать* пользу добра, нужно еще *захотѣть* его.

Міръ можетъ двигаться впередъ только *когда люди захотятъ тою*. А для того, чтобы они захотѣли, нуженъ не только *умственный ростъ*, который *уничтожаетъ недомысліе*, необходима и *внутренняя работа*, которая *мѣняетъ мотивы дѣятельности*.

Мотивы дѣятельности должны перейти изъ личныхъ въ *сверхличныя*: опытъ всего человѣчества доказалъ, что только «сверхличное» имѣетъ силу вдохновлять людей, только сверхличное способно побуждать эгоизмъ и сплачивать людей не случайной, а проч-

ной связью, только сверхличное въ силахъ преобразовать людей въ высшій типъ.

Эта внутренняя работа души, ведущая мысль, чувство и волю человѣка къ *внутреннему единству*, будетъ завоевывать людей одного за другимъ, и по мѣрѣ того, какъ начнутъ возникать группы людей, завершившихъ это внутреннее преображеніе въ себѣ,— начнетъ осуществляться и практическая работа преображенія всѣхъ областей человѣческой жизни.

П И С Ь М О XXVIII.

(О любви между мужчиной и женщиной.)

Для *двумярныхъ* существъ имѣется ужасный «половой вопросъ»; для людей существуетъ вопросъ о любви.

Tertium Organum, П. Успенскаго.

Много говорятъ въ наше время объ *обезцѣненіи* жизни. Что это значитъ? Это значитъ, что содержаніе жизни могло бы быть драгоцѣнно, но какія-то условія понизили высокую цѣнность жизни и сдѣлали ее не интересной, не привлекательной, до полного равнодушія къ ней, до желанія уйти изъ нея. Отсюда—пугающая всѣхъ эпидемія самоубійствъ.

Среди другихъ причинъ, которыхъ я сейчасъ касаться не буду, обезцѣненъе жизни произошло оттого, что сознаніе истекшаго вѣка приучило насъ разсматривать жизнь только въ одномъ ея физическомъ разрѣзѣ. И привычка эта провела такія глубокія борозды въ сознаніи современныхъ интеллигентныхъ людей, что они разучились понимать жизнь во всей ея сложной полнотѣ.

Кромѣ физическаго разрѣза, — правда, наиболѣе виднаго и понятнаго для средняго ума, — въ жизни есть

еще большія глубины и большія высоты, которыя матерьялистическое міропониманіе совсѣмъ не беретъ въ расчетъ.

Всѣ проблески сверхфизическаго сознанія оно или обзываетъ «мистикой», или стремится свести въ область патологии и съ гордостью заявляетъ, что признаетъ только однѣ точно измѣримыя величины.

Но гордиться тутъ нечѣмъ. Наоборотъ. Благодаря тому, что вниманіе людей такъ долго фиксировалось на одномъ низшемъ планѣ жизни, современное сознаніе закрылось для высшаго смысла жизни и стало до того упрощеннымъ и плоскимъ, что въ тонко чувствующихъ людяхъ вызвало тоску и даже отвращеніе отъ самой жизни.

Въ зависимости отъ этой плоскости сознанія и произошло то пониженіе всего уровня человѣческаго творчества, которое мы такъ тяжело переживаемъ во всемъ: и въ общественной дѣятельности, и въ литературѣ и искусствѣ, и больше всего—такъ какъ это вѣнецъ человѣческой психики—больше всего въ любви.

Я говорю о любви въ широкомъ смыслѣ, во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, но сегодня мнѣ хочется остановиться на любви между мужчиной и женщиной.

Послѣдовательный матерьялистъ не признаетъ въ основѣ міроваго порядка иного начала, кромѣ механическаго, слѣдовательно и вся человѣческая этика для него—*только естественный продуктъ постепеннаго развитія*; отсюда неизбежно и то упрощенное, сведенное къ одной физической плоскости отношеніе къ

половой любви, которое я считаю одной изъ косвенныхъ причинъ растущей между молодежью эпидеміи самоубійствъ.

Если жизнь Вселенной не руководится *нравственнымъ началомъ*, тогда—дѣйствительно—*все* позволено, позволенъ и развратъ. И мы видимъ, какъ на нашихъ глазахъ самое прекрасное и яркое изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, жажда отдать себя, свои силы и свою нѣжность любимому существу, превращается въ «половой вопросъ», поэзія жизни претворяется въ фізіологическую проблему.

Въ одной изъ статей Владимира Соловьева есть интересное опредѣленіе любви; я не могу привести подлинныхъ выраженій, но вѣроятно не ошибусь въ смыслѣ его толкованія. Онъ говоритъ, что одиночество человѣка, его обособленіе отъ остального міра — временное. Въ цѣляхъ *самопознанія* и *самоопредѣленія* прибавлю я отъ себя.

Оно сохраняется его эгоизмомъ, его яркимъ чувствомъ своей центральности по отношенію всего, что *не* я, которое строитъ плотную стѣну между нимъ и остальнымъ міромъ. Разрушить эту стѣну трудно. Нужна большая сила, чтобы пробить въ ней брешь. Эту большую силу, этотъ большой огонь, сжигающій оплотъ, которымъ наше я отгородилось отъ остального міра, мы имѣемъ въ любви между мужчиной и женщиной.

Кто любилъ истинной любовью, тотъ знаетъ какое глубокое измѣненіе совершается въ самыхъ нѣдрахъ

человѣческаго сердца, когда его одиночество кончается и въ него могучей животворящей волной вливается иная жизнь; какимъ свѣтлымъ расширеніемъ раздвигаются замкнутыя до того границы сердца, съ какой тонкой отзывчивостью дрожатъ всѣ его струны, какъ расцвѣтають всѣ лучшія силы человѣка, до тѣхъ поръ для него самого невѣдомыя.

Кто любилъ, тотъ пережилъ этотъ великій опытъ, и для того звучать не какъ пустыя слова утвержденія знающихъ, что уничтоженіе эгоизма и сліяніе съ жизнью міра влечетъ за собой великое просвѣтленіе и великое счастье для человѣческаго сердца.

Этотъ опытъ и есть та *сверхфизическая, потусторонняя сторона любви*, которая неуловима для трехмѣрнаго сознанія; для него уловима только физиологическая сторона любви, но вѣдь это—только одинъ разрѣзъ огромнаго явленія. За этимъ разрѣзомъ цѣлый міръ чувствъ, тончайшихъ переживаній, чистѣйшихъ радостей, глубокихъ душевныхъ вдохновеній, свѣтлыхъ прозрѣній въ высшіе міры.

То, что мы смутно называемъ небомъ, раемъ, есть не что иное, какъ сліяніе обособленной жизни съ безграничной жизнью міра, сліяніе ограниченнаго сознанія съ безграничнымъ Сознаніемъ Бога или Великаго Цѣлаго.

Человѣческая любовь есть слагаемое изъ этого сліянія черезъ любимое существо съ Великимъ Цѣлымъ и изъ плотской страсти. Ни въ чемъ такъ ярко не проявляется сложность человѣческаго существа, два

борящіеся полюса его природы, какъ въ человѣческой любви. И ни въ чемъ такъ ясно не сказывается скрытая цѣль этой сложности: *животное облагородить до человѣчности, человѣческое преобразить въ божественное.*

Всѣ наблюдавшіе за драмой человѣческой души на различныхъ ступеняхъ развитія знаютъ, что чѣмъ выше поднимается человѣкъ, *тѣмъ блѣднѣе становится его низшій полюсъ и тѣмъ ярче и прекраснѣе разгорается божественное начало его сокровенной сути.*

Только во времена паденія и одичанія нравовъ возможно такъ подчеркивать и такъ цинично выставлять на видъ низшій животный полюсъ, какъ это дѣлается въ наше время. Но наши высшія начала, человѣко-божескія, не выносятъ этого, отсюда—отвращеніе, тоска, потеря самоуваженія и обезцѣненье жизни.

Мы потеряли стихійную невинность животного и потому не можемъ безнаказанно спускаться до его уровня.

Моралисты выдвигаютъ какъ единственную цѣль и оправданіе любви продолженіе человѣческаго рода, но это далеко не обнимаетъ всѣхъ явленій любви. Есть нѣчто иное, совершающееся не на физическомъ планѣ, что составляетъ драгоцѣннѣйшую сторону человѣческой любви: это—тотъ внутренній духовный обмѣнъ, который совершается на высшихъ планахъ между любящими другъ друга мужчиной и женщиной.

По этому поводу есть очень интересная страница въ новой книгѣ молодого писателя Успенскаго, Tertium

Organum; книгу эту можно вообще рекомендовать какъ чрезвычайно оригинальную и интересную попытку перевести на языкъ нашихъ обыкновенныхъ понятій высшее сознание человѣка. Онъ говоритъ:

«Искусство идетъ дальше обыкновеннаго человѣческаго зрѣнія, и поэтому есть стороны жизни, о которыхъ можетъ и имѣетъ право говорить только искусство. Таковъ вопросъ о любви. Только искусство умѣетъ подходить къ любви, только искусство умѣетъ говорить о ней.

«Любовь всегда была и есть главная тема искусства. И это вполне понятно. Здѣсь сходятся всѣ нити человеческой жизни, всѣ эмоціи: черезъ любовь человѣкъ соприкасается съ будущимъ, съ вѣчностью, съ расой, къ которой онъ принадлежитъ, со всѣмъ прошлымъ человечества и со всей его грядущей судьбой.—Въ соприкосновеніи половъ, въ ихъ влеченіи другъ къ другу, лежитъ великая тайна жизни, *тайна творчества*. Отношеніе *скрытой* стороны жизни къ *ясной*, т. е. проявленіе *реальной* жизни въ нашей *кажущейся*, особенно ярко вырисовывается въ этой вѣчно трактуемой, вѣчно разбираемой и обсуждаемой — и вѣчно непонимаемой области, въ отношеніяхъ половъ. Обыкновенно отношенія мужчинъ и женщинъ разсматриваютъ, какъ необходимость, вытекающую изъ необходимости продолженія человеческого рода на землѣ. Рожденіе—вотъ *raison d'être* любви съ религіозной, моральной и научной точки зрѣнія. Но въ дѣйствительности творчество заключается не въ одномъ

только продолженіи жизни, а прежде всего и больше всего въ *творчествѣ идей*. Любовь является огромной силой, производящей идеи, будащей творческую способность человѣка.

«Когда сольются двѣ силы, заключающіяся въ любви—сила жизни и сила идеи—человѣчество *сознательно* пойдетъ «къ своимъ высшимъ судьбамъ». Пока только искусство чувствуетъ это.

«Все, что говорится о любви «реалистически», всегда грубо и плоско.

«Ни въ чемъ такъ рѣзко не проявляется различіе глубокаго «оккультнаго» пониманія жизни и поверхностнаго «позитивнаго», какъ въ вопросѣ о любви».

Далѣе авторъ Tertium Organum говоритъ, что для оккультнаго пониманія, любовь есть именно то, чѣмъ она рисуется искусству, т. е. *психологическое явленіе*, въ которомъ приходятъ въ дѣйствіе и звучатъ всѣ самыя тонкія струны души, въ которомъ, какъ въ фокусѣ собираются и проявляются всѣ высшія силы человѣческой природы. Въ то же время, именно *этой* стороной жизни человѣкъ соприкасается съ чѣмъ-то *большимъ*, часть чего онъ составляетъ.

«Для двумѣрныхъ существъ, живущихъ на плоскости и движущихся по двумъ направленіямъ—*производства* и *потребленія*, существуетъ ужасный «половой вопросъ».

«Для *людей* существуетъ вопросъ о любви.

«Любовь—это индивидуализированное чувство, направленно на опредѣленный объектъ, на *одну* женщину или на *одного* мужчину. Другая или другой не могутъ замѣнить любимаго.

«Половое чувство»—это не индивидуализированное чувство, тутъ годится всякій болѣе или менѣе подходящій мужчина, всякая болѣе или менѣе молодая женщина.

«Любовь—орудіе *познанія*, она сближаетъ людей, открываетъ передъ однимъ человѣкомъ душу другого, даетъ возможность заглянуть въ душу природы, почувствовать дѣйствіе космическихъ силъ.

«Любовь—это признакъ *породы*.

«Это—орудіе совершенствованія расы. Когда изъ поколѣнія въ поколѣніе люди *любятъ*, т. е. ищутъ красоты, чувства, взаимности, то они вырабатываютъ типъ, ищущій любви и *способный на любовь*, типъ эволюціонирующей, восходящей. Когда изъ поколѣнія въ поколѣніе люди сходятся какъ попало, безъ любви, безъ красоты, безъ чувства, безъ взаимности, или по соображеніямъ, *постороннимъ любви*, изъ расчета, изъ экономическихъ выгодъ, въ интересахъ «дѣла» или «хозяйства», то они теряютъ инстинктъ любви, инстинктъ отбора. вмѣсто «любви» у нихъ вырабатывается «половое чувство», безразличное и не служащее отбору, не только не сохраняющее и не улучшающее породу, но наоборотъ, теряющее ее. Типъ мельчаетъ, физически и нравственно вырождается.

«Любовь—орудіе *отбора*».

«Половое чувство—орудіе *вырожденія*».

Разбирая далѣе отношеніе современнаго сознанія къ вопросу о любви, Успенскій указываетъ, что наука, для которой единственная цѣль любви—продолженіе

рода человѣческаго, не объясняетъ почему въ человѣчество вложена сила, влекущая два пола другъ къ другу въ *безконечно большемъ размѣрѣ, чѣмъ это нужно.*

«Для цѣлей продолженія рода утилизируется только одна малая дробь той силы любви, которая вложена въ человѣчество. Куда же идетъ главное количество силы? Мы знаемъ, что ничто не исчезаетъ. Если энергія *есть* — она должна во что-нибудь *«перейти»*. *«Въ творчество по вѣсѣмъ направленіямъ»* отвѣчаетъ авторъ; онъ утверждаетъ, что *всякое идейное творчество* является результатомъ энергіи, возникающей изъ эмоцій любви.

Исторія подтверждаетъ этотъ смѣлый выводъ. Мы знаемъ, что въ эпохи наибольшаго расцвѣта искусства и наивысшаго художественнаго творчества то, что можно назвать побочной силой любви т. е. тотъ огромный избытокъ силы, влекущей два пола другъ къ другу, на который указываетъ цитируемый авторъ, выражался всегда въ такой полной гаммѣ высокихъ эмоцій, волненій, новыхъ идей и смѣлыхъ грезъ, которая и служила вдохновеніемъ для человѣческаго творчества.

И наоборотъ, въ эпохи паденія нравовъ, когда эмоціи любви понижаются, а съ ними вмѣстѣ понижается темпъ жизни и ея привлекательность, родникъ духовнаго творчества высыхаетъ, искусство мельчаетъ, литература вырождается. Всѣ эти признаки на-лицо въ наше время. Ихъ приписываютъ внѣшнимъ причи-

намъ. Но это—не вѣрно. Въ свободной и сытой Австралии замѣчаются тѣ же явленія.

Здѣсь мы опять подходимъ къ коренному вопросу міросозерцанія: *Матерьялизмъ или Идеализмъ?*

Преимущество матерьялизма по мнѣнію большинства—*точность* познанія. Но если бы это было даже вѣрно, еще большой вопросъ: покрываютъ ли собой положительныя стороны этой точности стороны отрицательныя?

Мнѣ скажутъ: вѣдь результатъ этой точности вся великолѣпная культура 19-го и 20-го вѣка. Но культура должна строиться не для великолѣпія, а для *счастья* людей. А кто рѣшится утверждать, что она принесла людямъ счастье?

Пропуская наше сознаніе черезъ узкую щель однихъ матерьяльныхъ интересовъ, позитивизмъ сдѣлалъ его дѣйствительно очень отчетливымъ; но въ то же время онъ закрылъ отъ насъ весь великій міровой просторъ, изъ котораго человѣческая душа черпаетъ свои вдохновенія, а безъ вдохновенія она можетъ только умирать, а не жить.

Мало того, сдѣлавъ наше сознаніе столь ограниченно отчетливымъ, позитивизмъ сдѣлалъ его въ то же время *невѣрнымъ*: когда смотришь на міровыя событія сквозь щель, теряешь всѣ вѣрные размѣры и всѣ соотношенія; вниманіе невольно устремляется на тотъ крошечный отрѣзъ, въ которомъ самъ человѣкъ, его собственное *я*, его личные эмоціи и вкусы являются центромъ міра; эгоизмъ разрастается, личныя пере-

живанія получаютъ болѣзненную остроту и преувеличенное значеніе, самолюбіе и личная чувствительность пріобрѣтаютъ колоссальные размѣры, а воспріимчивость къ тому, *что переживаютъ другіе*, атрофируется. Благодаря этому, между человѣкомъ и его окружающими обрываются живыя нити взаимной симпатіи и довѣрія, исчезаетъ вѣрное пониманіе другой души, возникаетъ *пессимизмъ, нравственное одиночество*.

Самымъ вѣрнымъ средствомъ для борьбы съ этимъ настроеніемъ вырожденія—къ сожалѣнію широко распространеннымъ среди нашей молодежи, — является *развитіе и укрѣпленіе эмоцій любви*.

Необходимо провести черезъ сознательную моральную культуру всѣ свои отношенія къ ближнимъ, къ членамъ своей семьи, къ товарищамъ, знакомымъ, и—можетъ быть—болѣе всего къ своей возлюбленной. Въ любви мужчины къ женщинѣ и женщины къ мужчинѣ, какъ въ сильномъ свѣтовомъ фокусѣ сходятся *всѣ* эмоціи любви. Въ лучахъ этого свѣта человѣкъ временно преображается: онъ дѣлается красивѣе, смѣлѣе, глубже, благороднѣе, подъ ихъ животворнымъ вліяніемъ проясняется его пониманіе, углубляется его сочувствіе. Такое расцвѣтаніе и хорошеніе неизбѣжно у человѣка влюбленнаго; но оно вспыхиваетъ на короткое время и быстро угасаетъ, потому что любить постоянно *совершенной любовью*—мы еще не въ состояніи.

Почему влюбленный человѣкъ хорошѣетъ? Потому что черезъ него начинаетъ просвѣчивать тотъ свѣтъ Божественной Любви, въ которомъ и источникъ и тайна всякой красоты, земной и небесной.

Тотъ же свѣтъ свѣтитъ въ праведникахъ и святыхъ, только въ нихъ онъ горитъ ярче и не погасаетъ, какъ у людей несовершенныхъ.

Вспомнимъ Франциска Ассизскаго, Іоанна Дамаскина, о. Зосиму Достоевскаго. Художники, видящіе дальше другихъ, изображаютъ ихъ свѣтлыми, любовно раскрытыми для всѣхъ и для вся.

Святые—тѣ же влюбленные, только они влюблены въ Бога и въ красоту его Творчества.

Это—лишь разныя ступени любви, и чѣмъ любовь выше и безкорыстнѣе, тѣмъ продолжительнѣе и полнѣе счастье любящаго.

Не даромъ создалось прозвище «блаженный». Душа народа, творящая языкъ, угадываетъ великія тайны и намекаетъ на нихъ въ аналогіяхъ.

Этой преемственности человѣческой любви отъ высочайшаго Источника жизни моралисты совсѣмъ не улавливаютъ. Смѣшивая животное влеченье съ человѣческой любовью, они клеветуютъ на человѣка: какъ только онъ поднялся надъ животнымъ состояніемъ, онъ уже *не можетъ ирѣшить противъ закона своей души безъ стыда и безъ тяжелаго недовольства собой.*

И въ этомъ смѣшеніи повинны не только узкіе моралисты или морализирующіе аскеты, но и такіе свѣтлые умы, какъ нашъ Л. Н. Толстой. Когда онъ прикасается къ этому вопросу въ своихъ романахъ и статьяхъ, *) онъ повторяетъ ту же клевету на человѣка.

---

*) „Крейцера соната“, „Половая похоть“ и др.

Онъ раздѣляетъ *нераздѣлимое*, беретъ одну физиологическую сторону любви, наводитъ на нее электрической свѣтъ своего огромнаго таланта, а весь невидимый огонь любви, все ея огромное психологическое содержаніе, весь трепеть повышеннаго темпа жизни, всю гамму человѣческихъ эмоцій, отъ пламеннаго горѣнія до свѣтлыхъ слезъ восторга, всю вдохновляющую и героическую силу любви,—куда отводитъ онъ все это?

Не удивительно, что ему кажется «гадкимъ» это искаженное, искусственно созданное представленіе о любви.

Закончу словами автора той же книги *Tertium Organum*: «Огонь любви, въ которомъ сгораетъ человечество, это—огонь жизни, огонь вѣчно обновленія. Моралисты съ удовольствіемъ загасили бы этотъ огонь, съ которымъ они не знаютъ, что дѣлать и котораго боятся, чувствуя его силу и власть. И они дуютъ на него, не понимая, что это—начало всего... Если рожденіе идей есть свѣтъ, идущій отъ любви, то этотъ свѣтъ идетъ отъ *большаго огня*. И въ этомъ непрестанномъ огнѣ, въ которомъ горитъ все человечество, вырабатываются и утончаются всѣ силы человѣческаго духа и генія.»

ПИСЬМО XXIX.

(По поводу самоубійства.)

Человѣкъ не можетъ ни убить, ни быть убитымъ. Онъ не рождается, не умираетъ и получивъ бытіе, никогда не перестаетъ существовать. Не рожденный, не преходящій, вѣчный, онъ не бываетъ убитъ, когда тѣло его убиваютъ.

Бхагавадъ-Гита II, 19, 20.

Нерѣдко задается вопросъ: не имѣетъ ли ваша теософія такихъ ученій, которыя вы не раскрываете, и можетъ быть въ нихъ-то и заключается ея настоящая суть?

Такихъ знаній, которыя бы скрывались, у теософіи нѣтъ, но въ ея ученіяхъ есть доступная для всѣхъ поверхность и недоступная для большинства глубина. Что глубина эта недоступна, въ этомъ виновата не теософія, а безсиліе того, кто не въ состояніи проникнуть въ нее.

Пока въ ея ученіяхъ говорится о всѣмъ извѣстныхъ вещахъ, напримѣръ, «о сохраненіи энергіи», «о трансформациі матеріи», «о процессѣ эволюціи», «объ

единствѣ жизни»,—теософическія идеи воспринимаются безъ труда. Но это только до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о физической ступени жизни; стоитъ лишь перейти эту ступень, какъ картина мѣняется: «сохраненіе энергіи», ставшее азбучной истиной, становится непонятнымъ и спорнымъ, когда рѣчь идетъ о законѣ Кармы, который и есть сохраненіе *всей* проявленной человѣкомъ энергіи; всѣми признанная «трансформация матеріи», когда рѣчь заходитъ о невидимыхъ мірахъ, въ которыхъ матерія слагается въ болѣе тонкія сочетанія—становится ересью и т. д.

Одно—доступно для сознанія большинства и *этой* стороной своего ученія теософія соприкасается съ позитивной наукой; другое идетъ глубже, переступаетъ границы трехмѣрнаго сознанія и проникаетъ въ область оккультизма.

Но противопоставлять эту область «наукъ»—совершенно такое же недоразумѣніе, какъ если бы ученый отказался признавать электричество или психологію объектами науки только потому, что знанія въ этихъ областяхъ еще очень несовершенны. Наука имѣетъ свою юность и свой зрѣлый возрастъ. Чѣмъ совершеннѣе становится микроскопъ, тѣмъ точнѣе дѣлаются фізіологическія знанія. То же относится и къ новымъ методамъ познанія.

Ясновидѣнье въ неуловимой для физическаго глаза области проявляется пока только у немногихъ людей и еще очень несовершенно, но это—такая же юность познанія, черезъ какую прошла и позитивная наука.

Дальнѣйшее *уточненіе* *человѣческаго* *организма* и *расширеніе* *сознанія* приведутъ насъ въ область болѣе тонкихъ міровъ, требующихъ совсѣмъ иныхъ методовъ познанаія.

Когда приходится сталкиваться съ такими «консерваторами мысли», которымъ новые пути сознанія даются до того трудно, что они предпочитаютъ упорное отрицаніе новыхъ идей, лишь бы не сходить съ пробитой колеи,—мнѣ невольно приходитъ на умъ, что такую же психологію должны бы обнаружить двумѣрные существа, если бы имъ вздумали объяснять особенности трехмѣрнаго существованія. Они соглашались бы съ своимъ собесѣдникомъ до тѣхъ поръ, пока его рѣчь касалась длины и ширины, но какъ только она коснулась бы высоты, они по всей вѣроятности обозвали бы его рѣчь «туманнымъ мистицизмомъ». Представьте себѣ на минуту такое двухмѣрное существо на ладони вашей лѣвой руки и приложите къ этой ладони кончики пяти пальцевъ вашей правой руки. Что увидитъ это существо? Пять *плоскихъ кружковъ* на поверхности вашей ладони и—больше ничего.

Если его начнутъ убѣждать, что оно видитъ не плоскіе круги, а концы пяти пальцевъ руки, которая въ свою очередь—живой членъ большого думающаго и чувствующаго организма, оно не повѣритъ, подумаетъ, что это сказки и скорѣе всего не получитъ никакого представленія о томъ, что ему рассказываютъ.

Почти такъ-же относятся «консерваторы мысли» къ наиболѣе глубокимъ ученіямъ теософіи. Пока эти уче-

нія не переходятъ за предѣлы трехъ измѣреній, ихъ находятъ логичными, но въ тоже время «не дающими ничего новаго». Но какъ только они переступаютъ въ область невидимаго, хотя и вполнѣ реального *продолженія* доступнаго для насъ *физическаго разрѣза безпредѣльной Вселенной*,—какъ тѣ же ученія обызываются «мистицизмомъ».

Когда мы смотримъ въ небо и видимъ свѣтящіеся круги планетъ, мы также видимъ одни лишь доступные нашему физическому зрѣнію разрѣзы сложной космической жизни, соединенной невѣдомой намъ связью въ одинъ великій организмъ, одаренный такимъ же неуловимымъ для насъ *своимъ* сознаніемъ, *своими* дѣятельностями и цѣлями, какими одаренъ человекъ, постижимый для двумѣрнаго существа только по тѣмъ «плоскимъ кружкамъ», которые—какъ единственно доступный для него разрѣзъ трехмѣрнаго человѣческаго организма—отразились въ его *плоскомъ сознаніи*.

Теософія стремится ввести насъ въ эти невѣдомыя измѣренія космической жизни. Она стремится расширить предѣлы нашего сознанія, сдѣлать его причастнымъ къ великому простору Жизни, за предѣлами ея тѣсныхъ физическихъ граней.

Что это ея задача своевременна, о томъ свидѣтельствуютъ многіе признаки.

Самый яркій и самый страшный изъ нихъ: учащающіяся самоубійства.

Оставимъ въ покоѣ политическія и экономическія причины. Мы прекрасно знаемъ, что бывали несравненно

худшія времена, а люди не убѣгали массами изъ жизни. То же самое можно сказать и относительно учащихъ: какъ ни плохи современныя школы, но стоитъ вспомнить Николаевскіе кадетскіе корпуса и старинныя бурсы, чтобы стало очевиднымъ, что причины потери вкуса къ жизни у нашихъ дѣтей лежатъ гораздо глубже.

Одна изъ такихъ причинъ таится въ томъ, что мы начинаемъ перерастать наше «трехмѣрное сознаніе».

Возьмемъ наши понятія о человѣческой жизни. Что мы знаемъ о ней? Что человѣкъ родился въ такой-то день, прожилъ на нашихъ глазахъ 50—60 лѣтъ и умеръ тогда-то. *Ею не было до рожденія и не будетъ послѣ смерти.*

Совершенно какъ въ той красивой легендѣ о средневѣковомъ феодальномъ владѣтелѣ замка, который разсуждаетъ у пылающаго камина съ своими рыцарями о жизни и смерти по поводу влетѣвшей въ освѣщенную комнату птички, которая сдѣлала нѣсколько круговъ подъ потолкомъ и снова улетѣла въ темноту. Откуда она появилась? Куда улетѣла?

Двѣ темныя неизвѣстности и посреди нихъ—одно освѣщенное мгновенье.

Теософія не забываетъ этого «освѣщеннаго мгновенья», въ чемъ ее упрекаютъ люди, пріучившіе себя думать только о немъ одномъ; но она знаетъ, что это только «мгновенье», что жизнь птички будетъ продолжаться и послѣ того, какъ она вылетѣла изъ освѣщеннаго пространства въ темноту. Измѣнилась не самая жизнь, а окружающая ее среда.

Ту-же параллель можно провести и относительно всѣхъ «вѣчныхъ вопросовъ». Матерьялисть не можетъ проникать за предѣлы физическихъ явленій (освѣщенная комната) потому, что все остальное недоступно для его «трехмѣрнаго» сознанія. И онъ былъ бы правъ, если бы не отрицалъ этого «остального». Но онъ говоритъ, что внѣ доступныхъ ему явленій ничего и нѣтъ, а если и есть, то нѣчто—*навсегда непознаваемое для человека.*

Вотъ здѣсь начинается опасность матерьялистическаго мышленія. Я называю это «опасностью» потому, что далеко не всѣ способны помириться съ непроницаемыми стѣнами, которыя закрываютъ отъ нашего сознанія великій просторъ Вселенной. И эти «неспособные помириться», но захваченные гипнозомъ господствующихъ мнѣній, тоскуютъ и бьются въ этой тѣсной клѣткѣ, пока жизнь не потеряетъ для нихъ всякую цѣнность.

Мы живемъ не въ пустомъ пространствѣ. Господствующія идеи носятъ въ воздухѣ—и это не фигуральное выраженіе, а реальный фактъ—и если онѣ не находятъ внутри насъ положительнаго содержанія, которое въ состояніи оказать имъ сопротивленіе, онѣ овладѣваютъ нашимъ сознаніемъ и создаютъ настоящій умственный «гипнозъ».

Такой «гипнозъ» очень страшная вещь. Если сознаніе не защищено убѣжденьями иного порядка, проносящіяся мысли отчаянія падаютъ на пустое мѣсто, и если это были мысли о самоубійствѣ, онѣ найдутъ

богатую пищу въ томъ опустошеніи жизни отъ всякой абсолютной цѣнности, которое творитъ материализмъ; насытившись безнадежностью, онѣ принесутъ свой страшный плодъ и толкнутъ человѣка на самоубійство. Это—своего рода *одержимость*.

Массовыя самоубійства, какія ужасаютъ въ наше время, это—коллективная одержимость, указывающая на то, какъ много мыслей отчаянья носится въ воздухѣ, а съ другой стороны на то, что сознаніе нашей молодежи не защищено идеями моральнаго характера, которыя однѣ придаютъ цѣнность жизни и нравственную устойчивость человѣческому характеру.

Умственный гипнозъ, о которомъ идетъ рѣчь, страшенъ еще и тѣмъ, что онъ длится долгое время и послѣ того, какъ передовое теченіе мысли уже повернуло въ новое русло. Бываетъ такъ, что наиболѣе чуткіе элементы общества давно уже вступили въ это новое русло, а огромное большинство все еще продолжаетъ думать по отжившимъ линіямъ мысли, создавая тормозы для свободнаго воспріятія новыхъ идей.

Жизнь есть неустанное *достиженіе въ восходящемъ порядкѣ*. Это нужно помнить и держать широко раскрытымъ свое сознаніе, чтобы въ него могло свободно проникать вѣянье живого духа жизни, и не позволять своему уму кристаллизоваться въ догматы и предрассудки, хотя бы послѣдніе исходили отъ самой науки. Иначе, если слишкомъ долго жить умственными пережитками, усилія мысли могутъ устремиться на детальную отдѣлку этихъ пережитковъ, и легко можетъ

возникнуть *схластика*, замѣна живыхъ идей застывшей идеологіей, живыхъ понятій мертвыми словами..

Что эта опасность не далека отъ насъ, можно судить уже по той массѣ непонятныхъ словъ у современныхъ мыслителей, за которыми прячется высохшее русло мысли.

Чтобы найти источникъ свѣжихъ идей и новыхъ вдохновеній, нужно отказаться отъ фиксированья сознанія на одномъ физическомъ существованіи; нужно научиться устремлять его въ тѣ глубины, откуда исходитъ сокровенный смыслъ нашей жизни, гдѣ протянуты тѣ невидимыя нити, которыя связываютъ все, что на физическомъ планѣ является оторваннымъ и обособленнымъ, часто мучительно ненужнымъ, — въ одно разумное и благое цѣлое.

Нужно расширить наше сознаніе влубь и вверхъ, и тогда мы спасемъ нашу молодежь отъ тоски того безвыходнаго застѣнка, въ который матерьялизмъ загналъ современное сознаніе, лишивъ его всѣхъ свѣтлыхъ далей, подорвавъ его вѣру въ Бога, въ безсмертіе, въ абсолютную цѣнность добра и красоты, болѣе того — въ самый смыслъ жизни.

Человѣческую душу нельзя удовлетворить временнымъ, тѣмъ, что разбивается на нашихъ глазахъ, когда душа уже пробудилась для *вѣчнаго*. Она затокуетъ и отвернется отъ самой жизни, если у нея отнять увѣренность въ достойномъ смыслѣ этой жизни. Необходимо вернуть нашей молодежи вѣру въ Бога, надежду на конечное торжество добра и любовь къ жизни.

Для нашего времени, когда слѣпая вѣра уже не въ состояніи удовлетворять людей, является задачей величайшей важности обосновать нашу вѣру въ Бога на разумныхъ началахъ.

Это и есть задача теософіи. Признавая всю великую заслугу науки въ области изслѣдованія физическаго міра и опираясь на тѣ же законы, которые признаются наукой, теософія вводитъ въ наше сознаніе идею Бога и однимъ этимъ *мѣняетъ всю міровую этику*. Потому что, *если въ основѣ міра—Богъ, то и цѣли жизни должны быть божественны, если въ основѣ нашей природы божественное начало, то нашъ долгъ стремиться къ божественному совершенству*.

Но мораль религіознаго сознанія не имѣетъ ничего общаго съ *морализованьемъ*. Нѣтъ ничего болѣе отталкивающаго; особенно для молодежи, которой труднѣе мириться съ компромиссами, какъ фари-сейская проповѣдь добродѣтели на словахъ и полное несоблюденіе ея въ жизни.

Религіозное сознаніе требуетъ *нравственной культуры всего человѣка*, его мыслей, эмоцій и поступковъ, обузданія всѣхъ эгоистическихъ инстинктовъ низшей природы и побѣды его высшей природы, которая всегда протестуетъ противъ дурной жизни, разъ человѣкъ начинаетъ прислушиваться къ ея голосу. Неизбѣжнымъ результатомъ нравственной культуры является ослабленіе эгоизма и нарастаніе чувства единства со всѣмъ міромъ.

Развитое *чувство единства со всѣмъ живымъ* есть основной признакъ религіознаго сознанія. Чувство это

разрушаетъ въ корнѣ ложное представленіе объ одиночествѣ человѣка, которое создало такую страшную трагедію для человѣческаго сердца.

Въ сущности—жизнь едина и объ одиночествѣ и обособленіи можно говорить только съ точки зрѣнія одного «физическаго разрѣза.»

Человѣчество—единый организмъ съ общимъ сознаніемъ и общими цѣлями и всѣ раздѣленія его относятся только до физическаго плана. Отдѣльные народы составляютъ различные члены этого организма и всѣ работаютъ—хотя и въ различныхъ направленіяхъ—для одной и той же цѣли, для эволюціи *всею* человѣчества.

А отдѣльный человѣкъ, это—живая клѣтка въ организмѣ своего народа и все совершающееся внутри этой клѣтки, всѣ ея творческіе процессы нужны не только для нея самой, но и для жизни всего народа.

Душа народа даетъ намъ все, чѣмъ мы владѣемъ на землѣ: языкъ, вѣрованія, наклонности, темпераментъ, весь матерьялъ, которымъ питается и насчетъ котораго растеть наша индивидуальная душа. Откопайте отъ человѣка одинъ за другимъ всѣ отличительные признаки его народности и культуры, его страны и его семьи,—что останется отъ человѣка?

Отъ внѣшняго человѣка не останется ничего. Всѣмъ этимъ онъ обязанъ своему народу, и онъ долженъ честно уплатить свой долгъ. Отнимая самовольно свою жизнь, обрѣзая тѣ безчисленныя живыя нити, которыми онъ внутренно связанъ съ душой своего на-

рода, онъ ставитъ себя въ некрасивое положеніе должника, не желающаго уплатить свое обязательство.

То же относится и къ семьѣ: заботы матери, трудъ отца, любовь братьевъ и сестеръ,—все это взято человѣкомъ отъ семьи и требуетъ такой же заботы, такого же труда и такой же любви взамѣнъ. Иначе будетъ нарушенъ законъ справедливости, а нарушать законы духа безнаказанно—нельзя.

Обыкновенное возраженіе, что рѣшившійся на самоубійство «не просилъ жизни», что онъ «не виновать въ томъ, что родители произвели его на свѣтъ», уничтожается при болѣе глубокомъ проникновеніи въ происхожденіе земной жизни человѣка; оно говоритъ, что родители даютъ только физическій организмъ, необходимый для существованія на землѣ, воля же къ жизни—идетъ отъ самого человѣка.

Другое возраженіе, что «при существующихъ условіяхъ» жизнь невыносима, указываетъ лишь на слабость и безволіе убѣгающихъ изъ жизни. Чѣмъ труднѣе условія, тѣмъ болѣе повода оставаться на своемъ жизненномъ посту. А въ самыя тяжелыя эпохи народной жизни, когда каждый сынъ и каждая дочь своего народа *обязаны*—не уклоняясь—нести народную ношу, такое бѣгство изъ жизни указываетъ на полное нравственное банкротство бѣглеца.

Это—не смягчающее, а усугубляющее обстоятельство.

И русскія дѣвушки сдѣлаютъ большую услугу родинѣ, если онѣ будутъ возводить въ герои не сла-

быхъ дезертировъ, а сильныхъ духомъ, умѣющихъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ *дѣйствовать* на своемъ посту.

И чѣмъ темнѣе жизнь, тѣмъ нужнѣе благородныя усилія, чтобы очистить и освѣтить ее, чтобы разогнать нависшій мракъ. Можно жалѣть слабыхъ и неуравновѣшенныхъ, но восхищаться можно только тѣми, которые, не страшась усилій, поведутъ жизнь впередъ. Будущность за *сильными, самоотверженными, любящими, побѣдившими* свою низшую природу и способными не *отнимать* малодушно свою жизнь, а *отдавать* ее великодушно за другихъ.

П И С Ь М О   X X X .

(О парижанинѣ, разъясняющемъ Индусамъ смыслъ ихъ св. Писанія.)

Въ этомъ мірѣ существуетъ лишь одинъ практическій Идеаль, извлекающій изъ чловѣка все, что въ немъ заложено, это — СЛУЖЕНИЕ. Когда нѣтъ его, все должно идти по пути разложенья, а не по пути космическаго строительства.

„Евангеліе Жизни“, Бруксъ.

Передо мной—чрезвычайно интересная книга, написанная не менѣе интереснымъ чловѣкомъ. Чловѣкъ этотъ представляется мнѣ живымъ символомъ главной мысли моихъ «Писемъ къ русскимъ читателямъ», первая часть которыхъ заканчивается этимъ письмомъ. Мысль эта—*единство чловѣчества*, необходимость сознать это единство и разбить перегородки, которыя мѣшаютъ намъ узнать другъ друга и воспользоваться всѣмъ богатствомъ чловѣческаго творчества, всѣмъ разнообразіемъ земнаго опыта и всѣми путями, ведущими къ истинѣ.

Разскажу въ нѣсколькихъ словахъ жизнь этого необыкновеннаго чловѣка и пусть читатель судить

вѣрно ли я назвалъ его «живымъ символомъ стремленія къ единству.»

Бруксъ родился въ Парижѣ въ 1873 году; его отецъ англичанинъ, мать французенка; предки были владѣтелями сахарныхъ плантацій на островѣ Кубѣ. Онъ росъ и воспитывался въ условіяхъ богатаго великосвѣтскаго Парижскаго общества, гдѣ его мать царила въ свое время какъ одна изъ наиболѣе блестящихъ его представительницъ. Высшее образованіе онъ получилъ въ Парижскомъ инженерномъ училищѣ, но ко времени его совершеннолѣтія родители его потеряли всѣ свои средства.

Въ 1898 году молодой Бруксъ встрѣтился въ Брюсселѣ съ браманомъ Чаттерджи, который какъ разъ въ это время читалъ въ мѣстномъ университетѣ серію лекцій о религіозной философіи Индіи. Лекціи эти были чрезвычайно талантливо переданы Бруксомъ на французскомъ языкѣ въ книгѣ, озаглавленной «Сокровенная Религіозная Философія Индіи», хорошо знакомой русскимъ теософамъ, какъ первая теософическая книга, вышедшая на русскомъ языкѣ *).

Съ этого времени вся жизнь Брукса была посвящена теософіи. Онъ перевелъ нѣсколько книгъ г-жи Безантъ **), а въ 1900 году переселился въ Индію, гдѣ и остается до сихъ поръ. Въ первые годы онъ отда-

---

*) Она появилась впервые въ Россіи въ 1906 г. и выдержала уже 3 изданія.

**) „Древняя Мудрость“, „Человѣкъ и его тѣла“, „Въ Преддверіи Храма“.

валь часть своего времени индусскому коллежду, гдѣ состоялъ преподавателемъ, все же остальное время было посвящено изученію священныхъ писаній древней Индіи. Онъ велъ, внѣ часовъ преподаванія, жизнь отшельника, сохраняя полное молчаніе; такая жизнь длилась семь лѣтъ. Затѣмъ Бруксъ присоединяется къ ордену нищенствующихъ монаховъ и начинаетъ обходить босикомъ, питаясь подаяніемъ, различныя мѣстности Индіи; цѣль его — возстановить и разъяснить забытый смыслъ индусскаго Евангелія «Бхагавадъ-Гита» *).

Такимъ образомъ *европеецъ*, еще недавно свѣтскій парижанинъ, раскрываетъ передъ древнѣйшимъ народомъ Востока живой смыслъ его-же собственной книги Жизни, соединяетъ все разрозненное, разбившееся на безчисленныя секты и говорящее на сотняхъ различныхъ нарѣчій населеніе Индіи у единого источника живой воды.

Сектанство убило могучую духовную жизнь древней Индіи; каждая секта толкуетъ священныя писанія по своему и, благодаря этому разъединенію, живой духъ древней Мудрости покинулъ религіозную мысль Индіи и пересталъ одухотворять жизнь современнаго Индуса. Цѣль Брукса раскрыть этотъ живой духъ древнихъ писаній передъ обѣднѣвшимъ народомъ, и, что глу-

---

*) За два года, съ 1908 по 1910, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, Бруксъ произнесъ въ 130 городахъ и мѣстечкахъ Индіи не менѣе полутора тысячъ лекцій передъ многолюдными собраніями, достигавшими иногда тысячной толпы.

боко знаменательно, средствомъ для осуществленія этой цѣли служитъ англійскій языкъ, языкъ европейцевъ-побѣдителей, ставшій общимъ языкомъ побѣжденныхъ, объединившій безчисленныя разноязычныя племена Индіи.

Но Бруксъ не останавливается на этомъ, его цѣль захватываетъ гораздо болѣе широкіе горизонты.

Онъ мечтаетъ извлечь изъ того же древняго источника Мудрости ту объединяющую идею, которая нужна для *всего* современнаго міра, которая могла бы дать начертаніе для новаго общественнаго строительства, отвѣтить на всѣ чаянія человѣческой души, удовлетворить всѣмъ ея запросамъ. И, что самое необыкновенное, этотъ опростившійся парижанинъ, этотъ босой странникъ, исходившій знойную Индію въ желтой рясѣ буддійскаго монаха, ничуть не пересталъ быть европейцемъ. Онъ несетъ въ своемъ сознаніи всю современную европейскую дѣйствительность, онъ живетъ ея интересами, скорбитъ ея болями, слѣдитъ за всѣми послѣдними словами ея политики, науки и искусства.

Онъ проповѣдуетъ Индусамъ, а мысленно вливаетъ новую жизнь въ обветшалый строй Европы. Онъ беретъ сокровенную мудрость у Востока и одухотворяетъ ею современное строительство Запада. Онъ подслушиваетъ затаенный смыслъ вселенскаго творчества и старается примѣнить этотъ смыслъ къ текущей дѣйствительности.

Его книга *Евангеліе Жизни* представляетъ собой комментарий на святыню Индіи, Бхавадъ-Гиту, и она

должна быть особенно интересна для насъ, какъ показатель того, *какъ* современное европейское сознание преломляется въ глубокой мудрости древняго Востока

Бхагавадъ-Гита вдохновляла безчисленное число комментаторовъ; но въ ней таится глубина, которая имѣетъ сказать нѣчто особое для каждой новой ступени сознанія, для каждой новой цивилизаціи. Мыслителю-философу она даетъ матеріаль для глубокихъ обобщеній, практическому дѣятелю указываетъ *какъ* дѣйствовать, человѣку нашего времени, ищущему смысла жизни, она говоритъ: *смыслъ этотъ въ сверхличномъ служеніи*; ибо все кажущееся разнообразіе проявленнаго міра есть по существу *единство* и человѣкъ, который служитъ общему благу, *выполняетъ истинный долгъ своей земной жизни*. Вотъ этотъ *долгъ служенія* и есть основная нота книги Брукса, его вѣроисповѣданіе и то новое, что онъ можетъ дать европейскому сознанію. Для него Бхагавадъ-Гита и вся божественная мудрость утверждаетъ одно. И это одно—*единство, содружество, кооперація въ самомъ широкомъ смыслѣ, взаимная отвѣтственность, органическая круговая порука*, включая въ это единство все человѣчество, всѣ расы, всѣ части свѣта, и мужчину и женщину, и человѣка, и звѣря, и Бога. И отрицаетъ она также только одно, и это одно—*раздѣленіе*. Она призываетъ всѣхъ «соединиться и воспрепятствовать смертоносному теченію разъединяющихъ мыслей, чувствъ и дѣйствій расоваго, соціального и

религіознаго взаимнаго ненавистничества, которое подь наружнымъ слоємъ нашей безмѣрно усложнившейся цивилизаціи стремительно уноситъ челоувѣчество назадъ, къ хаосу, изъ котораго оно возникло по слову Творца».

Одна изъ особенностей книги Брукса въ томъ, что онъ не отрицаетъ эгоизма и не уговариваетъ убивать его. Онъ только различаетъ эго-измъ (или себя-любіе) личный, Эго-измъ (Себя-любіе) сверхличный и ЭГО-измъ (СЕБЯ-любіе) вселенскій, заключающій въ свой широкой кругъ и твореніе и Творца, и землю и небо. Онъ противуполагаетъ неправильный *разъединяющій* мотивъ дѣятельности и правильный *объединяющій* мотивъ.

Пока центръ тяжести всѣхъ дѣятельностей челоувѣка его *временное личное Я*, пока оно—цѣль всѣхъ его стремленій, до тѣхъ поръ челоувѣкъ борется противъ своего *истиннаго Я*; но когда онъ начинаетъ побѣждать свое личное я («тѣнь» по выраженію священныхъ индусскихъ писаній) въ пользу своего истиннаго Я («свѣтъ»), тогда возникаетъ *самоотреченіе*, которое въ сущности есть *утвержденіе высшаго Я*, предпочтеніе высшаго низшему, отреченіе отъ временнаго въ пользу вѣчнаго, отъ ограниченнаго въ пользу безграничнаго бытія.

По мѣрѣ того, какъ ложные разъединяющіе мотивы уступаютъ мѣсто единому праведному мотиву, который есть *Общее Благо*, невѣрное самоутвержденіе и невѣрное представленіе о «личной пользѣ» постепенно истаиваютъ. Усиливающейся свѣтъ прогоняетъ тьму.

Но уничтоженіе ложныхъ разъединяющихъ мотивовъ еще не все. Это—только отрицаніе; отрицаніе должно замѣниться положительнымъ содержаніемъ и это положительное есть *Любовь, сліяніе всего сущаго въ одно.*

Примѣняя древнюю мудрость къ современному историческому процессу, Бруксъ освѣщаетъ нашу кипучую, тревожную, мучительно-сложную общественную жизнь совершенно новымъ свѣтомъ. Онъ называетъ ее на своемъ смѣломъ языкѣ «огромнымъ тигелемъ, въ который впервые, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ человѣкъ, брошены одновременно всѣ страны, всѣ расы, всѣ цивилизаціи и народы для того, чтобы въ непосредственномъ соприкосновеніи, во взаимномъ треніи, или претворить въ себя всѣ безцѣнные дары человѣческаго творчества, или же отторгнуться отъ этихъ даровъ, пасть жертвой демона партійности, который заставляетъ человѣка отречься отъ высокаго наслѣдія его истинной жизни, безграничной въ своемъ просторѣ и свободѣ».

Люди, видящіе только одинъ наружный покровъ явленій, могутъ принять идею грядущаго объединенія всего человѣчества за бесплодную мечту; и кажущаяся правда будетъ на ихъ сторонѣ. Столько вражды разлито еще въ мірѣ, столько взаимнаго недовѣрія, столько партійнаго и національнаго эгоизма окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, что естественно усомниться въ самой природѣ человѣка, естественно ужасаться ея звѣринымъ инстинктамъ и забывать о все повелительнѣе возрастающей потребности *человѣческихъ*

отношеній въ частной и общественной жизни. Но когда грѣхъ начинаетъ вызывать ужасъ, онъ уже подрѣзанъ въ корнѣ; грѣхъ страшенъ только до тѣхъ поръ, пока его не замѣчаютъ. А мы его разглядѣли, мы его не хотимъ, мы *хотимъ* добра и справедливости; хотя по инерціи и продолжаемъ по прежнему жить дурными пережитками.

Какъ бы далеко мы не проникали въ глубь вѣковъ, мы нигдѣ не найдемъ ничего похожего на современное положеніе вещей. Прежде человѣчество существовало расчлененнымъ. Отдѣльные его члены творили свою работу въ разрывѣ съ остальными, каждый по своему, каждый вырабатывалъ свою особую жизнь, не подвергаясь вліянію другихъ, независимо и самобытно. Общей планъ былъ не виденъ. И если были сознанія, для которыхъ всѣ разрозненныя части человѣчества представляли нѣчто единое, то это были исключительныя существа, «Посвященные», Мудрецы, Сверхчеловѣки. Тогда какъ въ наше время не только сознаніе, но даже и соприкосновеніе со всѣми частями единого человѣческаго организма стало доступно для всѣхъ, для массы, которая съ каждымъ годомъ все свободнѣе и легче передвигается по земному шару, все охотнѣе и чаще соприкасается сознаніемъ съ переживаньями самыхъ отдаленныхъ странъ.

Желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы и телефоны и—*демократія*, ежедневныя газеты для *милліоновъ*, въ которыхъ собраны животрепещущія новости со всего земного шара, *это* явленіе возникло только въ нашу эпоху.

До этой эпохи безнадежно разрозненные географическими разстояніями народы не имѣли понятія даже и о большихъ государствахъ, процвѣтавшихъ на другомъ полушаріи нашей земли. Давно ли произошло открытіе Америки? «Новаго Свѣта», въ которомъ вымирала наиболѣе древняя изъ человѣческихъ цивилизацій, остатки недавно еще баснословной Атлантиды?

Непреодолимые препятствія стояли между людьми. Немногіе мечтатели могли думать объ единствѣ и обнимать крылатыми мыслями любви всѣ разсыпанные по лицу земли милліоны людей, но разбитое на части человѣчество не могло чувствовать себя какъ единый организмъ; часъ для этого еще не пробилъ.

На зарѣ человѣчества, послѣднее нуждалось болѣе всего въ мудрыхъ руководителяхъ и оно имѣло ихъ, оно получало отъ нихъ законы и организацію; теперь же человѣчество нуждается въ *непосредственномъ приобщеніи къ мудрости*, въ обнародованіи для всѣхъ тѣхъ сокровищъ мысли, которыя уже имѣются, но лежали до сихъ поръ подъ спудомъ безъ употребленія; нуждается въ томъ, чтобы чистое золото было добыто со дна, гдѣ оно постепенно покрывалось толстымъ слоемъ предразсудковъ всякаго рода, отъ церковныхъ до научныхъ включительно; нуждается въ томъ, чтобы свѣтильникъ стоялъ на горѣ, освѣщая всѣмъ, кто имѣетъ глаза, пути жизни.

Какую картину представляетъ собою прошлое человѣчества? И чѣмъ отличается эта картина отъ его настоящаго?

Она отличается однимъ: *у нею не было нашихъ средствъ общенія*. Благодаря этому, было взаимное незнаніе другъ друга, а отсюда—отсутствіе взаимной симпатіи и недовѣріе, легко раздуваемое въ ненависть, поражающую кровавыя войны. Отсутствіе симпатіи было неизбѣжно вслѣдствіе отсутствія *освѣдомленности*, которая *непосредственно* возможна только при современныхъ средствахъ передвиженія, а *посредственно*—благодаря широкому распространенію прессы.

Зарожденіе симпатіи въ неразрывной связи съ *близостью явленія*. Убійство, совершенное въ мѣстѣ, о которомъ мы не имѣемъ понятія, производитъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ убійство нашего сосѣда, у котораго мы только что были въ гостяхъ. Фактъ одинъ и тотъ же, но въ одномъ случаѣ онъ не вызываетъ никакого впечатлѣнія, въ другомъ—потрясаетъ насъ настоящимъ ужасомъ. Отчего это? Да оттого, что въ первомъ случаѣ онъ происходилъ *внѣ поля нашего сознанія*, во второмъ—*мы мысленно присутствовали при немъ*. Явленіе одно и то же, *измѣнилась только его близость къ намъ*.

Прежде почти весь міръ, за исключеніемъ тѣснаго круга, въ которомъ жилъ человѣкъ, былъ *изъятъ изъ его сознанія*, теперь же, при ежегодно растущихъ передвиженіяхъ людей всѣхъ классовъ, области, гдѣ мы можемъ мысленно присутствовать, а слѣдовательно и сочувственно отзываться на все, что въ нихъ совершается,—расширяются все болѣе и болѣе. Въ такой же мѣрѣ растеть и количество впечатлѣній, дѣй-

ствующимъ на нашу нервную систему, которая, благодаря этому, становится все воспримчивѣе и отзывчивѣе и вызываетъ къ жизни все бѣльшее количество невидимыхъ нитей пониманія и симпатіи, внутренне соединяющихъ людей между собою такъ же, какъ ихъ города соединены сѣтью телеграфныхъ проволокъ. *Послѣднія только внѣшніе показатели внутренняго факта.*

Этотъ внутренній фактъ: соединеніе разбросанныхъ членовъ человѣчества въ единый, внутренне спаянный, живущій общей жизнью организмъ, начинается осуществляться благодаря *освѣдомленности* современныхъ людей относительно всего, что происходитъ на землѣ; а это—въ свою очередь—стало возможно только вслѣдствіе механической нервной системы, покрывшей весь земной шаръ рельсами и каналами, подземными кабелями и надземными проволоками, по которымъ, несмотря на разстояніе, безостановочно переносится біеніе общей жизни изъ конца въ конецъ земли.

Этотъ двойной фактъ вызвалъ глубочайшія измѣненія во всѣхъ отдѣлахъ человѣческой жизни, въ ея политическихъ и соціальныхъ организаціяхъ, въ области духовнаго творчества и въ міровой торговлѣ. Сближеніе людей всѣхъ странъ, все болѣе учащающіяся сношенія на международныхъ конгрессахъ и во время періодическихъ экскурсій ученыхъ, литераторовъ и политическихъ дѣятелей, а въ послѣднее время и народныхъ учителей, вошедшая въ обычай переписка

между представителями различныхъ странъ и народностей (исисты), широкое распространение синематографовъ, благодаря которому уже не передъ единицами, а передъ большинствомъ развертываются картины всѣхъ странъ земного шара, попытки создать международный языкъ,—не является ли все это яркимъ показателемъ новой міровой эры? Растущее взаимное пониманіе и международное сотрудничество во всѣхъ важныхъ отдѣлахъ жизни идетъ на смѣну недавней обособленности и взаимной враждебности, а это, въ свою очередь, поведетъ къ неизбѣжному общему разоруженію народовъ.

Съ точки зрѣнія «Евангелія Жизни» Брукса мы подходимъ одновременно и къ уничтоженію *двойственности* нашего европейскаго сознанія, которое такъ ярко выразилось въ противоположеніи «матеріализма» и «идеализма». Противоположеніе это еще продолжается по привычкѣ, но скоро всѣмъ станетъ ясно, что ~~во~~ оно построено на недоразумѣніи, на привычкѣ смотрѣть на міръ или со стороны одной формы, или со стороны одного духа.

Бруксъ сравниваетъ *внѣшнее* строительство и его значеніе для духа жизни съ значеніемъ физическаго организма со всѣмъ разнообразіемъ составляющихъ его клѣтокъ, съ его питающей кровеносной системой, съ передающей впечатлѣнія нервной сѣтью для *Живущаго* въ организмѣ. Не будь этого организма, какъ могли бы проявиться многообразныя духовныя силы человѣка? Для понявшаго единство жизни, всякое раздѣленіе на духъ и матерію является абсурдомъ.

Твердо увѣренный, что мы приближаемся къ новой эрѣ, когда раздробленное человѣчество соединится въ одно цѣлое, Бруксъ предвидитъ, что этой новой ступени сознанія будетъ предшествовать появленіе великаго Учителя, который дастъ міру религію, объединяющую въ себѣ чистую сущность всѣхъ бывшихъ до этого времени религіозныхъ ученій.

Религія эта дастъ міру новое откровеніе о *томъ единомъ духѣ, который живетъ во всѣхъ насъ.*

Мы всѣ знаемъ въ себѣ *два сознанія*: одно, которое раскрывается въ тѣ рѣдкія минуты, когда мы воспринимаемъ окружающій міръ *съ любовью*; это—*сознаніе нашего единства со всѣми*, сознаніе, что у всѣхъ такое же *я*, какое живетъ въ насъ, что оно также страдаетъ и радуется, какъ и наше *я*. Другое сознаніе, нормальное для *нашей* ступени эволюціи, это—сознаніе нашей *отдѣльности* отъ другихъ, признаніе этихъ другихъ чужими, не имѣющими ничего общаго съ нашимъ *я*. Это другое сознаніе *сдуживаетъ* насъ, оно строитъ непереходимую стѣну между людьми, тогда какъ первое сознаніе разрушаетъ эту стѣну и *расширяетъ* нашу способность воспріятія; одно сознаніе питаетъ нашъ *эгоизмъ*, другое—вызываетъ къ жизни *любовь*; одно хочетъ *брать* все для себя, другое—стремится *отдавать*, одно желаетъ добра для одного себя, другое—для всѣхъ, одно вызываетъ *уныніе и неудовлетвореніе*, другое—*радость и полноту*, одно ведетъ къ *духовному рабству и злу*, другое—къ *внутренней свободѣ и благу*. Происходитъ это оттого, что въ тѣ минуты, когда мы сознаемъ

свое единство со всѣмъ живымъ, мы живемъ по закону духа, въ остальное время—мы идемъ *противъ* этого закона.

Религіозное сознаніе будущаго должно привести къ обратному соотношенію между этими двумя способами воспріятія: перестраивая по новымъ линіямъ наше міропониманіе, оно превратитъ сознаніе единства *въ норму нашего мышленія*, а иллюзія отдѣльности будетъ овладѣвать нами лишь временами, въ дурныя минуты слабости и паденія.

Читатель можетъ спросить, на чемъ основана такая увѣренность?

Она основана на томъ, что человѣкъ эволюціонируетъ, что сознаніе его не есть законченная величина, а творческій процессъ, который медленно, но неуклонно переводитъ человѣка изъ *малаго* круга его ограниченнаго личнаго *я* въ *большой* кругъ сверхличнаго міроваго Я.

Кромѣ того, мы всѣ опытно знаемъ, что человѣкъ можетъ быть счастливъ только тогда, когда кончается его обособленность и когда онъ сливается своимъ *я* съ другими *я*; но это знаніе не приведено въ связь съ нашимъ міросозерцаніемъ, оно остается безъ вліянія на нашу жизненную практику. Задача грядущей міровой религіи—построить эту связь, запечатлѣть въ сознаніи всѣхъ, *что единый духъ живетъ во всемъ человечествѣ*.

Имѣются въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ слѣдующія книги по теософіи:

Великіе Посвященные Эд. Шюре, перев. Е. Писаревой, 2-е изданіе. Цѣна 2 р. 25 к.

Задачи Теософіи, Алба. Цѣна 25 к.

Свѣтъ на Пути, 2-е изданіе, переводъ Е. П. Цѣна 50 к.

Древняя Мудрость, А. Безантъ, пер. Е. П. 2-е изданіе. Цѣна —

Сокровенная философія Индіи, Чаттерджи, перев. Е. П. 3 изданіе. Цѣна 80 к.

Елена Петровна Блаватская, ея біографія, отзывы о ней учениковъ и образцы ея сочиненій. Цѣна 2 р.

Голось Безмолвія, Е. П. Блаватской, пер. Е. П., 2 изданіе. Цѣна 50 к.

Исторія года, М. Коллинзъ. Цѣна 45 к.

Въ Преддверіи Храма, Анни Безантъ, пер. Алба. Цѣна 80 к.

Путь Ученичества, Анни Безантъ, пер. Никольскаго. Цѣна 80 к.

Древняя Мудрость на протяженіи вѣковъ. Паскаля, пер. А. Гралевской. Цѣна 80 к.

Краткій очеркъ Теософіи Ч. Ледбитера, пер. Е. П. Цѣна 50 к.

Цѣль и Путь, Е. Кузьмина, Цѣна 25 к.

У ногъ Учителя, Алсіонъ, 2-е изданіе. Цѣна 30 к.

Четвертое измѣреніе, П. Успенскаго. Цѣна 1 р. Tertium Organum—Ключъ къ загадкамъ міра.

П. Успенскаго. Цѣна 2 руб.

Внутренній кругъ П. Успенскаго. Цѣна 1 р. 20 к.

Изъ лѣтописи челоуѣческой души, рассказы Майкель Вудъ, перев. съ англійскаго Е. Писаревой. Цѣна 1 р. 15 к., въ перепл. 1 р. 35 к.

- Вопросы воспитанія въ связи съ духовной культурой. Альба ц. 30 к.
- Воспитаніе, какъ видъ служенія Дж. Кришнамурти. Цѣна 50 коп.
- Вѣхи. Первое семилѣтіе ребенка, выпускъ 1-й. Цѣна 15 коп.
- Путь къ Посвященію или какъ достигнуть познанія высшихъ (сверхчувственныхъ) міровъ, д-ра Р. Штейнера съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 30 к.
- Автобіографія. Анни Безантъ. Съ двумя портретами. Ц. 2 р.
- Символы Таро, философія оккультизма. П. Успенскаго. Цѣна 70 к.
- Мистеріи древности и христіанство, Р. Штейнеръ. Цѣна 1 руб.
- Памяти А. П. Философовой Е. Писаревой. Цѣна 75 к.
- Братство Религій, А. Безантъ, Цѣна 50 к.
- Молитва Господня, музыка А. Унковской. Цѣна 90 коп.
- Теософія и ея критики Д. Страндена. Цѣна 40 к.
- Забытая сторона Христіанства Д. С—нъ. Цѣна 75 к.
- Популярные очерки по Теософіи:
- Что такое Теософія? А. Каменской Цѣна 15 к.
- № 1. Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ. Е. П. Цѣна 25 к.
- № 2. Законъ Причинъ и Послѣдствій (Карма). Е. П. Цѣна 25 к.
- № 3. Перевоплощеніе Е. П. Цѣна 25 к.
- № 4. Сила Мысли и Мысле-образы. Е. П. Цѣна 25 к.
- № 5. Законы Высшей Жизни. А. Безантъ. Цѣна 35 к.

Вѣстникъ Теософіи, журналъ. Цѣна 6 р. въ годъ.
Редакція: С.-Петербургъ, Ивановская 22.
